Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»

На правах рукописи

Золотарев Михаил Владимирович

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В СОВРЕМЕННОМ МОЛОДЕЖНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Специальность 10.02.19 – Теория языка

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
кандидат филологических наук, доцент,
профессор кафедры английского языка
и методики его преподавания
Р. З. Назарова

Саратов, 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение..... 4

ГЛАВА 1. Теоретические основы исследования прецедентности в лингвистике..... 15

1. Проблемы изучения прецедентных феноменов, вопросы дефиниции и классификации в свете различных подходов..... 15

1.1 История возникновения понятия прецедентности..... 15

1.2 Прецедентность и интертекстуальность..... 29

1.3 Современное состояние теории прецедентности..... 34

2. Дискурс-анализ как метод изучения лингвопрагматических особенностей прецедентных феноменов..... 45

2.1 Основные подходы к исследованию дискурса..... 45

2.2 Дискурс-анализ в отечественной и зарубежной науке..... 50

2.3 Языковая личность как один из параметров дискурсивного контекста при дискурс-анализе прецедентных феноменов..... 55

Выводы к главе 1..... 60

ГЛАВА 2. Прецедентные феномены в современном американском и российском молодежном дискурсе: анализ экспериментальных данных..... 62

1. Особенности организации и методики проведения эксперимента..... 62

2. Гендерные, возрастные и социальные характеристики информантов.... 69

3. Алгоритм реализации модели дискурс-анализа прецедентных феноменов при работе с языковым корпусом мини-контекстов в настоящем исследовании 71

4. Общие тенденции употребления прецедентных феноменов в современном молодежном дискурсе 77

4.1 Механизмы «развертывания» прецедентных текстов и прецедентных ситуаций в молодежном дискурсе..... 79

4.2 Особенности полисемии прецедентных феноменов в американском и российском молодежном дискурсе..... 92

4.3 Условия приобретения коннотативной окраски прецедентными именами в молодежном дискурсе..... 109

Выводы к главе 2..... 116

ГЛАВА 3. Контексты употребления и процессы трансформации прецедентных феноменов в современном молодежном дискурсе: верификация экспериментальных данных..... 118

1. Типы лексико-грамматических контекстов употребления прецедентных феноменов в американском и российском молодежном дискурсе..... 119

2. Трансформационные процессы фразеологизации и стереотипизации прецедентных феноменов в молодежном дискурсе..... 131

Выводы к главе 3..... 138

Заключение..... 140

Список литературы..... 145

Приложения..... 167

ВВЕДЕНИЕ

Проявление прецедентности в дискурсе носителей языка на протяжении последних трех десятков лет пристально изучается современными лингвистами. Интерес к прецедентным феноменам не ослабевает; появляются новые работы, детализирующие особенности их употребления и функционирования в разных типах дискурса. Такое внимание к этой проблеме объясняется, на наш взгляд, тем, что употребление прецедентных феноменов сопровождается отсылкой к ранее созданному тексту или явлению/событию прошлого, что становится примером одного из интереснейших, по нашему мнению, механизмов смыслообразования. Также прецедентные феномены обладают потенциалом передавать культурный код языковой общности людей, что становится чрезвычайно важным в современном мире, подверженном процессу глобализации. Умение декодировать особенности чужой культуры, проявляющиеся в языке, в частности посредством прецедентных феноменов, стало одним из ключевых аспектов, определяющих успех межкультурной коммуникации.

Актуальность настоящего исследования определяется недостаточной разработанностью проблемы прецедентности в языке и необходимостью подробного научного анализа многих ее аспектов, которые затрагивают такие фундаментальные вопросы и проблемы лингвистики как успешное и неуспешное протекание межкультурной коммуникации, выявление определяющих мотивов и интенций коммуникантов, уровни развития языковой компетенции и др. В настоящее время нуждаются в уточнении многие вопросы теории прецедентности. Так, например, недостаточно исследован механизм закрепления и «отмирания» прецедентных феноменов в дискурсе носителей языка, отсутствует единое представление о функциях прецедентных феноменов, требуют объяснения процессы превращения прецедентных феноменов во фразеологизмы и речевые стереотипы, не в полной мере изучены национально-специфические и универсальные лексико-грамматические контексты употребления прецедентных феноменов, открытым остается вопрос об особенностях полисемии прецедентных феноменов. Разрешение этих проблем, на наш взгляд, смогло бы прояснить

некоторые вопросы, связанные с когнитивными механизмами смыслообразования, а также вопросы осуществления и успешного протекания межкультурной коммуникации, что способствовало бы выработке стратегии, направленной на установление продуктивного диалога культур.

Объектом исследования являются прецедентные феномены в современном американском и российском молодежном дискурсе. **Предмет** исследования – лингвопрагматические особенности употребления прецедентных феноменов в дискурсе современной молодежи как отражение общих тенденций экспликации прецедентных феноменов в дискурсе носителей языка.

Цель исследования – выявление универсальных и национально-специфичных лингвопрагматических особенностей употребления прецедентных феноменов в дискурсе современной американской и российской молодежи. В соответствие с целью исследования в диссертационном сочинении решаются следующие **задачи**:

1) исследовать основные положения теории прецедентности в трудах отечественных и зарубежных ученых и сформулировать рабочую гипотезу исследования;

2) выработать и обосновать основные принципы проведения лингвистического эксперимента для изучения прецедентных феноменов в молодежном дискурсе;

3) провести подготовительный этап эксперимента в форме фокусированного (глубинного) интервью, проанализировать его результаты, подготовить и провести онлайн-анкетирование информантов, обработать и проанализировать полученные результаты;

4) установить языковые механизмы «развертывания» прецедентных феноменов в дискурсе молодежи и определить условия приобретения ими коннотативной окраски;

5) выявить особенности полисемии прецедентных феноменов в дискурсе американской и российской молодежи;

6) провести верификацию результатов эксперимента в отношении выявленных типов лексико-грамматических контекстов употребления прецедентных феноменов и процессов их фразеологизации и стереотипизации.

Стоит отметить, что в настоящее время исследования прецедентных феноменов ведутся в свете различных теорий, что позволяет взглянуть на изучаемое явление с разных точек зрения. Например, в рамках когнитивного подхода (Ю.Н. Караулов, Д.Б. Гудков, В.В. Красных, И.В. Захаренко, Д.В. Багаева, В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова, Е.А. Нахимова, Н.А. Голубева, В.Л. Латышева, В.И. Макаров, Н.В. Петрова) прецедентные феномены рассматриваются как ментальные единицы особого порядка, занимающие определенное место в сознании языковой личности. С позиции лингвокультурологического подхода (С.Л. Кушнерук, Е.Ю. Попова, Ю.Е. Прохоров, Г.Г. Слышкин, Л.И. Гришаева) прецедентные феномены понимаются как репрезентаторы артефактов человеческой культуры, обладающие ценностной значимостью и клишированностью употребления.

В настоящей работе *прецедентность* трактуется через использование носителями языка накопленного текстуального и культурного опыта для решения лингвистических и экстралингвистических задач коммуникации. В дискурсе носителей языка прецедентность реализуется посредством прецедентных текстов, прецедентных ситуаций, прецедентных высказываний и прецедентных имен.

Для современной лингвистики характерно исследование прецедентных феноменов в различных типах дискурса. В частности, прецедентные феномены изучаются на материале политического (Л. В. Балашова, В. А. Безбородова, О. А. Ворожцова, А.Б. Зайцева, М.И. Косарев, Е.А. Нахимова, Н.Н. Воропаев, Э.Н. Шумская, Ф.В. Куливов), виртуального (Л.М. Гриценко, Е.П. Карташова, Д.Г. Коновалова, К.А. Щукина), художественного (Г.Д. Распаева, С.В. Банникова, Е.В. Чернышова, Е.Д. Селифонова), публицистического (А.С. Драпалюк, Л.М. Гриценко, Е.В. Скворцова, Л.Э. Рогозина), рекламного (С.С. Чистова, Л.Г. Газизова), юмористическом (А.А. Проскурина, Ю.В. Щурина), молодежного (Л.Ю. Федорова, А. П. Сдобнова) и других типов дискурса. Проводятся

диахронические (С. В. Банникова, Н. В. Петрова) и синхронические (В. Л. Латышева, Е. А. Нахимова) исследования прецедентных феноменов. Изучаются прецедентные феномены в рамках конкретных произведений (С. В. Буланкова, Н. М. Орлова, Е. Ю. Попова, Г. Д. Распаева) и при рассмотрении общих вопросов межкультурной коммуникации (Т. П. Дружченко, Е. П. Носова, И. В. Привалова, Е. П. Русакова). Работы вышеперечисленных ученых стали **теоретическим основанием** настоящего диссертационного исследования.

В ходе анализа теоретического материала была сформирована **рабочая гипотеза**, согласно которой метод элицитации дает достаточный и надежный материал для изучения особенностей употребления прецедентных феноменов в дискурсе носителей языка. Мы полагаем, что экспериментальный метод воздействия на информанта предоставляет данные об употреблении прецедентных феноменов в условиях близких к ситуациям устного и письменного общения, что обеспечивает соответствие исследования поставленной цели.

Анализ научной литературы по данной проблеме показал, что при изучении прецедентности огромную роль играет прагматика речевой ситуации, интенции адресанта и способность адресата правильно интерпретировать высказывание, поэтому настоящее диссертационное исследование опирается не только на продукт речевой деятельности (текст), но также и на ситуацию, в которой осуществлялась данная речевая деятельность. В связи с этим, *дискурс* нами понимается широко, как процесс использования языка в определенных условиях, детерминированных речевым поведением языковой личности, которое рассматривается «во всей полноте своего выражения (словесно-интонационного и паралингвистического) и устремления, с учетом всех внеязыковых факторов (социальных, культурных, психологических), существенных для успешного речевого взаимодействия» [Васильева 1996: 34-35]. Данное понимание дискурса обусловило выбор дискурс-анализа как одной из методик настоящего исследования, направленной на интерпретацию продукта коммуникативного акта с учетом анализа всех условий его порождения.

В настоящем диссертационном сочинении *дискурс-анализ* направлен на исследование определенной совокупности текстов, мини-контекстов и экстралингвистических условий, в которых они создавались. Данный подход подразумевает прежде всего работу с текстами и мини-контекстами как результатом дискурса и анализа их в контексте создания, что обусловливает анализ интенций и индивидуальных особенностей автора, а также особенностей социальной и культурной среды, в которой и порождается дискурс. Так как значения прецедентных феноменов не кодифицируются и не фиксируются в традиционных словарях как другие единицы языковой системы, ценной представляется работа непосредственно с носителями языка, языковое сознание которых хранит представления о тех или иных прецедентных феноменах. Поэтому именно *сознание языковой личности*, актуализируемое в процессе коммуникации, рассматривается в настоящем исследовании как один из основных параметров дискурсивного контекста.

При рассмотрении вопроса ментальной структуры концептов прецедентных феноменов убедительной представляется точка зрения ряда отечественных ученых (см. работы С. Н. Долевца, В. В. Красных, Д. Б. Гудкова, Ю. Е. Прохорова и др.), которые считают, что концепт прецедентного феномена включает инвариантную и вариативную части. Под инвариантной составляющей подразумевается наличие неких обобщенных признаков прецедентного феномена, которые известны достаточно широкой аудитории и обязательно присутствуют в структуре индивидуального концепта прецедентного феномена каждой языковой личности. Вариативная составляющая носит частный характер и зависит от особенностей апперцепции языковой личности. Таким образом, прецедентные феномены отражают особенности как индивидуальной, так и коллективной картин мира, что обусловливает наличие у прецедентных феноменов таких свойств, как эталонность (способность выступать неким эталоном/шаблоном для факта или явления действительности) и аксиологическая маркированность (способность выражать определенную, положительную или отрицательную, ценность). Другое важное свойство прецедентных феноменов,

референциальность, связано с уникальным механизмом наименования, который развертывается в дискурсе через отсылку на ранее созданный текст или событие / явление прошлого.

Помимо основных свойств прецедентных феноменов в настоящем исследовании выделен ряд дополнительных. Например, такое свойство прецедентных феноменов как известность, используется в настоящей работе для построения *иерархии прецедентных феноменов* в сознании языковой личности. Согласно нашим предположениям распределение прецедентных феноменов в сознании языковой личности происходит по четырем уровням, которые включают: индивидуальный, микрогрупповой, макрогрупповой и общенациональный (при установлении уровней прецедентности опираемся на работы таких ученых, как Д.Б. Гудков, В.В. Красных, И.В. Захаренко, Д.В. Багаевая, М.Б. Дюжева, Е.Г. Озерова, Н.В. Петрова, О.К. Кулакова, С.В. Буланкова и др.). Иерархия прецедентных феноменов, по нашему мнению, имеет нежесткий характер и объясняет перемещение прецедентных феноменов с одного уровня на другой. Правомерным представляется тезис о том, что возникновение прецедентных феноменов происходит при движении прецедентных феноменов с индивидуального уровня (например, в случае создания текстов, которые в последующем могут приобрести статус прецедентных) или с уровня малых групп (в случае разнообразных исторических событий и ситуаций) на уровни более высокого порядка. Получая широкую известность, прецедентные феномены индивидуального и микрогруппового уровней имеют возможность закрепиться в сознании большой группы людей и приобрести статус национальных, культурных или цивилизационных (в зависимости от широты распространения).

Анализ научной литературы по теории прецедентности позволил сделать вывод о том, что перемещение прецедентных феноменов может наблюдаться как с нижних уровней на верхние, так и наоборот. Движение с верхних уровней на нижние характерно для феноменов, теряющих свой «прецедентный» характер. Потеря прецедентным феноменом такого своего свойства как известность, обусловливает потерю основного признака, референциальности, т.е. отсылки к

известному тексту или ситуации. Если никто не помнит источник прецедентного феномена, или даже не знаком с ним понаслышке, то такой феномен просто перестает быть прецедентным, так как отсылка на первоисточник перестает быть возможной.

Очевидно, что на устойчивость закрепления прецедентных феноменов влияют многие факторы. По всей вероятности, одну из главных ролей в процессе закрепления прецедентных феноменов играет их ценностная составляющая. Если прецедентный феномен отражает какое-либо явление или факт действительности, являющийся актуальным и ценным для данного лингвокультурного сообщества, то данный прецедентный феномен сможет надолго закрепиться в коллективной памяти носителей языка. Однако условия формирования прецедентных феноменов видятся неодинаковыми в различные исторические эпохи. Интенсивность процесса накопления и закрепления прецедентных феноменов, на наш взгляд, напрямую связана с процессом обмена информацией между людьми. Можно предположить, что объем прецедентных феноменов значительно возрос после изобретения книгопечатания и распространения книг различных авторов. Появление газет, а затем и телевидения, ускорило процесс обновления когнитивных баз прецедентных феноменов и расширило сферы их источников. На данный момент процесс возникновения и «отмирания» прецедентных феноменов (а также их объем и варьирование) значительно ускорился за счет появления глобальной сети Интернет и общения людей в социальных сетях. Речевые стратегии современных носителей языка подвергаются воздействию изменяющихся условий протекания коммуникации, что закладывает основы формирования нового типа языковой личности, для которой общение в виртуальном пространстве становится обыденным явлением. В связи с этим, изучение молодежного дискурса, разворачивающегося в новых коммуникативных условиях, представляется весьма перспективным.

Материалом настоящего исследования послужили тексты (общим объемом 201857 словоупотреблений) и мини-контексты (общим объемом 6055

словоупотреблений), созданные носителями английского (американский вариант) и русского языков в возрасте от 18 до 30 лет.

Отбор языкового материала проходил в несколько этапов. Первоначально на основе работы с текстами виртуального дискурса были отобраны прецедентные феномены актуальных для современной американской и российской молодежи сфер-источников. Затем прецедентные феномены с вхождением как минимум в 1000000 текстов виртуального дискурса были предложены информантам для составления собственных предложений в ходе лингвистического эксперимента настоящего исследования. Результатом данного эксперимента стал авторский двуязычный корпус (общим объемом в 6055 словоупотреблений) мини-контекстов употребления прецедентных феноменов пяти сфер-источников: *Библия, музыка, литература, кино и телевидение*. Полученные в результате эксперимента мини-контексты были подвергнуты дискурс-анализу согласно разработанной нами модели.

Результаты проведенного лингвистического эксперимента были подвергнуты верификации. Для подтверждения релевантности выявленных общих и национально-специфических лексико-грамматических контекстов употребления прецедентных феноменов в дискурсе современной американской и российской молодежи нами был подготовлен двуязычный корпус письменных текстов, авторами которых выступили носители английского (американский вариант) и русского языков в возрасте от 18 до 30 лет. Корпус включал в себя как художественные, так и нехудожественные письменные тексты общим объемом не менее 200 000 словоупотреблений.

Для работы с языковым корпусом текстов использовалась компьютерная программа *AntConc*, позволившая отобрать необходимый языковой материал, используя такие функции как конкорданс, поиск по лемме и регулярным выражениям. Поисковые запросы формулировались на основе ключевых слов и словосочетаний, выявленных в результате анализа мини-контекстов, полученных от информантов в ходе эксперимента. В последующем отобранный материал был также подвергнут дискурс-анализу.

В качестве основного **метода** сбора данных в работе применялся метод элицитации, для анализа отобранного материала применялась методика дискурс-анализа, в качестве дополнительных применялись методы корпусной лингвистики и машинной обработки текстов, контекстуальный анализ, сопоставительный анализ, лингво-стилистический анализ и элементы компонентного анализа лексико-грамматических контекстов употребления прецедентных феноменов.

В результате проведенного исследования сформулированы и выносятся на защиту **следующие положения**:

1. В дискурсе современной американской и российской молодежи присутствуют общие механизмы «развертывания» прецедентных текстов через прецедентные ситуации, прецедентные высказывания или прецедентные имена. В молодежном дискурсе обоих лингвокультур нередко наблюдается двухуровневый процесс отсылки к прецедентному тексту 1) через выделяемую внутри него прецедентную ситуацию и 2) через прецедентное имя или высказывание, которые ее актуализируют.

2. В дискурсе современной американской и российской молодежи прецедентные феномены обладают ярко выраженной полисемией, обусловленной особенностями структуры их концептов, которые включают инвариантную и вариативные части.

3. Употребление прецедентных феноменов может быть коннотативно окрашено. Приобретение положительной или отрицательной коннотативной окраски прецедентным феноменом связано с оценкой носителями языка конкретного референта, прецедентной личности, или с оценкой прецедентной ситуации или прецедентного текста.

4. Как в американском, так и в российском молодежном дискурсе присутствуют универсальные лексико-грамматические контексты употребления прецедентных феноменов, а именно, прецедентные феномены чаще всего реализуются в форме сравнительного оборота и в составе именного сказуемого.

5. В дискурсе современной американской и российской молодежи план выражения и план содержания прецедентных феноменов может подвергаться

фиксации, что является следствием выявленных автором настоящей работы трансформационных процессов фразеологизации и стереотипизации прецедентных феноменов.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые проведен лингвистический эксперимент среди репрезентативной группы информантов, представителей молодежного сообщества Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации, с целью изучения особенностей употребления прецедентных феноменов в их дискурсе. В диссертационном исследовании описаны механизмы «развертывания» прецедентных феноменов в дискурсе молодежи и условия приобретения прецедентными феноменами коннотативной окраски. Установлены универсальные и национально-специфические особенности полисемии прецедентных феноменов в дискурсе американской и российской молодежи. Проведен анализ типичных лексико-грамматических контекстов употребления прецедентных феноменов в дискурсе современной молодежи. В диссертационном сочинении посредством верификации результатов эксперимента на достаточном материале текстов доказано наличие трансформационных процессов фразеологизации и стереотипизации прецедентных феноменов в дискурсе современной американской и российской молодежи.

Теоретическая значимость определяется целостным характером проведенного дискурс-анализа прецедентных феноменов в дискурсе молодежи. Этот анализ позволяет уточнить научные представления о прецедентных феноменах, их основных и второстепенных признаках, особенностях употребления в дискурсе носителей языка. Важным для теории языка является применение метода элицитации для исследования прецедентных феноменов, обоснование надежности и достоверности применяемого метода.

Практическая значимость заключается в том, что полученные результаты и материалы исследования могут быть использованы в курсах общего языкознания, когнитивной лингвистики, психолингвистики, лексикологии и лингвокультурологии, а также на занятиях по практике языка на специализированных факультетах при анализе текстов различной сложности.

Данные об особенностях употребления прецедентных феноменов в дискурсе носителей языка могут быть учтены при составлении ассоциативных словарей.

Апробация результатов: полученные автором диссертации результаты были представлены в виде докладов на международных и всероссийских конференциях: на Международных конференциях «Central Slavic Conference», г. Сент-Луис, США (2011, 2012), Международных научно-практических конференциях «Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации» на факультете иностранных языков и лингводидактики Саратовского государственного университета (2012, 2013, 2014, 2016), на Международных конференциях «Центральной ассоциации учителей русского языка в Америке», г. Тальса, США (2012, 2013), на 43-ей Международной филологической научной конференции на филологическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета (2014), на III Международной научной конференции «Современное общество: человек, власть, экономика» в Саратовском государственном университете (2014), на Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Инновационные технологии в теории и практике обучения иностранным языкам в средней и высшей школе» на гуманитарном факультете Чеченского государственного педагогического института (2015), на Международной научно-практической конференции Института языкознания РАН «Вопросы лингвокультурологии: теория vs эмпирия» (2015), на V Международной научной конференции «Конфликты в современном мире: международное, государственное и межличностное измерение» в Саратовском государственном университете (2016).

По теме диссертационного исследования опубликована **1 монография** (5,8 п.л.) и **12 научных статей** общим объемом 4,2 п.л. (**три** из них в изданиях, включенных в перечень, рекомендуемый ВАК РФ).

Специфика поставленных задач исследования определила **структуру диссертации**: работа состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка использованных источников и приложений.

ГЛАВА 1. Теоретические основы исследования прецедентности в лингвистике

1. Проблемы изучения прецедентных феноменов, вопросы дефиниции и классификации в свете различных подходов

1.1 История возникновения понятия прецедентности

В настоящее время широкое распространение в лингвистике получила теория прецедентности. Появилось и продолжает появляться большое количество работ, посвященных прецедентным феноменам (ПФ). В отечественной лингвистике активно развивается несколько подходов к исследованию этого языкового явления. Один из них, когнитивный, рассматривает прецедентные феномены как ментальные единицы и отчасти опирается на положения теории языковой личности. Изучением прецедентных феноменов в рамках этого подхода занимались такие ученые как Ю. Н. Караулов, Д. Б. Гудков, В. В. Красных, И. В. Захаренко, Д. В. Багаева, В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова, Е. А. Нахимова, Н. А. Голубева, В. Л. Латышева, В. И. Макаров, Н. В. Петрова. Другой подход, при котором прецедентные феномены понимаются как репрезентаторы артефактов (в широком смысле) человеческой культуры, основывается на достижениях молодой отрасли лингвистики – лингвокультурологии. С точки зрения лингвокультурологического подхода прецедентные феномены в своих работах исследовали С. Л. Кушнерук, Е. Ю. Попова, Ю. Е. Прохоров, Г. Г. Слышкин, Л. И. Гришаева. Наконец, третий подход рассматривает прецедентные феномены как материализованные знаки интертекстуальности. Данного подхода придерживаются такие лингвисты как А. Е. Супрун, Г. Д. Распаева, Н. В. Иноземцева, Н. А. Кузьмина, А. Д. Васильев, И. И. Яценко, А. А. Евтюгина, С. С. Чистова.

Несмотря на то, что столь большое количество ученых посвящают свои работы изучению прецедентных феноменов, пока не представляется возможным уверено говорить, что данное явление всесторонне исследовано. Перечисленные выше системы лингвистического знания, в рамках которых изучаются прецедентные феномены, в некоторых случаях допускают различные трактовки базовых понятий (например, размытость понятия «текст» позволяет выделять в качестве невербальных прецедентных текстов памятники архитектуры), также в качестве основных и второстепенных нередко указываются различные признаки прецедентных феноменов. Как справедливо, на наш взгляд, поясняет Н. В. Смыкунова, разнообразие трактовок и понятий, связанных с прецедентными феноменами, продиктовано тем, что при изучении прецедентности «исследователи отмечают понятия близкие, но разнопорядковые; в целом, понятие «прецедентный» трактуют одинаково, но разница касается самих анализируемых феноменов, степени и глубины этих явлений» [Смыкунова 2003: 7-8].

Все это, на наш взгляд, указывает на то, что прецедентность – явление сложное и многогранное, требующее комплексного, всестороннего подхода к своему изучению. В настоящем параграфе обратимся к истории возникновения понятия прецедентности.

Впервые термин «прецедентный» по отношению к единицам языковой системы был употреблен в исследованиях, посвященных изучению языковой личности. В рамках подобных исследований прецедентные феномены рассматривались как реальные единицы языковой системы (например, предложение или текст), употребление которых связывалось с наличием коммуникативно-деятельностных потребностей языковой личности. Постулировалось положение о том, что некоторые коммуникативные акты не могут быть объяснены лишь коммуникативными потребностями (контактоустанавливающей, информационной или воздействующей), но их следует рассматривать в рамках всей парадигмы социально-деятельностного поведения языковой личности. В связи с этим, выделялись тексты особого рода,

функционирование которых отражало интенциональности, интересы, мотивы, цели и ценности языковой личности.

Данная точка зрения преобладала в науке вплоть до середины 90-х годов XX века и принадлежала Ю.Н. Караулову, который в своей книге «Русский язык и языковая личность» впервые употребил термин *прецедентный текст*. Под прецедентными ученый понимал «тексты, 1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, 2) имеющие сверхличностый характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, 3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов 2007: 216].

Приведенное выше определение заложило основы теории прецедентности и обусловило одно из первых направлений исследования прецедентных феноменов. Представляется оправданным подход в рамках этого направления, согласно которому употребление прецедентного текста не всегда продиктовано только лингвистическими параметрами коммуникативного акта (коммуникативная цель, языковая компетенция адресанта и адресата и т.д.), но и экстралингвистическими условиями его протекания. В связи с этим, считаем, что изучение прецедентности не может проводиться только с позиций структурализма, но должно также включать в себя исследование «неязыковых» особенностей осуществления коммуникативного акта. Иначе, трудным представляется объяснить использование прецедентных феноменов, например, в людической или парольной функциях (изучением данных функций ПФ занимались Г. А. Завьялова, Г. Г. Слышкин, В. П. Былевский, Е. А. Нахимова и др.). Использование прецедентных феноменов в людической функции, по нашему мнению, связано с желанием адресанта произвести благоприятное впечатление на адресата, парольная же функция обусловлена желанием скрыть информацию от некоторых участников коммуникации. Представляется возможным соотнести данные желания с понятиями «интенциональность» и «мотив», которые составляют коммуникативно-деятельностные потребности языковой личности.

В рамках рассматриваемого подхода были сформулированы первые признаки прецедентных феноменов. Среди них обычно выделяют хрестоматийность, реинтерпретируемость, хронотопическую маркированность и семиотический способ существования.

Эмоциональная и познавательная значимость, а также широкая известность прецедентных текстов, составляют их *хрестоматийность*. Знакомство языковой личности с прецедентными текстами происходит в процессе обучения в школе и в процессе социализации, так как «если даже они [прецедентные тексты] не входят в программу общеобразовательной школы, если даже их там не изучали, то все равно все говорящие так или иначе знают о них, – прочитав их сами или хотя бы понаслышке» [Караулов 2007: 216].

Хрестоматийность тесно связана с другим свойством прецедентных текстов – их *реинтерпретируемостью*, т.е. способностью реализовываться в других формах искусства, помимо словесного, становясь тем самым обобщенным фактом культуры. В связи с этим, правомерным, на наш взгляд, представляется подчеркнуть важность осведомленности носителей языка о прецедентных текстах, так как «знание прецедентных текстов есть показатель принадлежности к данной эпохе и ее культуре, тогда как незнание, наоборот, есть предпосылка отторженности от соответствующей культуры» [Караулов 2007: 216].

Однако с другой стороны, прецедентные тексты обладают *хронотопической маркированностью*, т.е. временной соотнесенностью с определенной эпохой и культурой. Корпус прецедентных текстов меняется: какие-то прецедентные тексты устаревают, их сменяют новые. Например, для русского интеллигента XIX века в число прецедентных текстов входили пьесы А. В. Сухово-Кобылина, но для языковой личности наших дней названные тексты утратили свое прецедентное значение. В связи с этим, обоснованным представляется вывод о том, что явление прецедентности свойственно языковой системе в целом, но, так как корпус прецедентных текстов со временем обновляется, его изучение можно проводить только в рамках синхронических исследований.

Наконец, отметим еще одно свойство прецедентных феноменов, которое изначально выделялось – *семиотический способ существования*. При употреблении прецедентных текстов «обращение к оригинальному тексту дается намеком, отсылкой, признаком, и тем самым в процесс коммуникации включается либо весь текст, либо соотносимые с ситуацией общения или более крупным жизненным событием отдельные фрагменты; в таком случае весь текст или значительный его фрагмент выступают как целостная единица обозначения» [Караулов 2007: 217]. Рассмотрим следующий пример, иллюстрирующий данное положение:

Конечно, выделили деньги, составили проекты, забили первые сваи, да так и оставили среди полей. Русского ***Las Vegas*** *не получилось.* [Манцуров 2015]

В данном примере имя собственное *Las Vegas* употребляется не как топоним, но как прецедентный феномен, имеющий четкую ментальную структуру, в которой выражен некоторый ряд дифференцирующих признаков. Эти признаки позволяют употреблять данное имя собственное в качестве предикативной единицы, поэтому в приведенном предложении прецедентное имя воспринимается как целостная семиотическая единица, несущая определенный смысл, отличный от обычного наименования географической локации.

Семиотический способ существования прецедентных текстов, на наш взгляд, является важным признаком, который может быть использован при выявлении места прецедентных феноменов в системе языка, противопоставляя их другим единицам, такими как фразеологизмы, например.

Итак, перечисленные признаки позволяют довольно четко отличить прецедентные тексты от текстов другого рода. Введение подобного разграничения всех текстов на прецедентные и непрецедентные составило основу теории, которая получила свое развитие несколько позже благодаря работе многих отечественных лингвистов. Среди тех, кто разрабатывал понятие прецедентности, представляется уместным отметить Д. Б. Гудкова, В. В. Красных, И. В. Захаренко и Д. В. Багаеву. Эта группа московских ученых

опубликовала несколько работ, в которых они ввели и объяснили новый родовой термин – *прецедентный феномен*. Прецедентными ученые называют феномены:

1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях,
2) имеющие сверхличностый характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие,
3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности [Красных 1997: 5].

Как видно из приведенного выше, ученые использовали первоначальное определение, предложенное для прецедентного текста. Тем не менее новизна их исследования заключается в описании классификации прецедентных феноменов, в которой прецедентный текст занимает одно из основных мест. Д. Б. Гудков, В. В. Красных, И. В. Захаренко и Д. В. Багаева трактуют прецедентный текст как один из видов прецедентных феноменов, к которым они также относят *прецедентное имя*, *прецедентное высказывание* и *прецедентную ситуацию*. В рамках созданной ими классификации они рассматривают вопрос соотнесения выдвинутых понятий друг с другом.

Ученые обосновано, на наш взгляд, полагают, что прецедентный текст и прецедентная ситуация являются более широкими понятиями и зачастую в речи не могут быть использованы в своем полном объеме. В связи с этим, исследователи вводят в оборот такой термин как *символ прецедентного текста* или *прецедентной ситуации*, роль которого может выполнять прецедентное имя и прецедентное высказывание [Захаренко, Красных, Гудков, Багаева 1997: 93]. Другими словами, прецедентное имя или прецедентное высказывание могут актуализировать прецедентные тексты и прецедентные ситуации в речи носителей языка.

Таким образом, происходит расширение предложенного Ю. Н. Карауловым понятия. Данная тенденция на расширение трактовки характеризуется не только

введением нового родового понятия, но и пониманием термина «текст» в широком смысле. Так, например, В. В. Красных ставит вопрос о протяженности прецедентного текста и высказывает идею о том, что само понимание текста может восприниматься очень широко. Указывая на работы Ю. М. Лотмана, она отмечает, что всю культуру можно понимать как один большой текст [Красных 1997: 9], что, например, позволяет определять различные памятники культуры (например, собор Василия Блаженного) как невербальные прецедентные тексты. Данная трактовка обусловливает классификацию всех прецедентных феноменов на две большие категории: *вербальные* и *невербальные* [Захаренко 1997: 107]. Данным вопросом также занимался итальянский ученый У. Эко, указывая на то, что даже короткое появление актера в художественном фильме, его внешний вид, может служить аллюзией на ранее созданный фильм [Eco 1988]. По нашему мнению, данное понимание проблемы прецедентности носит весьма обобщенный характер и может найти отражение, как кажется, лишь в рамках теории семиотики.

Тем не менее введение широкой трактовки прецедентного текста и появление термина «прецедентный феномен» обусловило необходимость дальнейшей разработки темы и проведение новых исследований, направленных на уточнение базовых понятий. В это время появляются связанные с этой проблемой работы таких ученых, как Н. Д. Бурвикова, А. Вежбицкая, Н. П. Вольская, Р. И. Козлов, В. Г. Костомаров, А. В. Кремнева, Ю. Е. Прохоров, Р. Л. Смулаковская, Ю. А. Сорокин, А. Е. Супрун, и др. Приблизительно в это время окончательно формируются два подхода к изучению прецедентных феноменов, которые условно можно обозначить как лингвокультурологический и когнитивный (когнитивный подход в последующем дал начало когнитивно-дискурсивному). Определенная сложность для систематизации и обобщения основных положений данных подходов заключается в том, что многие ученые рассматривали прецедентные феномены сразу с нескольких точек зрения, трактуя их и как ментальные единицы особого типа, и как элементы языковой системы (позднее как единицы дискурса), и как единицы культуры. При анализе научной

литературы, посвященной проблеме языковой прецедентности, находим в работах многих авторов совмещение нескольких подходов. В настоящем параграфе постараемся дать определения ключевым понятиям лингвокультурологического и когнитивного (в последующем когнитивно-дискурсивного) подходов с целью выявления особенностей прецедентных феноменов, четко определяемых с позиций только лингвокультурологии или только когнитивистики.

Лингвокультурологический подход (см. работы Л. И. Гришаевой, С. Л. Кушнерук, Е. Ю. Поповой, Ю. Е. Прохорова, Г. Г. Слышкина, R. Leppihalme) основывается на том, что употребление прецедентных феноменов связано с «системой знаний о мире и образах мира, которые реализуются в данной этнокультуре» [Прохоров 1996: 155]. Причем прецедентные феномены при таком подходе часто трактуются как «культурные предметы (отраженные в сознании феномены материального и духовного мира), которые, в свою очередь, отражают и определяют специфику национального характера, этического и языкового сознания» [Гудков 1999: 93], что становится весьма актуальным при решении вопросов межкультурной коммуникации. Так, например, в докторском исследовании И. В. Приваловой впервые в условиях межкультурной коммуникации прецедентные феномены было предложено относить к маркерам языкового сознания, указывающим на его этнокультурную специфику [Привалова 2006: 236–238]. На примере анализа взаимодействия русской и американской этнолингвокультур прецедентные феномены в работах И. В. Приваловой описаны как языковые маркеры лингвокультурного типа, наличие которых в акте межкультурного общения провоцирует «... возникновение случаев квазинепонимания или полного непонимания» [Привалова 2003: 99].

Лингвокультурологический вектор исследования прецедентных феноменов получил свое распространение в последнее десятилетие. Основными особенностями лингвокультурологического подхода, по нашему мнению, являются: а) восприятие прецедентного феномена как репрезентатора артефакта человеческой культуры, и б) наиболее широкое понимание текста (соотносимое с теорией семиотики культуры Ю. Н. Лотмана [Лотман 1992]). Данные особенности

обусловливают максимально широкое понимание понятия «прецедентный текст». Например, Г. Г. Слышкин дает такое определение прецедентному тексту: «под прецедентным текстом будет пониматься любая характеризующаяся цельностью и связностью последовательность знаковых единиц, обладающая ценностной значимостью для определенной культурной группы» [Слышкин 2000: 29].

Согласно данному определению, предложенному в рамках лингвокультурологического подхода, прецедентный текст может быть любой протяженности: от пословицы или афоризма до эпоса. Снятие некоторых ограничений в первоначальном, введенном Ю. Н. Карауловым, определении прецедентного текста в отношении таких критериев как широта и время его существования и употребления (Г. Г. Слышкин считает, что существуют тексты прецедентные для узкого круга людей, и что существуют тексты, становящиеся прецедентными на относительно короткий срок, например, рекламный слоган) приводит к тому, что под понятие «прецедентный текст» теперь попадают такие явления как внутритекстовые аллюзии, фразеологизмы, пословицы и поговорки. Рассмотрение прецедентных феноменов в подобном ключе представляется вполне обоснованным с точки зрения лингвокультурологии, которая старается ответить на вопрос о том, как культура отражается в языке. Однако максимально широкая трактовка, на наш взгляд, приводит к размыванию понятий о единицах языковой системы, которые достаточно долго изучались в свете общей теории языка (в первую очередь, фразеологизмы, пословицы и поговорки).

Другая особенность лингвокультурологического подхода обусловлена тем, что понятие прецедентности тесным образом оказывается связанным с понятием ценности. Причем по мнению ученых, рассматривающих прецедентные феномены с позиций лингвокультурологического подхода, ценностная составляющая прецедентов имеет двойственную природу. С одной стороны, прецеденты могут играть роль неких «культурных скреп», сцепляющих отдельные культурные пласты и исторические эпохи в единую систему (см. работы Л. И. Гришаевой, М. К. Поповой, Е. В. Скворцовой, В. Т. Титова, В. И. Шаховского). С другой стороны, прецеденты есть лишь «отражение ценностных

представлений об окружающей действительности, общественных и личностных взаимоотношениях, нравственных приоритетах, характерных для определенного социально-исторического этапа и специфичных для определенного лингвокультурного сообщества» [Федорова 2008: 25-26] (см. работы Л. Ю. Федоровой, Г. Г. Слышкина, В. И. Карасика, С. Н. Должиковой, Е. А. Нахимовой и др.). Данное положение позволяет ответить на вопрос о том, какое место занимают и какую роль играют прецедентные феномены в жизни общества, но о том, какое место прецедентные феномены занимают среди других языковых явлений, данный подход, на наш взгляд, ответить не может.

Тем не менее, уместным представляется упомянуть о двух положениях, разрабатываемых в рамках лингвокультурологического подхода, которые были также приняты и в когнитивистике. В частности, это *идея клишированности употребления прецедентных феноменов* и *идея об уровнях прецедентности*.

Идея об уровнях прецедентности широкое распространение получила в рамках теории языковой личности (см. работы Д. Б. Гудкова, В. В. Красных, И. В. Захаренко, Д. В. Багаевой, М. Б. Дюжевой, Е. Г. Озеровой, Н. В. Петровой, О. К. Кулаковой, С. В. Буланковой и др.). Отметим, что вопрос количества прецедентных уровней и адекватного их определения до настоящего времени остается нерешенным. Например, Д. Б. Гудков предложил соотносить уровни языковой личности с уровнями бытования прецедентных текстов. Он выделял четыре уровня прецедентности: автопрецедентный (индивидуальный уровень), социумно-прецедентный (в масштабах группы), национально-прецедентный (в масштабах этноса) и универсально-прецедентный (в масштабах всего человечества) [Гудков 1999: 96]. Ученый проявлял интерес к национально-прецедентному уровню и утверждал, что под прецедентными феноменами понимаются именно прецеденты этого уровня, то есть те, что хорошо знакомы любому среднему представителю лингвокультурного сообщества. Вопрос о введении новых терминов для феноменов автопрецедентного, социоумно-прецедентного и универсально-прецедентного уровней ученым не ставился, хотя

представляется, что данные вопросы непосредственно лежат в поле изучения явления прецедентности.

В работах В. В. Красных находим только три типа прецедентных феноменов: социумно-прецедентные, национально-прецедентные и универсально-прецедентные. Из чего следует, что наличие автопрецедентного уровня ученой не рассматривается. Другой, уже упомянутый выше, ученый, Г. Г. Слышкин, также исключает автопрецедентный уровень и выделяет пять уровней прецедентности: микрогрупповой, макрогрупповой, национальный, цивилизационный и общечеловеческий. Он поясняет, что «такое понятие [автопрецедентный уровень] содержало бы противоречие в самом себе. Текст вполне может служить основой для образования индивидуального концепта, но прецедентным текст становится лишь в процессе коммуникации, когда носителю концепта удается добиться того, чтобы текст был включен в систему ценностей какой-либо группы» [Слышкин 2000: 30]. Действительно, на наш взгляд, с точки зрения теории дискурса, которая рассматривает язык не как статичную систему, но в процессе, в постоянном диалоге, наличие автопрецедентного уровня вызывает сомнения (ибо зачем использовать языковые единицы, имплицитный смысл которых знаком лишь говорящему?). Теория языковой личности, наоборот, подразумевает наличие начального, индивидуального уровня бытования прецедентов, рассматривая само явление в более широком плане.

Еще одной общей идеей, связывающей лингвокультурологический и когнитивный подходы, является идея клишированности употребления прецедентных феноменов. Выделение клишированности употребления как одного из признаков прецедентности основано на положении о том, что прецедентные феномены связаны с языковой культурой определенного этноса и употребляются «в достаточно стереотипизированной форме в стандартных для данной культуры ситуациях речевого общения» [Прохоров 19996: 155]. При этом подчеркивается, что только в таком случае введение в речь прецедентного текста (или любого другого прецедентного феномена) будет понятно слушателю, в прагматиконе которого хранится аналогичный прецедентный текст. На наш взгляд, данное

положение не работает при рассмотрении реального функционирования прецедентных феноменов в речи. Очень часто носители языка вкладывают различные значения в употребляемые ими прецедентные феномены, что ведет к большому варьированию их значений. Однако положение о клишированности нельзя полностью отрицать, ведь в некоторых случаях действительно наблюдается определенная стереотипизация употребления (часто это происходит, когда прецедентные феномены используются в номинативной функции).

Итак, лингвокультурологический подход рассматривает прецедентные феномены как репрезентаторы артефактов человеческой культуры, которые обладают ценностной значимостью и клишированностью употребления. Когнитивный подход рассматривает прецедентные феномены как ментальные единицы особого порядка и старается описать, какое место они занимают в сознании языковой личности. Для описания структуры и механизмов функционирования прецедентных феноменов в свете когнитивного подхода активно используются положения теории прототипов и понятие концепта.

Теория прототипов нашла свое отражение в обосновании понятия *эталонности прецедентных феноменов*. По мнению ученых, рассматривающих прецедентные феномены с позиций когнитивного подхода, успех функционирования прецедентов в речи зависит от их способности выступать неким эталоном, «меркой» для определенного явления действительности. Отмечается, что носители языка могут прибегать к коллективной памяти, находя там определенные тексты, имена, ситуации, схожие с явлениями настоящей действительности и, следовательно, способные их описывать [Захаренко 1997: 107]. Таким образом, в самом широком смысле прецедентный феномен есть шаблон, который используют носители языка для описания ситуаций действительности. Данная идея, на наш взгляд, тесным образом связана с понятием стереотипности языкового поведения, тенденции людей не придумывать что-либо новое, но использовать уже готовые обороты и клише.

Описывая структуру концепта прецедентного феномена, ученые, придерживающиеся когнитивного подхода, используют понятие об *инварианте*

восприятия. Считается, что в когнитивной базе носителей языка при наличии индивидуальных представлений о прецедентном феномене хранится также и общий для всех членов определенного культурного сообщества инвариант восприятия, включающий национально детерминированный набор признаков в минимизированном, редуцированном виде [Гудков, Красных, Захаренко, Багаева 1997: 84]. Вопрос структуры концепта прецедентного феномена изучался в дальнейшем достаточно подробно и стал предметом исследования таких ученых, как Н. А. Голубева, С. Н. Долевец, В. И. Карасик, С. В. Моташкова, Г. Г. Слышкин, О. Ю. Щибря и др.

Еще одним существенным, на наш взгляд, положением многих работ, проводимых в рамках когнитивного подхода, является идея об *аксиологической маркированности* (ценностной составляющей) концептов прецедентных феноменов. О наличии у прецедентных феноменов ценностного компонента написано большое количество работ (В. Е. Гольдин, А. П. Сдобнова, Г. Г. Слышкин, Л. Ю. Федорова, Е. А. Нахимова, Л. И. Гришаева, Е. Н. Горбунова и др.). Основной тезис многих подобных работ заключается в том, что ценностная составляющая обусловливает закрепленность (пусть даже и на короткий срок) прецедентов в дискурсе носителей языка и стимулирует их употребление в речи. Однако ценностный аспект «оказывается величиной относительной» [Петрова 2010: 181], так как со временем состав прецедентных текстов меняется. Это заставляет искать другую «переменную», которая активизировала бы смену ценностей в обществе, а вместе с ней и обновление корпуса прецедентных феноменов. На настоящий момент существуют разные точки зрения по этому поводу. Например, Г. Г. Слышкин считает, что изменение состава прецедентов может быть связано с изменениями жизненной идеологии нации [Слышкин 2000: 32]. На наш взгляд, исследования коммуникативных актов интернет-общения могли бы дать объяснение процессу обновления корпуса прецедентных феноменов. Интернет-коммуникация характеризуется быстрой сменой языковых и культурных трендов в связи с легкостью доступа к огромным массивам

информации. Следовательно, изучение данного вида общения может пролить свет на процесс закрепления и «отмирания» прецедентных феноменов.

Итак, основные результаты исследований прецедентных феноменов в свете когнитивного подхода можно свести к тому, что было выявлено два новых признака прецедентных феноменов: *инвариантность* и *эталонность*. Уместным представляется отметить, что изучение прецедентных феноменов именно в рамках когнитивного подхода сделало тему прецедентных феноменов необычайно популярной. Это определило появление огромного количества работ о прецедентных феноменах, в которых использовались определения, предложенные Д. Б. Гудковым, В. В. Красных, И. В. Захаренко и Д. В. Багаевой. Отличительной особенностью подобных работ является то, что они рассматривали функционирование прецедентных феноменов в разных типах дискурса. В частности, были подвергнуты исследованию политический (О. А. Ворожцова, А. Б. Зайцева, М. И. Косарев, Е. А. Нахимова, Н. Н. Воропаев, Э. Н. Шумская, Ф. В. Куливов, В. А. Безбородова), виртуальный (Л. М. Гриценко, Е. П. Карташова, Д. Г. Коновалова, К. А. Щукина), художественный (Г. Д. Распаева, С. В. Банникова, Е. В. Чернышова, Е. Д. Селифонова), публицистический (А. С. Драпалюк, Л. М. Гриценко, Е. В. Скворцова, Л. Э. Рогозина), рекламный (С. С. Чистова, Л. Г. Газизова), юмористический (А. А. Проскурина, Ю. В. Щурина), молодежный (Л. Ю. Федорова) и другие типы дискурса. Данные работы дали начало новому когнитивно-дискурсивному подходу к изучению прецедентных феноменов и составили огромное поле для исследования прецедентности. При этом исследователи, работавшие в русле когнитивно-дискурсивного подхода, так или иначе дополняли изначальное определение, введенное Ю. Н. Карауловым. Ниже в качестве примера приведем определение Н. В. Смыкуновой, которое, на наш взгляд, наиболее полно отражает основные тенденции исследований ПФ, проводимых в рамках когнитивно-дискурсивного подхода. Н. В. Смыкунова так определяет прецедентные феномены:

«Прецедентные феномены – это единицы дискурса, регулярно возобновляемые в речи, известные всем представителям национально-

лингвокультурного сообщества, имеющие общий минимизированный коннотативно окрашенный инвариант восприятия, обращение к которому понятно без дополнительной расшифровки» [Смыкунова 2003: 52].

Отметим, что согласно этому определению, данному в рамках когнитивно-дискурсивного подхода, прецедентные феномены, на наш взгляд, понимаются достаточно узко. Во-первых, вслед за Д. Б. Гудковым, Н. В. Смыкуновой устанавливается уровень прецедентности для исследуемых феноменов – национально-прецедентный (прецеденты других уровней не рассматриваются). Во-вторых, одним из дифференциальных признаков прецедентных феноменов указывается наличие инварианта восприятия, закрепленного в коллективном языковом сознании определенного сообщества людей. В-третьих, отмечается, что процесс декодирования прецедентных феноменов не должен вызывать затруднений у носителей языка, соответственно, их широкая известность также является обязательным условием. И наконец, подчеркивается, что употребление прецедентных феноменов должно обладать константным характером. Таким образом, в рамках когнитивно-дискурсивного подхода сужается объект исследования, что исключает из фокуса внимания некоторые важные аспекты прецедентности.

Исходя из всего вышесказанного, правомерным представляется заключить, что исследования, проводимые в рамках лингвокультурологического и когнитивно-дискурсивного подходов, смогли дополнить первоначально выдвинутое определение и выявить несколько новых признаков прецедентных феноменов, к которым относятся инвариантность, эталонность, клишированность и аксиологическая маркированность.

1.2 Прецедентность и интертекстуальность

Помимо лингвокультурологического и когнитивно-дискурсивного подходов к изучению явления прецедентности представляется важным отметить другой подход, обозначившийся в последнее время. Данный подход определяет прецедентный текст (равно как и любой другой прецедентный феномен) как

минимальный культурный знак, выполняющий специализированную прагматическую функцию, регулирующую отношения данного письменного текста к отсутствующему тексту, культурную память о котором хранит прецедент, попавший в новую текстовую среду [Евтюгина 2000]. На наш взгляд, подобный подход к понятию прецедентности близок к литературоведческому термину «интертекстуальность», который объясняет взаимодействие различных текстов друг с другом. Изучением прецедентных феноменов в рамках данного подхода занимались такие ученые как А. Е. Супрун, Г. Д. Распаева, Н. В. Иноземцева, Н. А. Кузьмина, А. Д. Васильев, И. И. Яценко, А. А. Евтюгина, С. С. Чистова, Z. Ben-Porat, B. Hatim, I. Mason, J. S. Atherton, L. Snow.

Теория интертекстуальности одной из своих задач видит описание явления опосредованной коммуникации, происходящей на уровнях автор-читатель и автор-автор за счет введения в текст отсылок на ранее созданные произведения. У разных ученых данные отсылки могут быть определены как текстовые реминисценции (А. Е. Супрун), интертекстемы (И. К. Сидоренко, М. П. Бондарь), художественные аллюзии («literary allusions», работы Z. Ben-Porat, J. S. Atherton, L. Snow), прецедентные феномены (Г. Д. Распаева, Н. В. Иноземцева) или через наиболее общее понятие – «чужое слово» (М.М. Бахтин).

Несомненно вопрос соотнесения прецедентности и интертекстуальности вызывает заслуженное, на наш взгляд, внимание и требует проведения всестороннего исследования. Рамки настоящего диссертационного сочинения не позволяют это сделать в полном объеме. Наметим лишь некоторые ключевые моменты, которые, по нашему мнению, релевантны для настоящего исследования. Прежде всего, необходимо помнить, что понятие интертекстуальности появилось в результате развития теории литературы и литературоведческого анализа (хотя некоторыми учеными делались попытки экстраполировать это понятие на весь процесс коммуникации, например, см. работы Ю. Кристевы). Соответственно, представляется уместным говорить об интертекстуальности при изучении именно художественного дискурса. По нашему мнению, прецедентность нельзя ограничивать рамками только одного дискурса (например, художественного).

Правомерным представляется трактовать прецедентность через способность носителей языка использовать накопленный текстуальный и культурный опыт для решения лингвистических и экстралингвистических задач коммуникации. Поэтому прецедентность можно обнаружить как в устной, так и в письменной речи, в то время как интертекстуальность следует, на наш взгляд, изучать на материале сугубо письменной формы языка. Таким образом, традиционное разделение на устную и письменную речь позволяет разграничить поле исследования прецедентности и интеретектуальности, явлений, которые, как кажется, имеют общие черты, но разную природу.

Хотя во многих работах находим предположение о том, что «прецедентные феномены – это материализованные (вербальные) знаки интертекстуальности» [Попова 2012: 8], нам более обоснованным представляется мнение о том, что прецедентность и интертекстуальность понятия несинонимичные [Распаева 2013; Орлова 2010]. Для настоящего исследования нам более близкой кажется точка зрения Надежды Михайловны Орловой о том, что «прецедентность шире, чем интертекстуальность» [Орлова 2010: 11]. Однако при разграничении рассматриваемых понятий нередко высказывается предположение о том, что прецедентность есть специфическая разновидность интертекстуальности. При этом отмечается, что интертекстуальность всегда направлена на выстраивание отношений с текстами других авторов для отражения собственной индивидуальности, в то время как при использовании прецедентных феноменов всегда актуализируется оппозиция «свое-чужое».

Согласимся, что писатели, в чьих произведениях обнаруживается явление интертекстуальности, действительно выстраивают особые отношения с текстами своих предшественников. Однако это не значит, что они присваивают себе «чужие слова» и что оппозиция «свое-чужое» не актуализируется. «Чужое слово» всегда остается чужим, иначе само явление интертекстуальности оставалось бы незамеченным. Авторы не стремятся скрыть источник слова [Бахтин 2012]. Это позволяет допустить, что оппозиция «свое-чужое» также проявляется и в литературных произведениях при использовании интертекстуальности. При

использовании прецедентных феноменов в живой речи оппозиция «свое – чужое» также часто актуализируется. Это может происходить, когда прецедентные феномены используются в номинативной функции для описания явлений действительности. В этом случае говорящий может прибегнуть к «чужим словам» по ряду причин, например, в целях экономии времени и энергии: употребление прецедентного феномена строится на основе принципа аналогии, за счет которого и описываются явления действительности. Однако зафиксировано также множество случаев, когда прецедентные феномены не только описывают явления действительности, но и выражают индивидуальность говорящего, например, когда они используются в игровой (людической) функции. Говорящие могут употребить ПФ для создания языковой игры, чтобы подчеркнуть свое остроумие и продемонстрировать свои творческие способности в обращении со словами. Поэтому, если рассматривать человека говорящего как творца определенных речевых произведений, то использование прецедентных феноменов в его речи можно расценивать как выражение собственной индивидуальности.

Таким образом, не всегда можно проследить четкую грань между прецедентностью и интертекстуальностью. Представляется правдоподобным то, что использование чужих слов у автора литературного произведения и у говорящего продиктовано разными целями. Цели авторов могут определяться внутренними законами жанра или конкретного произведения, в то время как носители языка в повседневной жизни руководствуются более утилитарными целями (например, желанием экономно выразить мысль с помощью удачно подобранной аналогии или желанием продемонстрировать собственное остроумие). Соответственно, роли, которые прецедентные феномены играют в художественном произведении и в устном общении, могут не совпадать. Рассмотрим два примера[1]:

(1) *This is the* nose *that launched a thousand* battles (*Это тот самый* нос*, из-за которого начались тысячи* сражений)

[1] Примеры по R. Leppihalme Culture Bumps: An Empirical Approach to the Translation of Allusions. Clevedon, 1997

(2) *This is the* smell *that launched a thousand* barbecues (*Этот тот самый* запах, *из-за которого начались тысячи* барбекю)

Оба примера дают отсылку к строчке *Was this a face that launched a thousand ships?* (Вот этот лик, что тысячи судов гнал в дальний путь? *пер. Н. Амосовой*) из произведения Кристофера Марло «Doctor Faustus». Первое высказывание, взятое из британского кинофильма, позволяет в случае, если зритель смог распознать аллюзию, наполнить сюжетную линию дополнительными мотивами лжегероизма и трагедии. Второе высказывание, взятое из рекламы сыра, своей целью не ставит переосмысление событий действительности на основе текста-первоисточника, это высказывание служит лишь достижению манипуляционной цели – заставить зрителей купить рекламируемый сыр. Использование аллюзии в рекламе позволяет создать эффект привилегированности: рекламируемый сыр предназначается только избранным, тем, кто знаком с творчеством К. Марло и может распознать отсылки к его произведениям. Таким образом, употребление прецедентного феномена во втором высказывании не требует от получателя сообщения умственной работы для трактовки импликатуры (какие части исходного текста актуальны в настоящей действительности? что адресант пытается сообщить, ссылаясь на ранее созданный отсутствующий текст?). Адресату необходимо лишь по немного трансформированной фразе правильно отгадать источник. Считается, что между адресатом и адресантом в публицистическом и рекламном дискурсах существует определенная договоренность (tacit agreement), согласно которой всякая последующая интерпретация аллюзии не приветствуется, ибо ведет к гротескности высказывания [Ben-Porat 1978: 115-116]. Другими словами, и адресант и адресат понимают, что высказывание с прецедентным феноменом создается на основе языковой игры, и отчасти только ради этой языковой игры.

Таким образом, на наш взгляд, при разграничении понятий интертекстуальности и прецедентности необходимо учитывать форму сообщения (устная и письменная) и тип дискурса (художественный или бытовой), а также эффект, который создает прецедентный феномен. Использование прецедентных

феноменов в художественном произведении подразумевает детальное понимание текста-первоисточника, его фабулы, сюжета и мотивов. Употребление прецедентных феноменов в бытовом общении нередко носит игровой характер и не ставит своей целью работу по интерпретации текста-первоисточника. Однако отметим то, что образцы для подобного «фривольного» обращения с «чужими словами» говорящие в какой-то степени, по нашему мнению, черпают из художественной литературы. Поэтому использование прецедентных феноменов в устной речи с целью выражения собственной индивидуальности отчасти является проявлением лингвистической мимикрии, подражанием литературным образцам.

1.3 Современное состояние теории прецедентности

Как было показано в предыдущих параграфах настоящего диссертационного сочинения, исследования прецедентности могут проводиться с позиций теории языковой личности, теории интертекстуальности, в рамках когнитивного, дискурсивного и лингвокультурологического подходов. Каждая из перечисленных парадигм научного знания привносит существенные дополнения в описание понятия прецедентности, выявляя основные признаки этого многопланового явления. В таблице 1 (ниже) представлены признаки прецедентности, выделяемые учеными с позиций теории языковой личности, теории интертекстуальности, и в рамках когнитивно-дискурсивного и лингвокультурологического подходов.

Таблица 1. **Признаки прецедентных феноменов**

по Ю.Н. Караулову	**в рамках когнитивно-дискурсивного подхода**	**в рамках лингвокультуролого-гического подхода**	**в свете теории интертекстуаль-ности**
1) значимость в эмоциональном и познавательном аспекте; 2) хрестоматийность; 3) неоднократная возобновляемость (повторяемость);	1) инвариантность; 2) постоянная воспроизводимость; 3) клишированность;	1) способность репрезентировать культурный артефакт; 2) наличие ценностной составляющей;	1) способность выражать определенные отношения между двумя различными текстами;

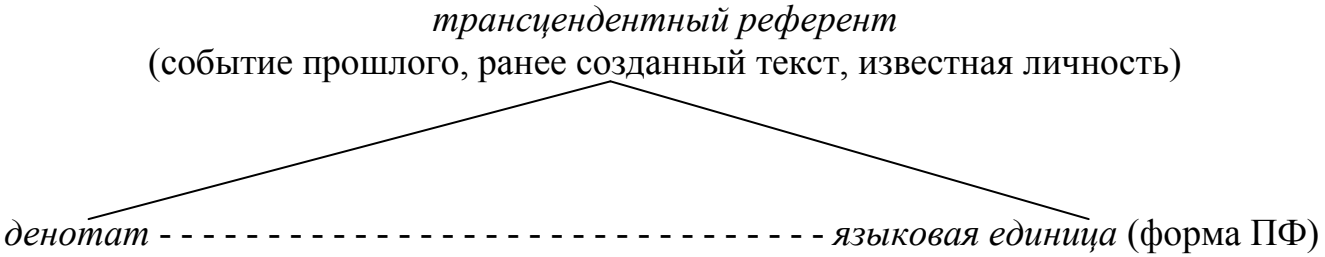
Продолжение Таблицы 1

4) реинтерпретируемость; 5) хронотопическая маркированность (фиксированная принадлежность определенной эпохе и культуре); 6) семиотический способ существования.	4) эталонность; 5) аксиологическая маркированность; 6) широкая известность; 7) актуальность в когнитивном плане.	3) включенность в систему ценностей определенной группы; 4) способность объединять различные культурные пласты и исторические эпохи в одну систему; 5) хронотипическая маркированность.	2) способность выражать авторскую индивидуальность.

Очевидно, что некоторые признаки прецедентности были выделены в рамках сразу нескольких подходов. По нашему мнению, это отражает тот факт, что многие исследователи использовали различные подходы, чтобы описать явление языковой прецедентности комплексно. Обычно это было совмещение двух (редко трех) подходов. В настоящей работе был проведен анализ всех основных на данный момент подходов к изучению языковой прецедентности. На основе этого анализа проведен синтез всех существующих сегодня положений в отношении прецедентности для описания цельной картины изучаемого явления.

Прежде всего, отметим, что прецедентные феномены, по нашему мнению, обладают уникальным механизмом наименования, отличным от других языковых единиц. Употребление прецедентного феномена, на наш взгляд, всегда вызывает отсылку на ранее созданный текст, событие прошлого или известную в рамках определенного языкового коллектива личность. Через подобную отсылку происходит процесс наименования/обозначения (см. рисунок 1).

Рисунок 1. **«Развертывание» прецедентного феномена в речи**



На рисунке 1 представлен процесс «развертывания» прецедентного феномена в речи. При употреблении ПФ в речи языковая единица, составляющая его форму, выражает содержательный компонент через обращение к трансцендентному референту, который является осколком прошлого опыта (текст «Войны и мира», легенда о Иване Сусанине и др.) и отсутствует в ситуации настоящего коммуникативного акта. При апелляции к трансцендентному референту языковая единица наполняется смыслом для обозначения денотата, множества объектов действительности, которые могут именоваться данной языковой единицей.

Важно отметить, что языковая форма прецедентного феномена лишь в некоторых контекстах может обладать прецедентными характеристиками, т.е. способна развертываться в речи через обращение к прошлому явлению или событию действительности. Например, прецедентное имя *Раскольников* можно назвать прецедентным только в определенном контексте: (1) *Больше всего сочувствия, по его мнению, заслуживал Раскольников из «Преступления и наказания»*. (2) *Хорошо, что в Сбербанке ввели электронную очередь. А то раньше, стоя в очереди за маминой пенсией, я чувствовал, что стану Раскольниковым*. В предложении (1) рассматриваемое имя собственное не является прецедентным, так как называет конкретного персонажа книги. В предложении (2) имя *Раскольников* обозначает человека, о котором идет речь в коммуникативном акте, посредством непрямого наименования, через отсылку на прецедентный текст (см. рисунок 1). Таким образом, структура прецедентного феномена как семиотического знака обладает дуалистическими характеристиками: ПФ может иметь четкую форму выражения, которая в некоторых контекстах обладает прецедентными характеристиками, а в других выступает, например, в качестве обычного имени собственного.

Также в настоящей работе, вслед за В.И. Макаровым, считаем, что прецеденты обладают достаточно неустойчивой семантикой: прецедентные феномены не имеют фиксированного, закрепленного за ними значения, что позволяет варьироваться их актуальному смыслу в довольно широком диапазоне

[Макаров 2009: 76]. Поэтому весьма трудно говорить о каком-то одном основном значении прецедентного феномена. Как показывает практика, один и тот же прецедентный феномен может обозначать различные понятия в зависимости от контекста употребления. Например, прецедентное имя в различных контекстах может актуализировать как внутренние качества *прецедентной личности*, так и ее внешние атрибуты/признаки. Оно также может отражать некоторые факты, связанные с прецедентным текстом или с прецедентной ситуацией, в которых фигурировала прецедентная личность. Как обосновано, на наш взгляд, отмечает И. В. Привалова, «вокруг прецедентного имени организован определенный сегмент национально-культурного пространства, в который входят сопутствующие ему кванты знаний, объективизируемые различными языковыми единицами» [Привалова 2005: 285]. Поэтому представляется возможным заключить, что «прецедентные феномены проявляются в употреблении; вне контекста коммуникации говорить о проявлении их прецедентных свойств (метафоричности, регулярной воспроизводимости) не приходится» [Макаров 2009: 75].

Данная черта прецедентных феноменов, на наш взгляд, объясняется особенностями их ментальной структуры. Плодотворной представляется точка зрения С. Н. Долевца, который считает, что концепты прецедентных феноменов имеют инвариантную и вариативную части [Долевец 2005: 148]. Под инвариантной составляющей подразумевается наличие неких обобщенных признаков прецедентного феномена, которые известны достаточно широкой аудитории и обязательно присутствуют в структуре индивидуального концепта прецедентного феномена каждой языковой личности. Вариативная составляющая носит частный характер и зависит от особенностей апперцепции языковой личности (под апперцепцией понимают влияние предыдущего опыта на восприятие новой информации [Мокшанцев 2001: 27-29]). Таким образом, структура концепта прецедентного феномена подразумевает наличие определенного ядра (инвариант) и периферии (вариативная, индивидуальная

составляющая). Рассмотрим два примера, в которых один и тот же прецедентный феномен используется в разных значениях.

(1) *Страстный мачо, любимец женщин, этакий д'Артаньян*.

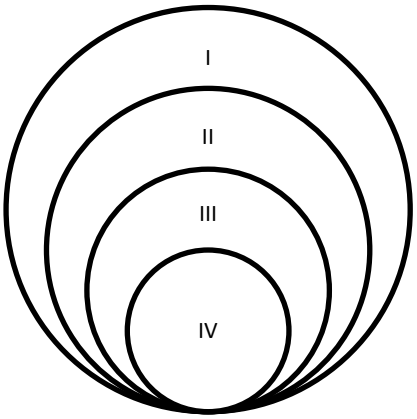
(2) *Позиция «Я - д'Артаньян, а все кругом ... нехорошие люди» уж точно выдает в руководителе этакого эйфорического мизантропа и может служить только отрицательной характеристикой*[2].

Прецедентное имя «д'Артаньян» в примере 1 и в примере 2 используется в атрибутивной функции. В примере 1 прецедентное имя характеризует мужчину как искателя любовных побед, в то время как пример 2 актуализирует признак причастности человека к высшему, благородному сословию. Использование прецедентного имени «д'Артаньян» в примере 2 является более традиционным и отражает некоторые инвариантные признаки данного прецедентного феномена. В примере 1 употребление прецедентного имени построено на основе индивидуального восприятия литературного героя произведений А. Дюма.

Итак, с нашей точки зрения, прецедентные феномены реализуются в дискурсе языковой личности и отражают особенности не только индивидуальной, но и коллективной картин мира. Правомерным представляется тезис о том, что источником прецедентных феноменов могут выступать события и факты, отражающие жизнь конкретной языковой личности, а также события и факты, отражающие жизнь определенного лингвокультурного сообщества. Следовательно, такое свойство прецедентных феноменов как *известность* может быть использовано для построения иерархии прецедентных феноменов в сознании языковой личности (впервые идея создания подобной иерархии была высказана С. Н. Долевцом). Представим иерархию прецедентных феноменов в виде схемы на следующей странице:

[2] Примеры по В.И. Макарову Субстантивные фразеологизмы и прецедентные имена // Вестник Новгородского государственного университета – Вып. №51 – Великий Новгород, 2009. С. 73-76

Рисунок 2. **Иерархия прецедентных феноменов в сознании языковой личности**



I - ПФ, хорошо известные в данном ЛКС

II - ПФ, известные большой социальной группе

III - ПФ, известные малой социальной группе

IV - Индивидуальные ПФ

Сокращения: ПФ - прецедентные феномены
ЛКС – лингвокультурное сообщество

На рисунке 2 внешний, первый, круг составляют прецедентные феномены, хорошо известные в определенном лингвокультурном сообществе. Такие прецедентные феномены известны практически любому представителю, именно их можно назвать «хрестоматийными», т.е. подобные прецедентные феномены знакомы не только современникам языковой личности, но и ее предшественникам. Прецедентные феномены первого круга представляется правомерным ранжировать по степени значимости для всего лингвокультурного сообщества. Так, например, такое прецедентное имя как *Чубайс*, обращение к которому в 90-е годы XX столетия было довольно частым (включая не только дискурс СМИ, но и бытовой дискурс, что находило свое отражение в многочисленных анекдотах и поговорках), сейчас практически не употребляется, а если и будет употреблено в качестве прецедентного имени, то будет понятно только социальной группе, определенного возраста, что нельзя сказать, например, о таком прецедентном имени как *Пушкин*, которое еще долго будет свободно находиться в употреблении и будет знакомо любому представителю русскоязычного лингвокультурного сообщества. Таким образом, на периферии первого круга уместным представляется поместить прецедентные феномены, характерные для определенной исторической эпохи (например, Чубайс), в центре помещаются ядерные *вневременные* прецедентные феномены (например, Пушкин), воплощающие национальный дух лингвокультурного сообщества.

Правомерным представляется говорить, что периферийные или *темпорально-маркированные*[3] прецедентные феномены вытесняются из первого круга во второй (круг прецедентных феноменов, известных большой социальной группе) со сменой поколений.

Второй круг составляют прецедентные феномены, известные большой социальной группе. Критериями для выделения данных больших социальных групп могут выступать такие параметры как гендер, возраст, социальный статус, профессия, религиозные предпочтения и др.

Третий круг составляют прецедентные феномены таких малых социальных групп, как семья, рабочий коллектив, компании друзей и др.

Четвертый круг составляют индивидуальные прецедентные феномены, отражающие языковое сознание отдельной языковой личности, ее кругозор и интересы.

Важно отметить, что перемещение прецедентных феноменов может наблюдаться как из внешнего круга во внутренние, так и наоборот. Движение из внешнего круга во внутренние характерно для прецедентных феноменов, теряющих свой «прецедентный» характер. Потеря прецедентным феноменом такого своего свойства как известность, обусловливает потерю основного признака, *референциальности*, т.е. отсылки к известному тексту или ситуации. Если никто не помнит источник прецедентного феномена, или даже не знаком с ним понаслышке, то такой прецедентный феномен просто перестает быть прецедентным, так как отсылка на первоисточник перестает быть возможной.

Можно предположить, что возникновение прецедентных феноменов происходит при движении прецедентных феноменов из внутреннего круга во внешние, т.е. на индивидуальном (круг IV) уровне (например, в случае создания текстов, которые в последующем могут приобрести статус прецедентных) или на уровне (круг III) малых групп (в случае разнообразных исторических событий и ситуаций). Получая широкую известность, данные прецедентные феномены

[3] Подробнее о классификации прецедентных феноменов на темпорально-маркированные и вневременные см. работу И. В. Приваловой «Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации)». – М. : Гнозис, 2005.

имеют возможность закрепиться в сознании большой группы людей и приобрести статус национальных, культурных или цивилизационных (в зависимости от широты распространения).

Известно, что на устойчивость закрепления прецедентных феноменов влияют многие факторы. Однако, по всей вероятности, одну из главных ролей в процессе закрепления прецедентных феноменов играет их *ценностная составляющая*. Если прецедентный феномен отражает какое-либо явление или факт действительности, являющийся актуальным и ценным для данного лингвокультурного сообщества, то данный прецедентный феномен сможет надолго закрепиться в коллективной памяти носителей языка. О подобном механизме закрепления прецедентных феноменов и главенствующей роли ценностной составляющей в этом процессе свидетельствуют многие работы отечественных ученых, таких как Г. Г. Слышкин, Н. А. Голубева, О. Е. Артемова, Л. М. Гриценко и др.

Отметим также, что условия формирования прецедентных феноменов видятся неодинаковыми в различные исторические эпохи. Интенсивность процесса накопления и закрепления прецедентных феноменов, на наш взгляд, напрямую связана с процессом обмена информацией между людьми. Можно предположить, что объем прецедентных феноменов значительно возрос после изобретения книгопечатания и распространения книг различных авторов. Появление газет, а затем и телевидения, ускорило процесс обновления когнитивных баз прецедентных феноменов и расширило сферы их источников. На данный момент процесс возникновения и «отмирания» прецедентных феноменов (а также их объем и варьирование) значительно ускорился за счет появления глобальной сети Интернет и общения людей в социальных сетях. Молодая часть общества, которая наиболее активно использует возможности социальных сетей, черпает источники прецедентных феноменов из виртуальной реальности. На западе большую популярность в последнее время приобрели такие платформы как Facebook и YouTube, в первую очередь, из-за того, что они позволяют узнавать и распространять информацию со скоростью одного «клика». Появление

таких понятий как «viral video» или «viral song» (визуальные и песенные тексты, получившие широкую (более миллиона человек) известность), отражает, по нашему мнению, тенденции современного языкового общения. На современном этапе развития человеческого общества источником прецедентных феноменов может стать любой человек. Высказывания, ситуации, имена, ставшие прецедентными в сети Интернет, нередко переносятся из виртуального в сферу реального общения. Автор настоящей диссертационной работы ни один раз был свидетелем употребления носителями языка прецедентного высказывания «*Ain't nobody got time for that*» принадлежащего американке Свит Браун, ставшей популярной благодаря ролику на YouTube в жанре Autotune.

Современные реалии, характеризующиеся быстрой сменой информации, быстрым ее распространением и быстрым «забыванием», находят свое отражение и в процессе формирования прецедентных феноменов. Вопрос о том, продолжит ли свое распространение современная тенденция формирования кратковременных прецедентных феноменов, источником которых является «всемирная паутина», остается открытым, так же, как и вопрос о том, произойдет ли резкое сокращение национальных прецедентных феноменов.

Обобщая весь собранный по исследуемому вопросу теоретический материал введем рабочее определение прецедентных феноменов и перечислим их основные, с нашей точки зрения, признаки, которыми будем руководствоваться при отборе практического материала для экспериментальной части настоящего исследования.

Итак, под **прецедентными феноменами** в настоящей работе понимаем **целостные единицы коммуникации, объективизирующиеся в речи через апелляцию к прошлому явлению действительности и обладающие ценностной значимостью как для отдельно взятой языковой личности, так и для всего лингвокультурного сообщества в целом**.

В настоящей работе среди прецедентных феноменов выделяем:

1) прецедентный текст;
2) прецедентную ситуацию;

3) прецедентное высказывание;
4) прецедентное имя.

Ниже представляем рабочие определения понятий, которые релевантны для настоящего исследования.

Прецедентный текст есть ранее созданное целостное речевое сообщение различной протяженности, определенные элементы которого в силу своей аксиологической маркированности могут выступать в качестве эталона для различных ситуаций действительности. Прецедентный текст носителями языка воспринимается как целостный элемент их когнитивной базы, который вызывает ряд ассоциаций, основанных на общих и индивидуальных представлениях о его сюжете, героях и событиях.

Прецедентная ситуация понимается как *ситуация прошлого, хранящаяся в памяти носителей языка в силу своей способности отражать как негативные, так и положительные ценности и использоваться для описания ситуаций реальной действительности.*

Ни прецедентные тексты ни прецедентные ситуации не могут полностью использоваться в речи носителей языка и актуализируются посредством воспроизведения конкретных элементов, которыми могут выступать прецедентные имена и прецедентные высказывания. В подобных случаях прецедентные имена и прецедентные высказывания являются *символами прецедентных текстов и прецедентных ситуаций.*

Прецедентное высказывание понимается как *ранее актуализированное предложение, хранящееся в памяти носителей языка в готовом виде и отсылающее к прецедентному тексту или прецедентной ситуации*.

Под *прецедентным именем* следует понимать *такое имя собственное, которое обладает выраженным интенсионалом (набором свойств и качеств), отсылающим носителей языка к определенному референту (прецедентной личности), но используется для обозначения множества объектов действительности, т.е. обладает выраженным экстенсионалом*.

К основным признакам прецедентных феноменов относим:

1. референциальность: способность прецедентных феноменов осуществлять отсылку на первоисточник (отметим, что степень осведомленности носителей языка о первоисточнике в каждом конкретном контексте общения может варьироваться);

2. наличие ценностной составляющей: прецедентный феномен должен выражать определенную (положительную или негативную) ценность, что может проявляться в коннотативной окрашенности языковой единицы, объективизирующей концепт прецедентного феномена;

3. эталонность: способность прецедентных феноменов выступать неким эталоном/шаблоном для факта или явления действительности;

4. семиотический способ существования: возможность прецедентных феноменов выступать в качестве целостной единицы обозначения.

К дополнительным признакам/свойствам прецедентных феноменов (которые не всегда могут проявляться в контексте) относим:

1. широкую распространенность и общеизвестность;
2. клишированность;
3. возобновляемость и повторяемость;
4. метафоричность;
5. имплицитность значения;
6. реинтерпретируемость;
7. хронотопическую маркированность;
8. способность выражать определенные отношения между двумя различными текстами;
9. включенность в систему ценностей определенной группы;
10. способность репрезентировать культурный артефакт.

Подчеркнем, что данные свойства прецедентных феноменов относим к дополнительным, так как они могут проявляться только в определенных контекстах и свойственны не всем прецедентным феноменам, в то время как

перечисленные выше основные признаки – это именно то, что отличает, с нашей точки зрения, прецедентные феномены от других языковых явлений и единиц.

2. Дискурс-анализ как метод изучения лингвопрагматических особенностей прецедентных феноменов

2.1 Основные подходы к исследованию дискурса

В первом параграфе настоящей работы постулировалось положение о том, что при изучении прецедентности огромную роль играет *прагматика речевой ситуации, интенции адресанта и способность адресата правильно интерпретировать высказывание*. Все это требует применения такого подхода, который позволял бы рассматривать все аспекты изучаемого явления не только системно, но и комплексно. По нашему мнению, именно *дискурс-анализ* как совокупность методик и техник, направленных на интерпретацию продукта коммуникативного акта с учетом анализа всех условий его порождения, позволяет всесторонне взглянуть на проблему прецедентности. В связи с этим, уместным представляется рассмотреть общие положения и понятия дискурс-анализа в отечественной и зарубежной науке.

Дискурсивное направление в лингвистике – научное течение, появившееся в середине XX века и активно развивающееся в последние десятилетия (А.В. Алферов, В.А. Андреева, Н. Д. Арутюнова, Р. Барт, И. Беллерт, Э. Бенвенист, В.В. Богданов, В.Г. Борботько, Т. Г. Винокур, Ж. Гиймоу, С. И. Гиндин, А.Ж. Греймас, Т.Б. Гуляр, Т. ван Дейк, В.В. Дементьев, В.З. Демьянков, В.А. Звегинцев, В.И. Карасик, Е.Ф. Киров, И. И. Ковтунова, Н.М. Кожина, Е. С. Кубрякова, Ж. Курте, Е.Ю. Кустова, М.Л. Макаров, Д. Мальдидье, В.А. Миловидов, О. И. Москальская, М. И. Откупщикова, Е. В. Падучева, Е. А. Реферовская, Л.В. Селезнева, П. Серио, О. Б. Сиротинина, И.П. Сусов, З. Я. Тураева, В. А. Тырыгина, Н.И. Формановская, В.Е. Чернявская, Л.С. Чикина, Л.С. Чикилева, Н. Ю. Шведова, и др.). Многие вопросы, рассматриваемые в свете данной парадигмы, являются дискуссионными. До сих пор неоднозначные трактовки в ученых кругах даются при определении термина *дискурс*. Некоторые ученые используют термин «дискурс» как синоним

другим давно уже устоявшимся терминам и понятиям, на что, например, небезосновательно, на наш взгляд, указывает А.И. Горшков, утверждая, что вместо термина «дискурс», «не имеющего строго определенного значения, достаточно было бы употреблять более привычные слова и словосочетания (например, дискурс = текст, или дискурс = устная речь)» [Горшков 2006]. Действительно очень часто понятие дискурс объясняется через другие широко известные термины. Так, например, в статье Лингвистического энциклопедического словаря, посвященной понятию «дискурс», последний определяется через такие понятия как «текст», «речь» и «событие» [Лингвистический энциклопедический словарь]. Несмотря на столь неоднозначное отношение, дискурсивный подход в лингвистике является перспективным направлением, поскольку понятие «дискурс» обладает полипарадигматическим характером [Осипов 2011]. Исследования, проводимые в рамках дискурсивного подхода, совмещают положения различных отраслей лингвистики, что позволяет, на наш взгляд, давать всестороннее объяснение предмету исследования.

Изначально термин «дискурс» использовался в двух различных значениях. Так, в 50-е годы XX века Эмиль Бенвенист впервые использует термин «дискурс», и приблизительно в то же время в своей статье тот же термин употребляет другой известный ученый – Зелиг Харрис, но употребляет его в совершенно ином значении. Э. Бенвенист предложил рассматривать «функционирование языка в живом общении» и определял дискурс как «речь, присваиваемую говорящим» [Бенвенист 2009: 296]. З. Харрис трактовал понятие дискурс несколько у́же . Он понимал под дискурсом «последовательность высказываний, произнесенных или написанных одним или несколькими людьми в конкретной ситуации общения» (“the sentences spoken or written in succession by one or more persons in a single situation”) [Harris 1952: 3]. Таким образом, изначально у научного термина появилось два значения, что обусловило развитие двух подходов трактовки данного понятия. Л.В. Селезнева весьма обоснованно,

на наш взгляд, обозначает эти два подхода как структурно-текстовый и коммуникативно-речевой [Селезнева 2011: 119-124].

Истоки первого, структурно-текстового, подхода можно найти в работах З. Харриса. В своей статье «Дискурс-анализ» он рассматривает дискурс как особую единицу коммуникации, представляющую собой последовательность нескольких высказываний [Harris 1952]. По мнению З. Харриса, факты реального общения объясняют необходимость выделения данной единицы и необходимость создания новой методологии для ее описания. Ученый отмечает, что «язык не реализуется посредством разрозненных слов или предложений, но посредством связанного дискурса – от односложного высказывания до десятитомного романа, от монолога до спора на Площади Единства» ("Language does not occur in stray words or sentences, but in connected discourse – from one-word utterance to a ten-volume novel, from a monologue to a Union Square argument") [Harris 1952: 3]. Таким образом, согласно первому подходу, дискурс трактуется как текст любой протяженности, погруженный в ситуацию реального общения. В последующем данный подход разрабатывался такими учеными как В.А. Андреева, Р. Барт, И. Беллерт, В.В. Богданов, А.Ж. Греймас, В.З. Демьянков, В.А. Звегинцев, В.И. Карасик, Е.Ф. Киров, Ж. Курте, В.А. Миловидов, И.П. Сусов, В.Е. Чернявская и др.

Структурно-текстовый подход требовал четкого разделения таких понятий как «текст» и «дискурс». Значительный вклад в разграничение этих двух понятий внесли отечественные ученые Т. Г. Винокур, И. Р. Гальперин, Б. М. Гаспаров, С. И. Гиндин, Е. С. Кубрякова, И. И. Ковтунова, О. И. Москальская, М. И. Откупщикова, Е. В. Падучева, Е. А. Реферовская, З. Я. Тураева, Н. Ю. Шведова. В 70-е гг. XX столетия благодаря их усилиям в отечественной лингвистике активно развивались исследования текста как коммуникативной единицы. В рамках исследований, посвященных природе и особенностям текста, были выработаны более четкие критерии определения текстовых категорий, что, однако, не сняло с повестки вопрос о соотношении текста и дискурса. При соотнесении данных понятий ученые обычно придерживались одного из двух вариантов: 1) дискурс равен тексту; 2) дискурс не равен тексту.

В первом случае дискурс и текст воспринимались как нечто равнозначное (Н. Д. Арутюнова, Р. Барт, П. Серио, В. А. Тырыгина). Например, Р. Барт определял текст (discours) как «любой конечный отрезок речи, представляющий собой некоторое единство с точки зрения содержания, передаваемый со вторичными коммуникативными целями и имеющий соответствующую этим целям внутреннюю организацию, причем связанный с иными культурными факторами, нежели те, которые относятся собственно к языку» [Барт 1978: 443-444].

Согласно второй точке зрения (В.В. Богданов, В.З. Демьянков, В.А. Звегинцев, Е.С. Кубрякова,), дискурс воспринимается как более широкое понятие, нежели текст. Текст воспринимается как «естественная» категория с довольно «размытыми» границами, построенная по прототипическому образцу [Кубрякова 2001]. По мнению Е.С. Кубряковой, основу данной категории составляет понимание текста «как информационно самодостаточного речевого сообщения с ясно оформленным целеполаганием и ориентированного по своему замыслу на своего адресата» [там же]. Такое определение, по ее мнению, «кладет нижнюю границу текста», что объясняет, почему к текстам можно отнести вывески, афиши, рекламные слоганы. Верхняя же граница текста остается наиболее размытой и связана с таким критерием, как протяженность [там же]. Согласно данному определению, не существует текстов, которые не преследовали бы какую-либо практическую цель и не выражали бы мнение автора. Соответственно, любой текст фиксирует какой-либо фрагмент человеческого опыта и его осмысления. Из этого следует, что любой текст есть «результат дискурсивной (социально-ориентированной) деятельности» [Милевская 2002], то есть текст создается в дискурсе и является его продуктом. Таким образом, при изучении текста следует исходить из того, что текст это нечто конечное, в противовес дискурсу. Дискурс – это явление, исследуемое on-line, в текущем режиме и текущем времени [Кубрякова 2001]. С другой стороны, нельзя также воспринимать текст как конечный результат дискурса. Любой текст может стать началом дискурса, когда становится объектом исследования реципиента

[Демьянков 2007]. Информация, заключенная в тексте, требует от читателя мыслительных операций по ее интерпретации. И тогда можно говорить о «зарождении» нового дискурса из текста.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что термины «текст» и «дискурс» вовсе не являются противоположными, но и не дублируют друг друга. Оба явления представляют язык, но только с разных точек зрения: дискурс – как процесс, а текст – как завершенное самодостаточное речевое произведение с различной протяженностью, но с обязательной прагматической установкой.

Второй подход, коммуникативно-речевой, рассматривает дискурс как форму общения людей, как «речь, погруженную в жизнь» [Арутюнова 2002: 137]. Исследования дискурса в свете данного подхода проводили такие ученые как Н.Д. Арутюнова, Э. Бенвенист, В.Г. Борботько, Ж. Гиймоу, Т.Б. Гуляр, Т. ван Дейк, Е.С. Кубрякова, Н.М. Кожина, Д. Мальдидье, Н.И. Формановская, Л.С. Чикина. Отметим, что данное представление основано на идеи Фердинанда де Соссюра о разделении языка и речи. Противопоставляя язык как систему взаимоупорядоченных единиц и речь как функционирование данной системы в реальном контексте, ученый разделил предметы лингвистической науки. Речь, по мнению ученого, индивидуальна и тесно связана с психофизиологическими особенностями говорящего, в то время как язык есть нечто социальное по существу и независимое от индивида [Соссюр 1999].

В свете коммуникативно-речевого подхода, дискурс всегда не просто материальное проявление абстрактной языковой системы (примером которого могут выступать высказывание или текст), но и экстралингвистические составляющие, такие как знание о мире, мнения, установки, цели адресата и др. Дискурс оказывается значительно шире таких понятий как высказывание и текст. Так, например, одним из отличий дискурса от высказывания является тот факт, что в дискурсе речевые интенции меняются, корректируются и дополняются, в то время как высказывание обладает фиксированной речевой интенцией, для реализации которой оно и было произнесено [Селезнева 2011]. Это позволяет выделить один из основных, на наш взгляд, критериев дискурса –

процессуальность (М.Л. Макаров, Л.В. Селезнева, В.Е. Чернявская, Л.С. Чикилева).

Включенность паралингвистических и невербальных составляющих в дискурс позволяет говорить об этом явлении как об определенном «коммуникативном событии» [Т. ван Дейк 1997]. Это позволяет анализировать не только речевое действие как таковое, но и особенности говорящего с его речевыми интенциями, а также слушающего с его способностями к интерпретации речи. Таким образом, представляется возможным выделить еще один признак дискурса – итеракциональность, т.е. зависимость от условий социальной ситуации (А.В. Алферов, Е.С. Кубрякова, Е.Ю. Кустова).

Итак, в свете коммуникативно-речевого подхода **дискурс** можно определить как **речевое событие, происходящее в момент речи в конкретном коммуникативном проявлении** [Иванченко 2009].

При изучении прецедентности огромную роль, по нашему мнению, играют прагматика речевой ситуации, интенции адресанта и способность адресата правильно интерпретировать высказывание, поэтому в настоящем диссертационном исследовании более целесообразно, на наш взгляд, опираться не только на продукт речевой деятельности (текст), но также и на ситуацию, в которой осуществлялась данная речевая деятельность. В связи с этим, дискурс нами понимается широко, как процесс использования языка в определенных условиях, детерминированных речевым поведением языковой личности, которое рассматривается «во всей полноте своего выражения (словесно-интонационного и паралингвистического) и устремления, с учетом всех внеязыковых факторов (социальных, культурных, психологических), существенных для успешного речевого взаимодействия» [Васильева 1996: 34-35]. Данное понимание дискурса и обусловило выбор дискурс-анализа как основной методики настоящего исследования. Остановимся подробнее на понятии *дискурс-анализ*.

2.2 Дискурс-анализ в отечественной и зарубежной науке

Понятие дискурс-анализа было введено и активно изучалось зарубежными учеными такими как П. Анри, Дж. Браун, Т. ван Дейк, Дж. Дюбуа, Ж.Ж. Куртин,

У. Манн, М. Пеше, С. Томпсон, Н. Филлипс, С. Харди, З. Харрис, У. Чейф, Дж. Юл и др. Многие их работы стали основополагающими и сделали дискурс-анализ «междисциплинарной областью знания, находящейся на стыке лингвистики, социологии, психологии, этнографии, семиотического направления литературоведения, стилистики и философии» [Карасик 2002: 192]. Такое разнообразие отраслей научного знания, в которых применяется дискурс-анализ, не может не отражать разнообразие трактовок данного понятия. На настоящий момент под дискурс-анализом чаще всего понимают комбинацию методов, которые могут включать как формальный или функциональный анализ элементов дискурса (например, нарративный анализ дискурса), так и стилистический и прагматический анализы речевых и коммуникативных актов (см. работы, посвященные методике исследования дискурса на основе анализа кооперативных постулатов и импликатур Г. П. Грайса и методике анализа дискурса в ракурсе теории речевых актов). Варьирование и набор применяемых методик для анализа дискурса зависит от того, в какой системе научного знания он применяется. Однако как отмечал Т. ван Дейк, все существующие методики имеют одну общую черту: им присущ аналитический характер [Т. ван Дейк 1997: 9].

Анализ исследований по данной проблеме показал, что в самом общем виде, суть дискурс-анализа заключается в том, что на основе интерпретируемого материала посредством применяемых методов делаются общие выводы о структуре дискурса или о природе некоторых элементов языковой системы. В последнее время проводятся исследования, которые своим предметом избирают не только вербальные элементы дискурса, но и другие его составляющие, такие как временные и пространственные характеристики исследуемого дискурса (Е.А. Головина, Т.А. Островская, Е.С. Ульянова), особенности самих коммуникантов (Т.Л. Музычук), их коммуникативные и социальные роли (Н.Ю. Георгиева, Н.С. Рядовая). Хотя такие исследования не находятся в поле интересов классического языкознания, а принадлежат к сферам интересов междисциплинарных наук, их наличие демонстрирует насколько гибким может быть дискурс-анализ.

Представляется важным, по нашему мнению, отметить, что изначально дискурс-анализ понимался как автономный лингвистический метод, направленный на анализ языковых явлений и опирающийся на идеи структурной лингвистики и семиотики текста. Исследования, проводимые в рамках подобного подхода (Р. Барт, Г.М. Левина, К. Леви-Стросс, В.Я. Пропп, К.Ф. Седов), редко принимают во внимание «экстралингвистические факторы дискурса: психологические (мотивы, интенции, потребности), социальные (роли, статусы, интеракции)» и др. [Кожемякин 2009: 84]. Чаще в фокус исследования попадает дискурсивный контекст, в который входят другие тексты, формальные свойства их организации и специфические характеристики *языковой личности*.

Внимание ученых к экстралингвистическим параметрам дискурса проявилось несколько позже, когда были опубликованы работы, в которых в расчет принимались интенции, мотивы и установки коммуникантов, а также их ценности и позиции. Изучению равным образом подвергался и социокультурный контекст, т.е. нормы, ожидания и предписания, организующие содержание и форму общения. В связи с этим, представляется необходимым упомянуть работы Дж. Остина, Дж. Сёрля и П. Грайса (теория речевых актов и теория коммуникативных импликатур), которые оказали большое влияние на методологию и технологию дискурс-анализа.

Широкая трактовка социокультурного компонента привела к пониманию дискурса как социальной практики. Дискурс небезосновательно, на наш взгляд, начинает рассматриваться не просто как языковое единство или инструмент и результат коммуникации, но как социокультурный элемент, зачастую наделяемый статусом агента наравне с субъектами коммуникации [Кожемякин 2009]. Вследствие этого «дискурс вносит свой вклад в формирование социальной идентичности, социальных отношений и системы знаний и значений» [Пугина 2011: 49]. Подобное понимание дискурса привело к формированию нового подтипа дискурс-анализа – *критического дискурс-анализа (КДА)*. КДА устанавливает связи «между знаками, значениями и социальными и историческими условиями, которые задают семиотическую структуру дискурса»

[Roger Fowler 1991: 5]. Например, анализируя речевое событие «урок», критический дискурс-анализ дает пояснения тому, почему институциональные роли «учителя» и «студентов» реализуются с многочисленными отклонениями от их категориальных характеристик. В частности, «пропуск» в дискурсе «урок» таких речевых ходов учителя, как «оценка знаний студентов» и «критика за отсутствие подготовки»; нерегулярность и «ненормативность» компонента «ответ / реакция» студентов (неадекватность ответов студентов в виде смеха, нежелания отвечать вообще и др.) интерпретируются в аспекте исполнения учителем и студентами своих дискурсивных ролей (посредством осуществления ходов в интеракции) и невыполнения своих «категориальных» (институциональных) ролей, что проявляется, в частности, во многочисленных интеракционных «сбоях». КДА обосновывает отклонения от прототипической структуры коммуникативного события «урок», исходя из фоновых знаний о демократизации образования, роли университетов (и их представителей – учителей) как субъектов, предоставляющих услуги студентам-клиентам на рынке знаний, что предполагает инверсию ролей и, в частности, статус учителя как «подотчетного» субъекта[4]. В своих работах критический дискурс-анализ использовали многие ученые такие как Пьер Бурдье, Рут Водак, Тойн Ван Дейк, Брэт Дэллинжер, Гунтер Кресс, Роджер Фаулер, Норман Фэйрклаф, Ю.В. Данюшина, А.Г. Иванов, Е.В. Михалькова, И.В. Реброва, А.С. Сергеева, А.С. Школенко и др.

В отличие от критического дискурс-анализа в настоящей работе цель дискурс-анализа понимается несколько у́же . В настоящем диссертационном сочинении дискурс-анализ направлен на исследование определенной совокупности текстов и экстралингвистических условий, в которых они создавались. Данный подход подразумевает прежде всего работу с текстами как результатом дискурса и анализа их в контексте создания, что обусловливает анализ интенций и индивидуальных особенностей автора, а также особенностей социальной и культурной среды, в которой и порождается дискурс. Необходимо отметить, что дискурс-анализу могут подвергаться не только письменные тексты.

[4] Пример взят из книги B. Benwell, E. Stockoe Discourse and Identity. Edinburgh, 2006. – pp. 126-128

Зарубежные ученые активно используют дискурс-анализ для исследования устной речи (Г. Джефферсон, Дж. Сакс, Э. Шеглофф, D. Allen, D.C. Brazil, D. Burton, M. Coulthand, S. Levinson и др.). Сам дискурс при таком подходе чаще всего понимается как «инструмент коммуникативного взаимодействия и решения конкретных задач в данной коммуникативной ситуации» [Кожемякин 2009: 85], что является развитием идеи Е. Бюиссанса, который предложил расширить классическую бинарную систему «язык – речь», предложенную Ф. де Соссюром, за счет введения нового элемента – дискурса. Понятие «дискурс» трактовалось как некий «посредник», «медиум» между абстрактной знаковой системой и живой речью [Buyssens 1943]. Иными словами, в этой оппозиции дискурс трактовался как «механизм актуализации языка в естественной коммуникативной ситуации, результатом чего являлось развертывание речи» [Кожемякин 2009: 78].

Таким образом, в настоящей работе под **дискурс-анализом** понимается **совокупность методик и техник интерпретации различного рода текстов или высказываний как продуктов речевой деятельности, осуществляемой в конкретных общественно-политических обстоятельствах и культурно-исторических условиях** [Сарна 2015].

Данное определение предполагает изучение не только вербальных элементов дискурса, но и экстралингвистических параметров, к которым, как правомерно, с нашей точки зрения, отмечал Е.А. Кожемякин, могут относиться:

- интенции говорящего;
- убеждения, ценности и установки коммуникантов;
- цели коммуникативных действий;
- коммуникативные позиции адресата и адресанта;
- социокультурный контекст общения, который составляет предписания, ожидания, нормы, предъявляемые к организации и содержанию общения.

Большинство перечисленных экстралингвистических параметров дискурсивного контекста связано с особенностями коммуникантов. В связи с

этим, одним из наиболее важных понятий для дискурс-анализа прецедентных феноменов, на наш взгляд, является *языковая личность*, понимаемая как система языковых особенностей речевого агента [Кожемякин 2009: 85]. Прецедентные феномены не кодифицируются и не фиксируются в словарях как другие языковые единицы. Представления о тех или иных прецедентных феноменах хранятся в сознании языковой личности. Поэтому именно сознание языковой личности, актуализируемое в процессе коммуникации, рассматривается нами как один из наиболее важных параметров дискурсивного контекста в настоящем исследовании прецедентности посредством дискурс-анализа.

2.3 Языковая личность как один из параметров дискурсивного контекста при дискурс-анализе прецедентных феноменов

Появление понятия прецедентности изначально было связано с развитием теории языковой личности. Изучением языковой личности занимались многие ученые. С позиций литературоведческого подхода (изучение особенностей языка художественной литературы, принимая во внимание образ автора) исследование языковой личности проводили такие ученые как М.М. Бахтин, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Д.С. Лихачев, Ю.Н. Тынянов. В свете психолингвистического подхода изучением языковой личности занимались Л.С. Выготский, Б. де Куртенэ, А.Р. Лурия, А.А. Потебня. Модель языковой личности разрабатывали Г.И. Богин, С.Г. Воркачев, Ю.Н. Караулов. Рассмотрением языковой личности как носителя национального языка и культуры занималась И.П. Василюк. Разграничение понятий языковой личности и речевой личности проводили В.В. Красных и Е.Ю. Прохоров. Наконец, выделением подтипов языковой личности занимались А.Н. Баранов, В.И. Карасик, Т.В. Кочеткова, О.Б. Сиротинина и др.

Одна из первых попыток дать терминологическую трактовку понятию *языковая личность* принадлежит Ю.Н. Караулову. Ученый определял языковую личность как «совокупность способностей и характеристик человека, обусловливающих создание им речевых произведений (текстов)» [Караулов 1989: 3]. Данные способности объясняются наличием у человека определенных компетенций, потребностей и особого типа сознания – языкового. Опираясь на

работы А.Р. Лурия, В.И. Карасик правомерно, на наш взгляд, определяет языковое сознание как «активное вербальное отражение во внутреннем мире внешнего мира» [Карасик 2002: 7].

Содержание языкового сознания включает два типа ментальных концептов: знания и представления. Знания трактуются как относительно стабильные, объективные и коллективные информационные единицы, представления – как относительно лабильные, субъективные и индивидуальные сущности, включающие собственно представления, образы и понятия, а также связанные с ними коннотации и оценки [Карасик 2002]. В индивидуальном и групповом языковом сознании знания и представления образуют целостное единство, при этом выделяются три набора знаний и представлений: 1) индивидуальное когнитивное пространство, 2) коллективное когнитивное пространство, 3) когнитивная база [Красных 1999: 41-45]. Развивая эту мысль, В.И. Карасик обоснованно, на наш взгляд, считает, что «первый набор представляет собой уникальную совокупность всех знаний и представлений данного человека, как личности, второй набор – это совокупность знаний и представлений, определяющих принадлежность человека к той или иной социальной группе, причем поскольку любой индивид входит в различные малые и большие группы, коллективное когнитивное пространство в его сознании является «лоскутным» образованием, включающим информационные фрагменты различных систем, третий набор содержит необходимые знания и представления, объединяющие всех носителей этих знаний и представлений в «национально-лингвокультурное сообщество» [Карасик 2002: 8]. Таким образом, языковая личность выступает «как личность (с набором присущих ей индивидуальных качеств), как член множества групп, как носитель лингвокультуры» [Карасик 2002: 8]. На наш взгляд, иерархия прецедентных феноменов, описанная нами в параграфе 1.3 настоящей работы, логично вписывается в подобную модель языкового сознания.

Общеизвестно, что центральное место в структуре языковой личности занимают речевые стереотипы и доминанты речевого поведения, которые также обнаруживают связь с прецедентными феноменами.

В самом общем виде речевой стереотип – типичная реализация в речи той или иной социальной роли, на основе которой появляются расхожие «квалифицирующие» определения: *говорит, как оратор; кричит, как базарная торговка; матерится, как сапожник; молчит, как разведчик* [Словарь лингвистических терминов под ред. Т.В. Жеребило]. Т.М. Николаева выделяет три вида стереотипов в речевом поведении: 1) речевой стереотип (отрезок высказывания, включенный в контекст, представленный «свободными» компонентами высказывания), это – чужая речь в речи говорящего; 2) коммуникативный стереотип (в одних и тех же ситуациях употребляются одни и те же обороты-клише), это – этикетные формулы, клишированные обороты делового общения и т.д., а также менее изученные индивидуальные коммуникативные стереотипы; 3) ментальный стереотип (стремление мыслить дуальными либо градуальными категориями, первые относятся к более архаичному этапу сознания), например, ментальные стереотипы современного обывателя построены на дуальной категоризации мира и выражаются в виде тенденции к укрупнению факта или события, нелюбви к конкретному единичному факту и нелюбви к точной информации [Николаева 2000: 162-178]. Первые два типа стереотипов нередко объективизируются посредством прецедентных феноменов и часто употребляются в речи.

– Девушка, у вас спина белая!

– В Эмираты позагорать приглашаете? Когда летим? [форум: http://wap.redsetter.borda.ru/?1-1-0-00000286-000-200-0]

В данном примере используется коммуникативный стереотип шутки, отсылающий к прецедентному тексту романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев». Фраза «у вас спина белая», принадлежащая Эллочке-людоедке, прочно закрепилась в речи носителей русского языка в качестве стереотипной первоапрельской шутки. Однако для многих носителей языка ассоциация с прецедентным текстом потеряна. Данный пример иллюстрирует тот факт, что прецедентный текст может стать источником коммуникативного стереотипа,

потеряв при этом свойство референциальности, т.е. способности давать отсылку на первоисточник.

Концепция доминанты, в свою очередь, получила широкое распространение благодаря работам российских формалистов, которые использовали данную концепцию при анализе литературных текстов. Использование данной теории в науке о языке связывают с именем Р.О. Якобсона. Рассуждая о функциях языка, Р.О. Якобсон расширяет литературоведческое представление о доминанте, которое сводилось к ее определению как «фокусирующего компонента произведения искусства» [Якобсон 1996: 119]. Р.О. Якобсон подчеркивал, что «доминанта управляет остальными компонентами, определяет и трансформирует их» [Якобсон 1996: 119]. Правомерность существования данной концепции ученый доказал на материале чешской поэзии, в которой с течением времени рифма, силлабическая модель и интонационное единство попеременно выступали доминирующими элементами. Р.О. Якобсон показывает, что все три элемента – рифма, распределение слогов и интонация – присущи чешскому поэтическому языку, но иерархия данных обязательных компонентов с течением времени менялась, изменяя и форму чешского стиха. Рассуждая о том, что подобную теорию изменения иерархии обязательных элементов можно рассматривать не только в рамках поэтических канонов, ученый переносит данную концепцию на структуру всего языка и выделяет основные его функции. Какую форму приобретет высказывание будет зависеть от того, какая функция – референтивная, апеллятивная, поэтическая, экспрессивная, фатическая или метаязыковая – будет являться доминирующей.

Если рассматривать речетворчество как особый вид деятельности, то возможной представляется трактовка доминанты речевого поведения как господствующего на данном отрезке времени мотива, определяющего направление коммуникативного акта. Соответственно, дискурсивные исследования в самом общем виде могут сводиться к вычленению основных мотивов, определяющих выбор лексических и грамматических средств, составляющих содержание и форму высказывания/текста.

Тем не менее применение данной концепции на практике может быть осложнено двумя обстоятельствами.

Во-первых, наличие одного «доминирующего» мотива не подразумевает полное отсутствие других возможных мотивов. Ведь Р.О. Якобсон говорил об иерархии специфических признаков, каждый из которых на определенном отрезке времени может стать доминирующим. В связи с этим, заслуживает внимания, на наш взгляд, мысль Сурена Золяна, который писал о модальном расширении всех функций языка под влиянием «доминантной». Он писал, что «речь идет не об отключении каких-либо общеязыковых функций или же об их неполном, подавляемом «доминантной» установкой проявлении, а, напротив, об их модальном расширении и комплексной актуализации» [Золян 1999: 645]. Он добавляет, что «в поэзии реализуются допускаемые возможные состояния языковой системы, при которых максимально актуализируются внутренние ресурсы языка; коммуникация и референция в поэзии также приобретают модальный характер, связывая языковые выражения со множеством возможных миров и контекстов» [Золян 1999: 645]. Данные рассуждения в полной мере могут быть отнесены и к дискурс-анализу прецедентных феноменов, при котором речетворчество трактуется как особый вид деятельности, в котором наличие одного мотива не подразумевает отсутствие каких-либо других.

Во-вторых, в языке наблюдается много случаев, где одной и той же форме могут быть свойственны сразу несколько функций (например, форма вопросительного предложения в английском языке может служить для реализации функции запрашивания информации, но может быть использована и в качестве функции побуждения к действию, когда, например, за формой вопросительного предложения скрывается вежливая просьба), и наоборот, одна и та же функция может быть реализована с помощью нескольких форм. Соответственно, не всегда одна и та же доминанта будет определять один и тот же набор лексических и грамматических средств. Поэтому особым потенциалом при исследовании дискурса, по нашему мнению, обладают полифункциональные языковые формы, к которым относятся прецедентные феномены. На наш взгляд,

данные языковые единицы могли бы быть полезны в исследованиях для установления доминант речевого поведения языковой личности.

Итак, прецедентные феномены занимают одно из центральных мест в теории языковой личности: они являются лингвистическим воплощением коммуникативно-деятельностных потребностей языковой личности. Существование прецедентности как минимум на трех уровнях (индивидуальном, групповом и национальном) объясняет трехуровневую структуру сознания языковой личности. Также прецедентные феномены могут быть воплощением речевых стереотипов и доминант речевого поведения.

Выводы к главе 1

1. В рамках настоящего диссертационного исследования прецедентность трактуется через способность носителей языка использовать накопленный текстуальный и культурный опыт для решения лингвистических и экстралингвистических задач коммуникации. В дискурсе носителей языка прецедентность реализуется посредством прецедентных феноменов: прецедентных текстов, прецедентных ситуаций, прецедентных высказываний и прецедентных имен.

Прецедентные феномены обладают уникальным механизмом наименования, который развертывается в речи через отсылку на ранее созданный текст или событие/явление прошлого.

Прецедентные феномены проявляются в употреблении; вне контекста коммуникации говорить о проявлении их прецедентных свойств (метафоричности, регулярной воспроизводимости) не приходится [Макаров 2009: 75].

2. В языковом сознании носителей языка структура концептов прецедентных феноменов включает инвариантную и вариативную части. Под инвариантной составляющей подразумевается наличие неких обобщенных признаков прецедентного феномена, которые известны достаточно широкой аудитории и обязательно присутствуют в структуре индивидуального концепта

прецедентного феномена каждой языковой личности. Вариативная составляющая носит частный характер и зависит от особенностей апперцепции языковой личности. Таким образом, прецедентные феномены отражают особенности как индивидуальной, так и коллективной картин мира.

3. Такое свойство прецедентных феноменов, как *известность*, используется для построения иерархии прецедентных феноменов в сознании языковой личности. Распределение прецедентных феноменов по четырем уровням (индивидуальный, микрогрупповой, макрогрупповой и общенациональный) имеет нежесткий характер и объясняет перемещение прецедентных феноменов с одного уровня на другой. Переход прецедентных феноменов из разряда индивидуальных в разряд общенациональных, и наоборот, проливает свет на процессы закрепления и «отмирания» прецедентных феноменов.

4. Анализ литературы по исследуемой проблеме показал, что при изучении прецедентности огромную роль играют прагматика речевой ситуации, интенции адресанта и способность адресата правильно интерпретировать высказывание, поэтому настоящее диссертационное исследование опирается не только на продукт речевой деятельности (текст), но также и на ситуацию, в которой осуществлялась данная речевая деятельность. В связи с этим, дискурс понимается широко, а именно: как процесс использования языка в определенных условиях, детерминированных речевым поведением языковой личности. Данное понимание дискурса обусловило выбор дискурс-анализа как основной методики настоящего исследования, направленного на интерпретацию продукта коммуникативного акта с учетом анализа всех условий его порождения.

5. Прецедентные феномены не кодифицируются и не фиксируются в словарях как другие языковые единицы. Представления о тех или иных прецедентных феноменах хранятся в сознании языковой личности. Поэтому именно сознание языковой личности, актуализируемое в процессе коммуникации, занимает центральное место в исследованиях прецедентности посредством дискурс-анализа.

ГЛАВА 2. Прецедентные феномены в современном американском и российском молодежном дискурсе: анализ экспериментальных данных

1. Особенности организации и методики проведения эксперимента

Изучение прецедентных феноменов в условиях их функционирования близких к ситуациям устного и письменного общения проводилось на материале, собранном в ходе работы с носителями английского (американский вариант) и русского языков. Прежде чем представить результаты исследования, считаем необходимым остановиться подробнее на организации и методике проведения лингвистического эксперимента настоящего диссертационного сочинения.

Работа с информантами проходила в несколько этапов: 1) этап подготовки – работа с текстами виртуального дискурса, 2) подготовка и проведение фокусированного (глубинного) интервью, 3) подготовка и первичная апробация онлайн-анкеты, 4) широкое распространение окончательного варианта онлайн-анкеты и анализ полученных данных. Рассмотрим каждый из этапов отдельно.

Этап подготовки подразумевал *работу с поисковыми системами сети Интернет* и своей целью имел выявить сферы-источники прецедентных феноменов наиболее актуальные для современной американской и российской молодежи. Глобальная сеть рассматривается нами как языковой корпус, хранящий в себе огромное количество текстов. Первоначальный отбор языкового материала основывался на принципе частотности. Нами отбирались прецедентные феномены, поисковой запрос на которые включал не менее 500 000 текстов. Из этих текстов, некоторые примеры которых представлены в Приложении Б на стр. 168–169, отбирались предложения, которые были предложены в последующем информантам в ходе фокусированного интервью.

Подготовка и проведение качественного исследовательского фокусированного интервью стало следующим этапом работы с информантами. Фокусированное интервью представляет собой неформальную личную беседу, проводимую по заранее подготовленному плану. Данная методика применяется с 50-х годов XX века и используется при проведении качественных лингвистических и социологических исследований (С.А. Белановский, Ю.П. Воронов, И.В. Журавлева, П. Кендалл, Е.Ю. Красова, Ж.Н. Масловская, Р. Мертон, М. Фиске). Фокусированное интервью относится к числу гибких методов исследования: оно направлено на получение от респондентов развернутых ответов по интересующим исследователя вопросам. Полученные ответы могут служить первоначальной базой данных для дальнейшей разработки темы исследования на последующих этапах; они могут быть применены, в том числе, и для разработки формализованных анкет. Поэтому фокусированное интервью, в первую очередь, используется в рамках пилотного опроса [Белановский 2001].

Выбор метода фокусированного интервью в нашем случае объясняется тем, что данный тип интервью может использоваться не только как средство доведения основной методики (например, анкетирования) до идеального состояния, но и как средство получения первых данных, которые позволяют уже на начальных этапах исследования формировать некоторые гипотезы. Метод фокусированного интервью «позволяет исследователю максимально широко, многомерно охватить речевой акт, не нарушая его естественного процесса, оставляя, в то же самое время, возможность для легкого его корректирования, направления в необходимое исследователю русло» [Сычева 2010: 232]. Например, в ходе проведения фокусированного интервью с носителями языка нами были использованы уточняющие, а иногда наводящие вопросы, целью которых было собрать как можно больше информации о том или ином прецедентном феномене.

Interviewer: Yeah, that's what we are also looking for... let me give you another example: if you want to compare a girl... she is beautiful like...

Respondent: Uhm, like celebrities?

I: The first one that comes to your mind.

R: Carrie Underwood, Selena Gomes.

I: Okay. ***Are they like... movie stars... singers?***

R: Carrie Underwood is a country singer.

Интервьюер: Да, нам это тоже интересно... давайте, я приведу Вам другой пример: если Вы хотите сравнить девушку... она красива как...

Респондент: Эммм... кто-нибудь из знаменитостей?

И.: Первое, что приходит Вам в голову.

Р.: Керри Андервуд, Селена Гомез.

И.: Хорошо. ***А они кинозвезды, певицы?***

Р.: Керри Андервуд - кантри-певица

(Здесь и далее перевод выполнен автором – М.З.).

Другим достоинством фокусированного интервью, на наш взгляд, является то, что непосредственная беседа с респондентом позволяет получить не только чисто лингвистический материал, но и паралингвистический. Мимика, смех, паузы могут предоставить исследователю дополнительную информацию, которую невозможно получить при обычном анкетировании.

Фокусированное интервью, в ходе которого были опрошены англо- и русскоговорящие носители языка в возрасте от 18 до 30 лет, состояло из трех частей. Первая, вводная, часть подразумевала сбор персональной информации об участниках интервью, т.е. данные о возрасте, роде и сфере деятельности. Также в этой части респонденты знакомились с самим понятием прецедентности. Нами избегалось употребление лингвистических терминов, объяснение явления проводилось путем демонстрации наглядного примера. В ходе этой части респонденты задавали уточняющие вопросы, которые позволили проконтролировать их понимание изучаемого языкового явления.

Во второй части интервью респондентам предлагалось подумать об известных текстах, событиях прошлого или исторических личностях, отсылки к которым они используют в своей собственной речи, а также продолжить несколько высказываний, используя первые пришедшие им на ум прецедентные феномены. В основном, подразумевались известные личности (от политиков до

деятелей эстрады). Предложенные высказывания имели общую структуру: «*X обладает определенным качеством, что делает его похожим на Y*», например, «*она красива как …*». Таким образом, респондентам предлагалось построить ассоциативные связи с известными личностями на основе проговоренного качества. Ответы респондентов показывали их понимание понятия «прецедентный феномен» и предоставляли первые данные об актуальных сферах-источниках ПФ.

В третьей части интервью респондентам предлагалось прочитать высказывания и определить, содержат ли они отсылки на известные для них тексты, события прошлого или исторические личности. Если респондент отвечал положительно, его просили назвать предполагаемый источник. Представленные информантам предложения содержали прецедентные феномены шести сфер-источников: *Библия, музыка, литература, живопись, греческие мифы, кино*.

Проведение фокусированного интервью позволило добиться положительных результатов как в плане пилотного опроса, так и в плане полноценного метода лингвистического исследования. В качестве первой апробации опроса проведенное фокусированное интервью позволило определить некоторые наиболее актуальные сферы-источники, доработать однозначное определение прецедентных феноменов, которое было бы понятно носителям языка, а также определить способ его презентации. В качестве полноценного метода фокусированное интервью позволило собрать материал о влиянии контекста на понимание и интерпретацию прецедентных феноменов и о влиянии социальных институтов (таких, например, как религия и образование) на формирование у носителей языка определенной базы прецедентных феноменов.

Следующим этапом эксперимента стала *подготовка и первичная апробация онлайн-анкеты*. Онлайн-анкета состояла из двух частей. Первая часть была направлена на сбор персональных данных: пол, возраст, сфера деятельности, профессиональные интересы. Вторая часть подразумевала работу непосредственно с языковым материалом и подразумевала получение от

респондентов развернутых ответов. Прецедентные феномены были отобраны[5] из пяти сфер-источников: *Библия, музыка, литература, кино и телевидение*. Нами были отвергнуты такие сферы-источники как греческие мифы и живопись. В ходе фокусированного интервью пробное декодирование прецедентных феноменов, отсылающих к греческим мифам, не вызвало особых трудностей ни у носителей английского, ни у носителей русского языков. Помимо этого греческие мифы представляется возможным отнести к универсальным прецедентным феноменам, которые знакомы любому образованному представителю современного мирового сообщества. Они представляют собой примитивные знания об истории Древней Греции и не отражают национально-специфических особенностей употребления прецедентов в изучаемых лингвокультурах. Прецедентные феномены сферы-источника *живопись* очень плохо декодировались носителями обоих языков. Носители английского и русского языков отмечали, что если они и могут распознать данный источник прецедентных феноменов, то предложения все равно кажутся странными и неестественными. Так как первая часть фокусированного интервью показала, что поп-культура является одной из самых актуальных сфер-источников прецедентных феноменов для носителей обоих языков, нами была введена новая сфера-источник *телевидение*, которая составляет одну из главных частей более широкой сферы-источника – популярной культуры.

Во второй части онлайн-анкеты респондентам ставилась задача составить собственные предложения, в которых бы фигурировали представленные ПФ пяти сфер-источников: *Библия, музыка, литература, кино и телевидение*. Собранный таким образом языковой материал был подвергнут дискурс-анализу. В основу данной части анкеты был положен метод полевой лингвистики – метод элицитации (см. об этом А.Е. Кибрик, Ю.А. Ландер, З.Б. Меретукова, Н.Р. Сумбатова). Данная методика подразумевает получение от респондентов готового языкового материала, отвечающего установленным лингвистом требованиям. Метод элицитации сопоставим с методом эксперимента (в противовес методу

[5] Отбор прецедентных феноменов для онлайн-анкеты так же, как и для фокусированного интервью, основывался на принципе частотности прецедентных феноменов в текстах виртуального дискурса: минимальное число текстов, в которых упоминался прецедентный феномен, на данном этапе исследования составило 1 000 000.

наблюдения) в естественнонаучных дисциплинах, когда на объект исследования оказывают воздействие, а затем проводится анализ результата воздействия. При использовании метода элицитации воздействие оказывается лингвистом на информанта, когда исследователь просит перевести или, как в нашем случае, составить предложение.

Этап первичной апробации онлайн-анкеты длился один месяц: для англоязычной версии анкеты – январь 2014, для русскоязычной – декабрь 2014. В результате проведения этого этапа было опрошено 40 человек (20 американцев и 20 русских) в возрасте от 18 до 30 лет.

Определение возрастных границ респондентов было продиктовано объектом нашего исследования – изучению были подвергнуты прецедентные феномены *молодежного дискурса*. Понятие «молодежь» в настоящее время трактуется достаточно широко. Например, Всемирная организация здравоохранения определяет верхнюю границу молодого возраста как 44 года. Многие отечественные ученые, занимающиеся вопросами ювенологии, а именно В. И. Чупров, Ю. А. Зубок, И. М. Ильинский, С. Н. Петрушкин определяют молодой возраст от 16 до 30 лет. В след за ними, в качестве верхней возрастной границы исследуемой группы информантов был выбран возраст в 30 лет. Нижняя граница была определена как 18 лет, т.е. возраст совершеннолетия, что было обусловлено конкретной ситуацией проводимого нами исследования. Для проведения научного исследования с несовершеннолетними гражданами США необходимо получение особого разрешения, выдача которого оказывается практически невозможной, если исследователь находится на территории другого государства.

Широкое распространение окончательного варианта онлайн-анкеты стало последним этапом эксперимента. В окончательном варианте онлайн-анкета повторяла структуру анкеты, использованной для первичной апробации, т.е состояла из двух частей. Первая часть дублировалась и была идентичной той, что использовалась при проведении фокусированного интервью и при первой апробации онлайн-анкеты. Во второй части анкеты респондентам предлагалось

составить свои собственные предложения с представленными прецедентными феноменами. Состав прецедентных феноменов, предложенный информантам, приведен в таблице 1.

Таблица 1. **Прецедентные феномены, представленные в окончательном варианте онлайн-анкеты**

№	Сфера-источник	Англоязычная версия анкеты	Русскоязычная версия анкеты
1	*Библия*	Adam and Eve	Адам и Ева
2		The Great Flood	Всемирный потоп
3	*Музыка*	Eminem	Тимати
4		To come in like a wrecking ball	Забери душу назад, неважно это рай или ад
5	*Литература*	Tom Sawyer	Буратино
6		The Scarlet Letter	Преступление и наказание
7	*Кино*	James Bond	Штирлиц
8		The Hunger Games	Духless
9	*Телевидение*	Jon Stewart	Владимир Познер
10		The Oscars	КВН

Как видно из представленной таблицы, *музыка, кино и телевидение* образуют одну большую сферу-источник *популярная культура*. Однако для большей наглядности разделяем все сферы-источники на пять типов: *Библия, музыка, литература, кино и телевидение*. Для некоторых прецедентных феноменов такая классификация не является однозначной, например для прецедентного феномена «The Hunger Games» и его русскоязычного аналога – «Духless». Данные прецедентные феномены могли бы быть отнесены к сфере-источнику *литература*, так как сначала были написаны книги, на основе которых впоследствии были сняты фильмы. Тем не менее относим эти прецедентные феномены к сфере-источнику *кино*, так как массовое распространение эти прецедентные феномены получили благодаря фильмам. Такое же пограничное состояние могут занимать следующие прецедентные феномены: Tom Sawyer / Буратино, James Bond / Штирлиц, The Oscars.

Проведение третьего этапа эксперимента длилось с февраля 2014 года по июль 2015 года (16 месяцев). За это время анкетирование прошли 200 человек: 100 американцев и 100 русских в возрасте от 18 до 30 лет. От информантов было

получено 498 ответных письменных реакций (292 – американцы, 206 – русские) общим объемом 6055 словоупотреблений.

Некоторые носители языка не всегда точно понимали задание и «неправильно» составляли предложения. Часто тем или иным прецедентным феноменам они давали характеристику, которая также была важна, в первую очередь, для определения дифференциальных элементов значения (инвариантной части концепта) предложенных ПФ. Примеры подобных характеристик приведены в следующих предложениях: *Eminem is a really good rapper (Эминем – по-настоящему хороший рэпер)*; *Увидев Тимати в первый раз, мой муж спросил меня, кто пустил татуированную обезьяну на сцену*.

В последующих параграфах диссертационного сочинения будет рассмотрен анализ полученного языкового материала (корпус мини-контекстов общим объемом 6055 словоупотреблений), но перед этим представляется необходимым дать общую характеристику опрошенных информантов по возрастным и гендерным признакам, а также по уровню их образования.

2. Гендерные, возрастные и социальные характеристики информантов

Исследовательскую базу составили 200 человек (100 англоязычных и 100 русскоязычных респондентов) в возрасте от 18 до 30 лет. Подробные данные о гендерных, возрастных и социальных особенностях информантов представлены в таблице 2 (англоязычные информанты) и таблице 3 (русскоязычные информанты).

Таблица 2. **Гендерные, возрастные и социальные особенности англоязычных информантов**

Пол		**Возраст**			**Образование**						
Мужской	**Женский**	**Среднее**	**Медиана**	**Мода**	**Получают степень бакалавра**					**Получают степень магистра**	**Законченное высшее**
49%	51%	22.6	22	21	65%					15%	20%
					1 курс	**2 курс**	**3 курс**	**4 курс**	**5 курс**		
					12%	12%	20%	13%	8%		

Таблица 3. **Гендерные, возрастные и социальные особенности русскоязычных информантов**

Пол		**Возраст**			**Образование**						
Мужской	**Женский**	**Среднее**	**Медиана**	**Мода**	**Получают высшее образование**					**Получают степень магистра**	**Законченное высшее**
47%	53%	21.9	21	19	65%					7%	28%
					1 курс	**2 курс**	**3 курс**	**4 курс**	**5 курс**		
					17%	27%	4%	4%	13%		

Как видно из таблицы 2 гендерный состав группы англоязычных респондентов почти однородный, число женщин среди англоязычных респондентов отличается от числа мужчин всего в один процент. В группе русскоязычных респондентов (таблица 3) разделение по гендерному признаку различается в незначительной степени (разница между группами в три процента).

В отношении возрастного параметра стоит отметить, что англоязычная группа информантов несколько старше русскоязычной. Средний возраст англоязычной группы 22,6 года, в то время как средний возраст русскоязычной группы составляет 21,9 года. Такие показатели как медиана и мода, приведенные в таблицах 2 и 3, позволяют более подробно охарактеризовать группы по возрастному показателю. Так, например, в англоязычной группе половина (50%) не старше 22 лет (медиана = 22) и большая часть из этих пятидесяти человек находится в возрасте 21 года (мода = 21). В русскоязычной группе подобные показатели (медиана и мода) меньше, что объясняется более молодым средним возрастом респондентов. Так половина всех русскоязычных респондентов не старше 21 года (медиана = 21), и большая часть из этих 50% находятся в возрасте 19 лет (мода = 19). Возраст находится в прямой корреляции с таким показателем, как уровень образования, т.е. чем моложе человек, тем ниже его уровень образования.

Равное количество англоязычных и русскоязычных респондентов (65%) получают высшее образование. Двадцать процентов (20%) опрошенных

американцев и двадцать восемь процентов (28%) русских имеют законченное высшее образование. Данный аспект играет, по нашему мнению, ключевую роль для исследования прецедентных феноменов, так как чем выше уровень образования у человека, тем выше его способность распознавать и успешно употреблять прецедентные феномены в своей речи. Сравнение таблиц 2 и 3 показывает, что группы респондентов по этому показателю можно признать приблизительно равноценными. Также представляется необходимым упомянуть, что профессиональные интересы респондентов оказались широкими: в группах присутствуют студенты университетов, изучающие как гуманитарные (филология, иностранные языки, журналистика, история, психология), так и естественнонаучные и технические (медицина, физика, инженерия, химия, биология, информационные технологии) дисциплины.

Итак, согласно полученным данным, правомерным представляется заключить, что по основным критериям группы англоязычных и русскоязычных информантов являются приблизительно равнозначными.

3. Алгоритм реализации модели дискурс-анализа прецедентных феноменов при работе с языковым корпусом мини-контекстов в настоящем исследовании

Стоит уделить также внимание методу работы с языковым материалом, который применялся нами при анализе мини-контекстов. Теоретическое обоснование данного метода приведено в параграфе два первой главы настоящей работы. В настоящем параграфе остановимся на некоторых практических моментах.

Для анализа полученного от информантов языкового материала в виде мини-контекстов употребления прецедентных феноменов нами была разработана модель дискурс-анализа. Так как в настоящей работе дискурс-анализ понимается как совокупность техник и методов, направленных на комплексное исследование дискурсивного контекста, применяемая нами модель дискурс-анализа прецедентных феноменов включала не только этапы изучения речевого

воплощения дискурса, но и этапы, нацеленные на исследование экстралингвистических параметров.

Набор шагов, предпринятых для дискурс-анализа прецедентных феноменов, включал: 1) составление этнографического протокола, 2) определение типа прецедентного феномена, 3) определение всех признаков конкретного прецедентного феномена в конкретном контексте, 4) определение инвариантной и вариативной частей концепта прецедентного феномена, 5) определение уровня прецедентности, 6) определение функции прецедентного феномена. Пример анализа дискурса с применением разработанной нами модели можно найти в Приложение Г на странице 171. Ниже представим характеристику основных этапов дискурс-анализа прецедентных феноменов.

Этнографический протокол, по нашему мнению, должен быть направлен на определение экстралингвистических условий протекания коммуникативного акта. Вслед за Ольгой Аркадьевной Леонтович, в этнографический протокол вводим следующие параметры анализа:

1. тип интеракции;
2. состав участников коммуникативного акта;
3. цели интеракции;
4. форма и тональность общения.

Необходимо отметить, что характеристика состава участников коммуникативного акта включала установление таких признаков, как пол, возраст, социальный статус, уровень образования, этническая и национальная принадлежность.

Определение типа прецедентного феномена проводилось при опоре на принятую многими учеными классификацию, которая включает прецедентный текст, прецедентную ситуацию, прецедентное высказывание и прецедентное имя. Дабы исключить вероятность того, что выделенный элемент дискурсивного контекста является фразеологизмом, крылатым словом, или дискурсивно обусловленным словом, необходимо было определить наличие дифференциальных признаков ПФ, к которым, согласно нашей точке зрения,

относятся референциальность, ценностную составляющую, эталонность и семиотический способ существования.

При проведении данного этапа дискурс-анализа прецедентных феноменов определялось актуализируется ли прецедентный текст или прецедентная ситуация посредством прецедентного имени или посредством прецедентного высказывания. Также существенным дополнением было определение того, выступает ли прецедентное имя как самостоятельный прецедентный феномен или как символ прецедентного текста или прецедентной ситуации.

Установление всех признаков прецедентного феномена дало более конкретную картину употребления прецедента в анализируемых контекстах. Последовательное установление всех признаков прецедентных феноменов на большом массиве контекстов может, на наш взгляд, составить ценную практическую базу для выявления обобщенных моделей употребления ПФ в дискурсе носителей языка.

Определение инвариантной и вариативной частей концепта прецедентного феномена было направлено на определение значения прецедентного феномена. Как отмечалось ранее в настоящей работе, прецедентные феномены обладают неустойчивой семантикой, значения ПФ могут варьироваться в зависимости от контекста употребления и состава участников коммуникативного акта. Окказиональные случаи употребления ПФ являются отражением индивидуального восприятия прецедентного феномена, и поэтому они описывались в каждом конкретном случае отдельно. Инвариантная часть прецедентного феномена определялась путем сопоставления многочисленных контекстов с целью выявления стереотипизированных случаев употребления ПФ в клишированных значениях.

Определение уровня прецедентности было необходимо для установления системы координат, в которой функционировал анализируемый прецедентный феномен. Так как вопрос об уровнях прецедентности вызывает серьезные разногласия среди современных ученых, данный пункт настоящей модели дискурс-анализа может значительно варьироваться в зависимости от конкретного

исследования. В настоящем исследовании на основе составленной нами иерархии ПФ выделяем четыре уровня прецедентности: 1) индивидуальный, 2) уровень малых социальных групп, 3) уровень больших социальных групп, 4) национальный уровень.

Определение функции ПФ также может вызывать определенные трудности вследствие того, что на данный момент не существует единой точки зрения на вопрос количества функций, которые прецедентные феномены могут выполнять. В результате анализа обширной научной литературы по вопросам функционирования прецедентных феноменов и исследования, проводимого в рамках настоящей работы, представляется возможным условно выделить наиболее общие функции ПФ, к которым относят такие функции как 1) номинативная, 2) людическая, 3) воздействующая и 4) парольная. Рассмотрим каждую функцию несколько подробнее, поскольку они релевантны для настоящего исследования. Для большей наглядности принципы функционирования прецедентных феноменов будут проиллюстрированы ниже примерами из художественной литературы, которые были подробно описаны в нашей монографии «Precedent Phenomena: The Role of Cultural Reference in Dostoevsky's *Demons*».

В *номинативной функции* прецедентные феномены используются для описания явлений действительности. Во многих случаях говорящий посредством прецедентных феноменов экономит время и энергию для описания ситуаций реальной действительности. Прецедентные феномены выступают в качестве определенного эталона, который говорящий использует в процессе коммуникации.

- *Enfin, эта Прасковья, как называет ее cette chere amie, это тип, это бессмертной памяти* ***Гоголева Коробочка****, но только злая Коробочка, задорная Коробочка, и в бесконечно увеличенном виде.*

- *Да ведь это сундук выйдет; уж и в* ***увеличенном****?*

- *Ну, в* ***уменьшенном****, все равно, только не перебивайте…* [Достоевский 2008: 99]

В приведенном примере один из героев романа «Бесы» Ф.М. Достоевского, Степан Трофимович, пытается подобрать подходящее определение для своей знакомой, Прасковьи Ивановны, ссылаясь на произведение Н.В. Гоголя «Мертвые души». Степан Трофимович понимает, что аналогия с героиней «Мертвых душ» не совсем подходит для описания Прасковьи Ивановны и пытается это определение модифицировать, добавляя различные прилагательные. Последнее прилагательное создает эффект комичности, который подмечает его собеседник, на что Степан Трофимович парирует, заменяя подобранное им прилагательное на антонимичное.

В данном примере прецедентное имя *Коробочка*, отсылающее к классическому произведению русской литературы, используется в качестве эталона для номинации конкретного референта. Номинация становится возможной из-за сходства характеров двух героев.

Людическая (игровая) функция связана, по нашему мнению, с желанием носителей языка поиграть со словами, тем самым внести разнообразие в стереотипизированное, зачастую, банальное бытовое общение. Также употребление ПФ в людической функции может быть продиктовано потребностью носителей языка подчеркнуть свою эрудицию, талант к остроумию, или продемонстрировать свои творческие способности в обращении со словами.

- *По календарю еще час тому должно светать, а почти как ночь, - проговорила она с досадой.*

- ***Все врут календари***, - *заметил было он с любезной усмешкой, но устыдившись поспешил прибавить: - По календарю жить скучно, Лиза.*

И замолчал окончательно, досадуя на новую сказанную пошлость; Лиза криво улыбнулась. [Достоевский 2008: 423]

В данном примере другой герой романа «Бесы», Николай Ставрогин, пытается придумать яркий ответ на реплику своей собеседницы, Елизаветы Ивановны. Ставрогин дает отсылку на пьесу А.С. Грибоедова «Горе от ума», считая изначально ее уместной для данной ситуации. Однако момент для языковой игры оказывается неудачным: Николай и Елизавета, поддавшись

страстному порыву, провели вместе ночь. К утру наступает момент рефлексии и сожаления о содеянном. Любые шутки кажутся героям неуместными, поэтому Ставрогин «устыдился» сказанному.

Прецедентные феномены *в воздействующей функции* используются с целью повлиять на чувства и мнения участников коммуникативного акта. Говорящий может попытаться убедить слушающего в собственной правоте или может попытаться заставить своего собеседника что-либо сделать. Реализация данной функции обусловлена тем, что прецедентные феномены всегда связаны со своими источниками. Иногда источники могут обладать серьезным авторитетом для носителей языка (например, Библия). Говорящий может прибегнуть в процессе коммуникации к авторитету источника прецедентного феномена, например, когда ему необходимо выиграть спор. В следующем примере прецедент «книги Льва Николаевича Толстого» взывают к авторитету самого автора. Подчеркнем, что говорящие оперируют также и библиографической информацией из жизни автора. Ссылаясь на тот факт, что все свои большие произведения Л.Н. Толстой написал в свой первый период, когда он еще не был вегетарианцем, один из коммуникантов пытается убедить другого, что вегетарианство плохо и неполезно для работы (пример по Г.Г. Слышкину).

- *Лев Толстой, - сказал Коля дрожащим голосом, - тоже не ел мяса.*

- *Да-а, - ответила Лиза, икая от слез, - граф ел спаржу.*

- *Спаржа не мясо.*

- *А когда он писал “Войну и мир”, он ел мясо! Ел, ел, ел! И когда “Анну Каренину” писал - лопал, лопал, лопал! [...].*

- *А когда “Крейцерову сонату” писал, тогда тоже лопал? – ядовито спросил Коля.*

- *“Крейцерова соната” маленькая. Попробовал бы он написать “Войну и мир”, сидя на вегетарианских сосисках!* [Слышкин 2000: 102]

Также носители языка могут использовать прецедентные феномены, чтобы подчеркнуть свою принадлежность к определенной социальной или этнической группе (*парольная функция*). Например, в повести В. Железникова «Соленый

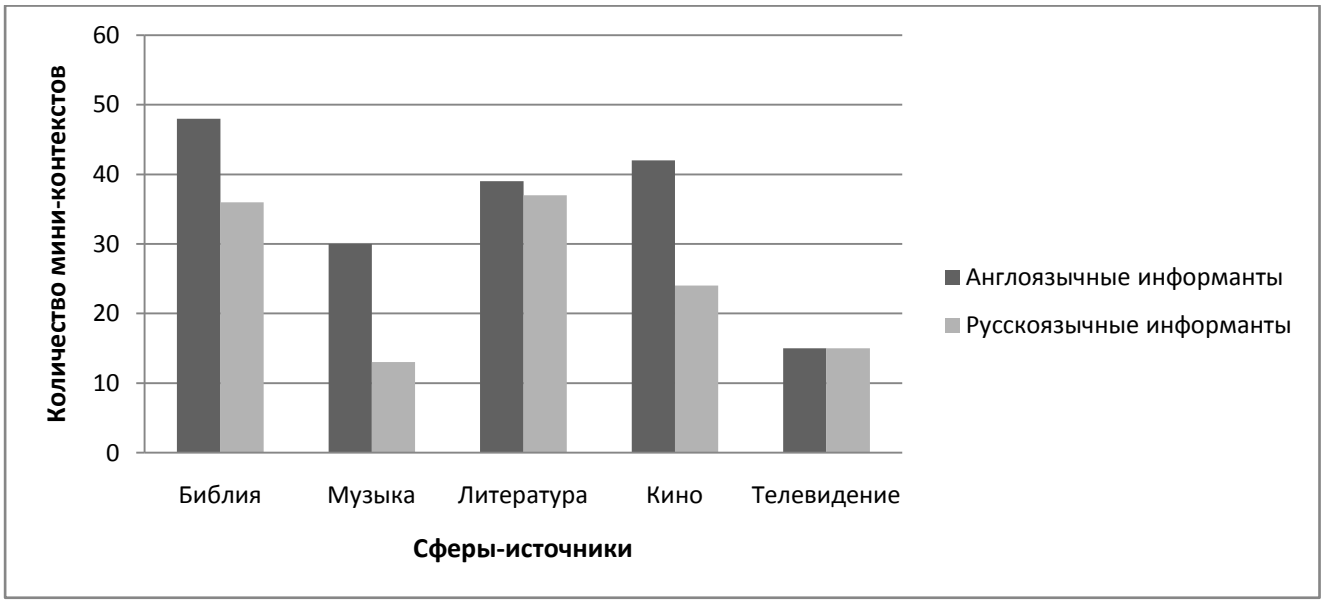
снег» есть эпизод, в котором автор описывает пленение советского солдата. Находясь на территории Испании в годы гражданской войны (начало XX века), главный герой попадает в плен. Он оказывается в одной камере еще с несколькими заключенными, все из которых иностранцы. Чтобы определить, кто из них друг, а кто может быть специально подосланным шпионом, один из пленников решает начать петь Интернационал на французском языке. Герой В. Железникова подхватывает песню, но только на русском. К ним присоединяется и третий пленник, который оказывается немцем. Таким образом, мелодия Интернационала выступает как некий код или пароль, благодаря которому герои могут определить принадлежит ли собеседник к дружественной или к вражеской группе.

Таким образом, разработанная нами модель дискурс-анализа была направлена на исследование употребления прецедентных феноменов в тексте, который нами понимается как результат развертывания дискурса, а также анализ экстралингвистических условий его создания. Данный подход подразумевал выявление и анализ интенций и индивидуальных особенностей автора, а также особенностей социальной и культурной среды, в которой порождался дискурс.

4. Общие тенденции употребления прецедентных феноменов в современном молодежном дискурсе

В результате проведения онлайн-анкетирования удалось получить 498 ответных письменных реакций информантов (292 – американцы, 206 – русские) на представленные прецедентные феномены. Таким образом, в среднем каждый американец составил 2,92 предложения/высказывания, каждый русскоязычный носитель составил 2,06 предложения/высказывания. Количество составленных мини-контекстов по сферам-источникам для исследуемых групп информантов представлено на диаграмме 1 (см. ниже на стр. 78).

Диаграмма 1. **Количественное распределение составленных мини-контекстов по сферам-источникам**.



Исследование показало, что наибольшее количество предложений американцы составляли с прецедентными феноменами таких сфер-источников, как *Библия* и *кино*, для русскоязычных информантов наиболее актуальными стали *литература* и *Библия* (хотя, если сравнивать Библию как источник ПФ отдельно, американцы значительно больше составляли предложений с библейскими ПФ, что подтверждает и данные фокусированного интервью: опрошенные англоязычные носители языка демонстрировали очень хорошее знание Библии в отличие от русскоязычных респондентов).

Как показали результаты опроса, отечественное кино и музыка не являются актуальными сферами-источниками для опрошенных русскоязычных информантов: они составляли меньше всего предложений с ПФ, отсылающими к российским фильмам или музыкантам. Американцы в большей мере, чем русские, способны были использовать прецедентные феномены из *кино* и *музыки* для описания ситуаций действительности. Однако *литература* в обеих группах в равной степени является актуальной сферой-источником, т.е. и американцы и русские в одинаковой мере способны были кодировать информацию посредством прецедентных феноменов, отсылающих к художественным произведениям.

Сфера-источник *телевидение* оказалась наименее популярной как для носителей русского, так и для носителей английского (американский вариант) языков.

Дискурс-анализ языкового материала, собранный в ходе онлайн-анкетирования, позволил говорить о некоторых универсальных тенденциях в употреблении прецедентных феноменов в дискурсе американской и российской молодежи. В частности, предположения о том, что прецедентные феномены являются единицами дискурса, равно как и о том, что они обладают неустойчивой семантикой, нашли свои подтверждения при семантическом анализе рассматриваемых ПФ, многие из которых обладают ярко выраженной полисемией. В добавление к этому, удалось обнаружить наличие коннотативных элементов значения у ПФ, дающих отсылку к известным прецедентным личностям. Различные паттерны употребления были выявлены у ПФ таких сфер-источников, как *литература* и *кино*. Например, было зафиксировано, что ПФ сферы-источника *литература* в большой степени используются для актуализации прецедентной ситуации, описанной в художественном произведении, в то время как употребление ПФ сферы-источника *кино* тяготеет к актуализации не прецедентной ситуации фильма, но к использованию высказываний, заимствованных у главных героев киноленты.

Остановимся в последующих параграфах на подобных тенденциях подробнее.

4.1 Механизмы «развертывания» прецедентных текстов и прецедентных ситуаций в молодежном дискурсе

Ранее отмечалось, что прецедентные тексты (ПТ) и прецедентные ситуации (ПС) не могут использоваться в речи в полном виде вследствие большой своей протяженности. Однако употребление прецедентных текстов и прецедентных ситуаций в дискурсе языковой личности возможно благодаря способности последних «свертываться» до меньших по размеру единиц, которыми часто выступают прецедентные имена (ПИ) и прецедентные высказывания (ПВ). Таким

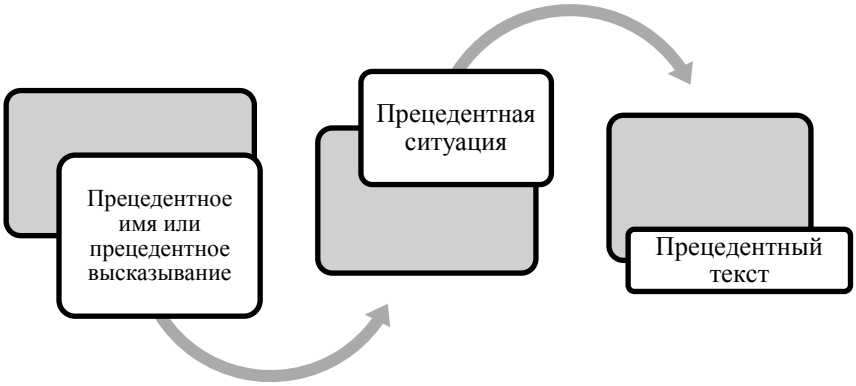
образом, ПИ и ПВ способны актуализировать в речи известные в рамках определенного лингвокультурного сообщества тексты и ситуации.

В результате анализа фактического материала настоящего исследования было выявлено несколько способов актуализации прецедентных текстов и прецедентных ситуаций посредством прецедентных имен и прецедентных высказываний в дискурсе современной американской и российской молодежи. Например, функционирование прецедентных текстов сфер-источников *литература* и *Библия* реализуется в дискурсе посредством актуализации определенной ситуации (которая по праву может считаться прецедентной) из этих текстов:

He left me there, fixing his computer, and yet I had the strange feeling of white washing a fence (И он оставил меня там чинить его компьютер. И у меня сложилось такое чувство, будто я вызвался покрасить за него забор).

Приведенный пример содержит отсылку к произведению Марка Твена «Приключения Тома Сойера», которое является прецедентным текстом для американской молодежи. Актуализация ПТ реализуется посредством упоминания прецедентной ситуации художественного произведения – покраска забора тетушки Полли. Введение прецедентной ситуации в коммуникативный акт, в свою очередь, осуществляется с помощью прецедентного высказывания «to whitewash a fence». Таким образом, происходит двухуровневый процесс отсылки к прецедентному тексту 1) через выделяемую внутри него прецедентную ситуацию и 2) через прецедентное имя или высказывание, которые ее актуализируют (см. рисунок 1) .

Рисунок 1. **Актуализация прецедентного текста**



Одним из способов подобной актуализации прецедентного текста может быть *использование заголовка художественного произведения или названия кинофильма*. Заголовок как элемент текста нередко содержит в сжатом виде главную сюжетную линию произведения или дает намек на нее. Употребление заглавия художественного произведения или названия кинофильма в качестве прецедентного феномена способно «развернуть» основное содержание прецедентного текста в дискурсе носителя языка:

After 9/11, American Muslims bore ***the scarlet letter*** *of their religion* (*После событий 11 сентября мусульмане Америки носили алые буквы своей религии*).

В приведенном примере упоминается заголовок романа Натаниэля Готорна «Алая буква». Употребление прецедентного феномена строится на основе сравнения ситуации настоящей действительности – восприятие ислама в США как потенциально опасной религии – и событий вымышленной реальности. Напомним, что роман «Алая буква» рассказывает о жизни незамужней американки середины XVII века, родившей дочь вне брака, вследствие чего подвергнутой острокизму и вынужденной носить вышитую алую букву А (в английском языке «adultery» соответствует русскому «прелюбодеяние») на своей одежде.

Для современной русской лингвокультуры также характерно использование заголовка художественного произведения в качестве отсылки к прецедентному тексту: *Получил наказание, соверши преступление*. Данное предложение представляет собой пример языковой игры с заглавием романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». В результате синтаксической перестановки элементов словосочетания нарушаются причинно-следственные связи, что создает эффект иронии. Однако для актуализации общей ситуации романа Ф.М. Достоевского носители русского языка чаще использовали образы главных героев: *Приходишь нынче в банк, смотришь на проценты и невольно вспоминаешь, за что Раскольников расправился со старушкой.*

В приведенном примере основная фабула сюжета раскрывается с помощью слов «проценты», «Раскольников», «расправиться», «старушка», которые

выступают в качестве маркеров прецедентного текста. В коротком предложении содержится сильно усеченный сюжет целого романа. Семантическое ядро рассматриваемого предложения представляет собой имя главного героя романа: именно благодаря введению имени собственного актуализация прецедентного текста становится возможной.

Показательно, что *упоминание главного или второстепенного героя* произведения может также служить способом «развертывания» прецедентного текста или прецедентной ситуации в дискурсе современной молодежи. При знакомстве носителя языка с прецедентным текстом у него формируется сложный языковой образ этого текста, состоящий из нескольких ментальных представлений. В частности у носителя языка формируются концепты главных или второстепенных героев произведения. Ядерными компонентами подобных концептов выступают специфические признаки или атрибуты персонажей прецедентного текста. Подобные признаки могут проявляться в дискурсе при употреблении прецедентных имен героев, дающих отсылку к прецедентному тексту. Например, для персонажа сказки А. Н. Толстого, Буратино, дифференцирующим признаком является длинный нос. В связи с этим, наличие схожего признака у людей из реального окружения коммуниканта является достаточным условием для использования прецедентного феномена: *Нос у идущего слева армянина был огромный как у Буратино*. Помимо длинного носа другой отличительной чертой Буратино является тот факт, что он был сделан из дерева: *Несмотря на то, что ему всего пять, на воде он держится так, будто его выстругал папа Карло*. В данном примере дается косвенная отсылка к сказке о Буратино. Имя протагониста не называется, но из-за того, что в предложении присутствует имя другого действующего лица сказки, *папа Карло*, употребление прецедентного текста становится успешным. Глагол «выстругать» позволяет декодировать основной признак, на основе которого говорящий строит сравнение между ребенком и персонажем сказки. Основываясь на способности дерева не тонуть в воде, говорящий проводит параллель между главным героем сказки и ребенком, отлично умеющим плавать.

Дифференцирующие признаки героев прецедентного текста, актуализируемые в дискурсе носителей языка, чаще всего составляют инвариант концепта прецедентного феномена, который отражает особенности коллективной картины мира. Однако концепт прецедентного феномена включает как инвариантную, так и вариативную части, последняя отражает индивидуальные представления носителей языка о героях прецедентного текста или прецедентной ситуации: *They disported themselves like Adam and Eve before the discovery of fig leaves (Они веселились как Адам и Ева до того, как узнали о существовании фиговых листьев)*. В анализируемом примере актуализируется признак, находящийся на периферии концепта прецедентного феномена *Адам и Ева*. Информант дает отсылку на праздное и беззаботное состояние первых людей, которое они испытывали до совершения первородного греха. Актуализация подобного признака не имеет традиции употребления в дискурсивной практике американской молодежной лингвокультуры (других примеров употребления рассматриваемого ПФ в подобном значении зафиксировано не было), поэтому употребление рассматриваемого ПФ носит окказиональный характер и отражает индивидуальные представления информанта о прецедентном тексте. Таким образом, наличие вариативной части концепта прецедентного феномена, которая формируется в процессе знакомства носителя языка с прецедентным текстом или прецедентной ситуацией, обусловливает употребление прецедентного имени в различных контекстах, когда актуализируются различные признаки действующего героя ПТ или ПС.

Еще одним способом «развертывания» прецедентного текста или прецедентной ситуации в дискурсе современной молодежи является *употребление прецедентного высказывания*. Этот способ в большей степени был характерен для прецедентных феноменов сферы-источника *кино,* а не сферы-источника *литература,* представленных в опросе. Подобная тенденция нами объясняется различиями форм организации текста: письменный текст художественного произведения в большей степени построен в форме нарратива, описывающего общую ситуацию произведения; текст кинофильма – постоянный

диалог героев, через который сообщается необходимая информация. Яркие фразы, произнесенные героями фильма, чаще запоминаются носителями языка, чем фразы героев художественных произведений. Таким образом, для употребления «литературных» прецедентных феноменов характерна в большей степени отсылка на общую прецедентную ситуацию, описанную в произведении, в то время как употребление прецедентных феноменов со сферой-источником *кино* больше тяготеет к «развертыванию» не ситуации, но к употреблению высказываний, заимствованных из кинофильма: *А вас, Иванов, я попрошу остаться. Сейчас посмотрим, сколько мгновений весны у вас перед глазами промчатся.* В рассматриваемом примере используется высказывание из кинофильма «Семнадцать мгновений весны» применительно к ситуации настоящей действительности. По праву фразу «А Вас, Штирлиц, я попрошу остаться» можно считать народной. Она широко распространена и употребляется очень часто (из 20 предложений, составленных с прецедентным именем Штирлиц, эта фраза использовалась 12 раз – 60%). В рассматриваемом примере актуализация прецедентного текста (кинофильм «Семнадцать мгновений весны») осуществляется также с помощью отсылки на его название и на прецедентную ситуацию из фильма. Широко известны кадры из фильма, когда Штирлиц замирает и перед его глазами проносятся воспоминания о Родине и любимой, а текст за кадром озвучивает его мысли. Подобная прецедентная ситуация известного кинофильма стала хрестоматийной и отражена во многих анекдотах о Штирлице и произведениях других жанров (пародии, например).

Для сравнения упомянем, что для американских фильмов также характерен способ «развертывания» прецедентных текстов посредством прецедентных высказываний:

My new boyfriend thinks he's smooth. He always orders martini's "shaken, not stirred," like he's funny (Мой новый парень думает, что он четкий. Он всегда заказывает мартини «взболтанный, а не смешанный»; как будто он юморной).

Данное предложение содержит прецедентное высказывание «shaken not stirred», которое присутствует в фильмах Бондианы и отражает коктейльные предпочтения агента 007.

Представляется важным, на наш взгляд, отметить, что рассматриваемый пример содержит элементы языковой рефлексии: в предложении указываются причины, почему носители языка могут использовать это высказывание: «чтобы показаться остроумными» (like he’s funny). Критическое отношение к языку, т.е. языковая рефлексия, может проявляться не только на официальном уровне (языковая политика, например), но и на бытовом (как в примере выше). Подобные предложения оказываются наиболее ценными, так как при дискурс-анализе прецедентных феноменов они позволяют определить мотивы коммуникантов, которыми они руководствуются при выборе языковых средств.

В целом для американского молодежного дискурса наблюдается определенная тенденция употребления именно этого прецедентного высказывания, актуализирующего фильмы о Джеймсе Бонде. Данное выражение настолько часто употребляется, что стало своего рода символом секретного агента 007, а следовательно, может актуализировать некоторые его качества:

Despite all my suavity, I was neither shaken nor stirred (Несмотря на всю мою обходительность, я не был ни взболтанным, ни перемешанным).

В рассматриваемом примере отмечается обходительность (suavity) как одно из определяющих качеств Джеймса Бонда (это качество отмечалось и другими респондентами, например, *He's as suave as 007 – Он такой же обходительный, как и агент 007*), но другие, также очень важные, качества – нахальность и дерзость – выражаются с помощью клишированной фразы героя. В приведенном примере говорящий упоминает об отсутствии этих качеств. Таким образом, прецедентное высказывание может стать выражением дифференциального признака прецедентного имени и занимать одно из мест в ядре концепта этого прецедентного феномена. Это, по нашему мнению, объясняет причину столь широкой распространенности употребления данной фразы в дискурсе американской молодежи, несмотря на то, что ситуация употребления упомянутого

прецедентного высказывания ограничивается одним речевым жанром: заказ напитка у барной стойки.

I'll take a pina colada, shaken, not stirred (Я буду мою пину коладу взболтанной, а не размешанной).

Широкая распространенность подобных прецедентных феноменов в дискурсе современной американской молодежи объясняется нами не только мотивами продемонстрировать собственное остроумие, но и отчасти желанием сравнить себя с известным, чаще всего положительным, персонажем общей концептосферы с целью улучшить собственный имидж в глазах собеседника.

В рассмотренных примерах прецедентные феномены дают отсылки к широко известным в пределах американской и русской лингвокультур фильмам. Прецедентные высказывания, отсылающие к ним, имеют сравнительно длительную традицию употребления в дискурсивной практике носителей языка. Однако в проводимом нами исследовании были представлены фильмы, вышедшие на экран не так давно и не имеющие долгой традиции употребления в дискурсе в виде прецедентных феноменов. Тем не менее прецедентные феномены, отсылающие к новинкам киноиндустрии, также подвержены общей тенденции и актуализируются в дискурсе в основном в виде прецедентных высказываний, что, на наш взгляд, говорит об универсальности подобного механизма «развертывания» прецедентного текста кинофильма:

Before she took the test, her friends told her, "May the curve be ever in your favor." (Прежде чем ей пойти сдавать экзамен, ее друзья сказали ей: «Пусть поворот всегда будет на твоей стороне»).

В данном примере людической трансформации подвергается фраза из фильма «Голодные игры» - *May the odds be ever in your favor*. Она трансформируется для описания ситуации настоящей действительности – сдачи экзамена на водительские права. Слово «odds» (жребий) заменяется на «curve» (поворот), при этом общий смысл и речевой жанр высказывания, пожелание удачи, сохраняются.

В связи со всем вышесказанным, особого внимания, на наш взгляд, заслуживают прецедентные феномены, отсылающие к текстам песен. Песенные тексты могут стать прецедентными точно так же, как и произведения художественной литературы или кинофильмы. Несмотря на то, что песенные тексты чаще всего организованы в нарративной форме, прецедентные феномены, отсылающие к ним, актуализируются в дискурсе в форме прецедентных высказываний, так же, как и прецедентные феномены, отсылающие к кинофильмам.

В проводимом нами опросе прецедентные феномены сферы-источника *музыка* были представлены следующей парой прецедентных текстов: для американской группы информантов была выбрана песня Майли Сайрус «Wrecking Ball», для русскоязычных информантов такой песней стала музыкальная композиция группы «ВИА Гра» «Кислород». Данные песни являются новинками музыкальной индустрии и появились не так давно. При составлении предложений с этими прецедентными феноменами информанты чаще всего обращались к лексической стороне текста и использовали прецедентные высказывания:

(1) *Don't worry about breaking away from their expectations. We've seen someone* ***come in like a wrecking ball*** *and end up on the cover of fashion magazines (Не беспокойся, что оторвешься от того, что они ожидают увидеть: мы уже видели кое-кого, кто ворвался как шаровой таран и оказался на обложке модного журнала);*

(2) *Когда он меня бросил, мне было так плохо, что в голове была только одна мысль - **забери** все, что у меня есть - мою ставшую бессмысленной жизнь, мое сердце, мою **душу**... Я хочу быть рядом с тобой, и **не важно**, что **это** будет, **рай или ад**.*

В представленных примерах обыгрываются строчки из песен американской исполнительницы и русско-украинской музыкальной группы. Причем в русском предложении языковая игра строится на основе текста без какой-либо специальной отсылки на текст-первоисточник: в предложении нет маркеров

прецедентности, т.е. слов, указывающих на заимствование. В этом случае можно говорить о присвоении говорящим «чужих слов». В примере (1) дается намек, *we've seen someone*, на музыкальную исполнительницу и успех, который настиг ее после выхода песни. Показательно использование времени Present Perfect, указывающего на завершенное, но актуальное для настоящего момента, прошлое действие. Говорящий не дает прямой ссылки на текст песни и ее исполнителя, что превратило бы все в цитацию: *у нас есть пример Майли Сайрус и ее песни «Разрушительная сила», которая завоевала ей всеобщую популярность*. Наоборот, говорящий не называет прямо ни имя исполнительницы, ни название песни. В конструкцию предложения логично вписывается прецедентное высказывание *come in like a wrecking ball*, отсылающее к тексту песни. Используя неопределенное местоимение *someone*, говорящий подразумевает, что другой коммуникант, знакомый с текстом песни и прецедентным высказыванием, поймет о ком идет речь.

Помимо актуализации прецедентного текста песни посредством употребления прецедентного высказывания носители языка могут актуализировать и сопутствующие элементы музыкального жанра. Почти все песни, занимающие первые строчки в рейтингах, сопровождаются визуальным рядом, иллюстрирующим их текст. Именно элементы видео-клипа носители языка могут актуализировать в своей речи при использовании прецедентного феномена, отсылающего адресата к прецедентному тексту песни:

She came in like a wrecking ball, except for being clothed (Она ворвалась как шаровой таран, только была одета).

В данном примере акцент делается не только на тексте песни (которая актуализируется снова посредством прецедентного высказывания), но и на визуальном ряде, сопровождающем песню. На музыкальную композицию Майли Сайрус снят видео-клип, где исполнительница появляется обнаженной на шаре для сноса здания. Клип вызвал неоднозначные оценки в обществе и популярность свою получил во многом благодаря эффекту эпатажа, который он смог создать. Отсылка к музыкальному клипу в приведенном примере становится

дополнительным невербальным маркером прецедентности, который позволяет участникам коммуникативного акта декодировать источник прецедентного феномена.

Часто носители языка при составлении своих предложений обращались не только к тексту песни как таковой, но и к другим элементам этого музыкального жанра. На наш взгляд, этот факт свидетельствует, что в сознании языковой личности формируется не одно единичное представление о прецедентном тексте или прецедентной ситуации, но целый комплекс представлений, который может быть подкреплен невербально, а именно, визуальными образами. В связи с этим, представляется уместным говорить о новом типе прецедентного текста – визуальном прецедентном тексте. В современном мире изменились жанры словесного творчества. Изобретение Интернета и монополизация им коммуникативного пространства, а также те возможности, которые он открывает на данный момент, обусловливают появление новых жанров, таких как мемы, фотожабы и изображения в формате *gif, которые сочетают в себе язык и визуальный образ, и активно используются в интернет-коммуникации. Та массовость, которую с собой приносит Интернет, обеспечивает широкую распространенность подобных жанров, а вместе с ней и известность прецедентным феноменам. Подобные жанры и формируют определенную традицию употребления прецедентных феноменов в молодежной лингвокультуре; распространенность прецедентных феноменов при этом зависит от популярности тех или иных мемов, фотожаб или изображений в формате *gif. Для современного носителя языка определенный пласт прецедентных феноменов составляют не только письменные тексты, но и видео сюжеты, нередко реинтерпритирующие известные и ранее созданные тексты. Данная способность прецедентных феноменов к реинтерпретации в других жанрах искусства обеспечивает константный характер их употребления и сохраняет их для нового молодого поколения.

Собранный в ходе исследования материал позволяет с уверенностью говорить о способности прецедентных феноменов реинтепретироваться в других

жанрах искусства. Так, например, были рассмотрены прецедентные феномены, отсылающие к известным фильмам: «Семнадцать мгновений весны» и Бондиана. Главные герои этих фильмов, основные идеи и события были реинтерпетированы в других жанрах. В частности, носителю русского языка знакомы анекдоты о Штирлице из кинофильма «Семнадцать мгновений весны». Судя по результатам проведенного опроса, именно жанр анекдотов поддерживал актуальность данного прецедентного феномена в течение столь долгого времени. Благодаря анекдотам, хранящимся в памяти носителей языка, возможным стало обращение к этому прецедентному феномену и составление с ним предложений современными носителями русского языка. Предложения были составлены в основном с теми высказываниями из фильма, которые свою известность получили благодаря анекдотам. Таким образом, реинтепретация продлевает жизнь прецедентным феноменам, которые активно не изучаются в институтах образования. Однако стоит отметить, что в современном мире на распространение и поддержание популярности прецедентных феноменов влияние оказывают также и визуальные интернет-тексты, которые становятся новым способом реинтепретации прецедентных феноменов.

В результате настоящего исследования были зафиксированы случаи употребления прецедентных феноменов, получивших распространение благодаря популярности в сети Интернет посредством реинтерпретации в виде мемов и фотожаб:

(1) *In this selfie, I would definitely be Ellen* (На этой «себяшке» я бы точно была Эллен [отсылка на прецедентную ситуацию 86-ой церемонии вручения премии американской киноакадемии, в ходе который был побит рекорд «ретвитов»]).

(2) *That is mahogany!* (Это красное дерево [прецедентное высказывание из кинофильма «Голодные игры», получило распространение благодаря жанру интернет-мемов]).

(3) *Неважно, что я говорю. Важно как я это говорю.* (Прецедентное высказывание, дающее отсылку на игры высшей телевизионной лиги КВН)

Приведенные примеры позволяют говорить о том, что в современной молодежной лингвокультуре происходит смена тенденций употребления прецедентных феноменов: прецедентные феномены, хранящие историческую память о социально значимых событиях, употребляются реже, чем те, что отражают факты современной популярной культуры. Таким образом, современная американская и российская молодежь при употреблении прецедентных феноменов в большей степени следует тенденциям моды, нежели обращается к коллективной исторической памяти своего лингвокультурного сообщества.

Итак, нами были рассмотрены несколько механизмов «развертывания» прецедентных текстов и прецедентных ситуаций в дискурсе современной американской и российской молодежи. В результате анализа фактического материала настоящего исследования было отмечено, что носители языка способны выделять прецедентную ситуацию в рамках прецедентного текста, которую они используют в качестве эталонной для описания ситуаций настоящей действительности: *After the politician's sex scandal was uncovered, he might as well have been branded with* ***a scarlet A*** *– nobody wanted to be associated with him.(После того, как секс скандал с участие политика был раскрыт, ему все равно что поставили клеймо в виде алой буквы А – никто не хотел иметь с ним дело).* Актуализация эталонной ситуации может осуществляться посредством употребления *заголовка художественного произведения или названия кинофильма*, с помощью имени главного героя (т.е. *посредством прецедентного имени*) или *посредством прецедентных высказываний*, отсылающих к прецедентным текстам или ситуациям.

Данный механизм является наиболее сложным способом «развертывания» прецедентного текста. В некоторых случаях, внутри прецедентного текста не выделяется никакой прецедентной ситуации, и отсылка осуществляется напрямую посредством прецедентного высказывания: *Итак, Вася,* ***тварь ли ты***

дрожащая или право имеешь? [6] или прецедентного имени, когда актуализируются признаки персонажа прецедентного текста: *Ну что ты его боишься, как* ***Буратино*** *огня?*

Универсальной для обоих молодежных лингвокультур является тенденция апеллировать не только к лексической стороне прецедентного текста, но и к визуальным образам. Данная тенденция в большей степени характерна для прецедентных феноменов сферы-источника *музыка,* но также находит свое отражение и при реинтерпретации прецедентных феноменов в сети Интернет.

Способность прецедентных феноменов реинтерпретироваться в других жанрах искусства позволяет им надолго закрепиться в дискурсе лингвокультурного сообщества. Современные интернет технологии создают предпосылки для новых форм реинтепретации прецедентных феноменов. Возможности социальных сетей делают процесс распространения прецедентных феноменов, отсылающих к фактам современной популярной культуры, молниеносным и глобальным.

4.2 Особенности полисемии прецедентных феноменов в американском и российском молодежном дискурсе

Семантический анализ прецедентных феноменов, представленных в онлайн-анкете, показал значительное варьирование значений у многих из них. Это в очередной раз демонстрирует, что прецедентные феномены являются единицами дискурса и проявляют свои значения только в контексте. Прецедентные феномены не обладают зафиксированным узуальным значением. Их значения могут варьироваться в зависимости от контекста и от человека, его создающего. Исследование показало, что варьирование значений ПФ связано в первую очередь со структурой концептов ПФ, которая представлена инвариантной и вариативной частями. Инвариантная часть составляет ядерную и околоядерную зоны концепта любого ПФ и отражает обобщенные представления

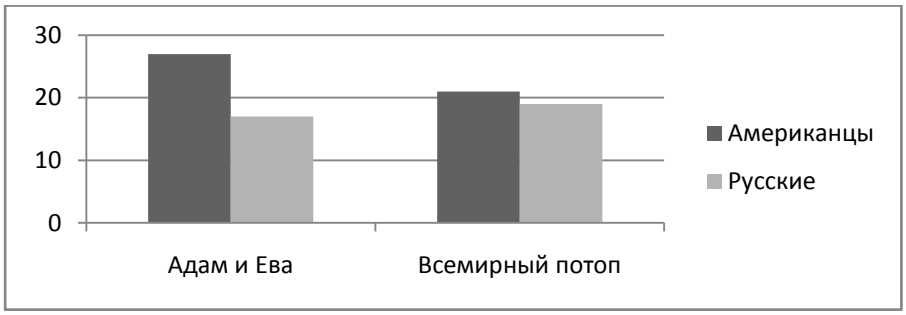
[6] При употреблении данного прецедентного высказывания не происходит актуализации никакой прецедентной ситуации из произведения Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», но дается отсылка сразу к прецедентному тексту.

группы носителей языка о ПФ. Подобных представлений может оказаться несколько, и все они равнозначны и могут проявляться в различных контекстах, что и обусловливает наличие полисемии прецедентных феноменов. Вариативная часть концепта ПФ отражает индивидуальный опыт и представления языковой личности о прецедентном феномене и увеличивает количество значений ПФ и количество контекстов, в которых ПФ может употребляться. Поэтому представляется обоснованным говорить о прецедентных феноменах как о единицах с достаточно гибкой семантической формой.

Рассмотрим явление полисемии прецедентных феноменов на примере прецедентных библейских текстов, представленных в онлайн-анкете. Предложения, составленные с подобными прецедентными феноменами, на наш взгляд, очень наглядны: Библия является древнейшим текстом, к которому в западной цивилизации отсылки давались многократно. Тем не менее употребление библейских прецедентных текстов не характеризуется фиксацией одного или даже нескольких узуальных значений, наоборот, как показывают результаты исследования, прецедентные феномены, отсылающие к тексту Библии, характеризуются достаточно ярко выраженной многозначностью.

Прецедентные феномены сферы-источника *Библия* в интернет-опросе были представлены следующими единицами: а) Adam and Eve / Адам и Ева, б) The Great Flood / Всемирный потоп. Данные прецедентные феномены имеют прямые соответствия в обоих языках, что делает процесс сопоставительного анализа весьма удобным. Выбранные прецедентные феномены дают отсылку к историям Ветхого Завета, широко известным как в американской, так и в русской лингвокультурах. Представленные прецедентные феномены классифицируем как прецедентные тексты, которые в дискурсе объективизируются посредством прецедентных имен (Adam and Eve / Адам и Ева) и прецедентного высказывания (The Great Flood / Всемирный потоп). Количественное распределение составленных предложений с библейскими прецедентными феноменами представлены на диаграмме 2.

Диаграмма 2. **Количественное распределение предложений с библейскими прецедентными феноменами**



В ходе проведения анкетирования с прецедентным феноменом *Adam and Eve / Адам и Ева* в общей сложности было составлено 44 предложения (27 (61%) – американцы, 17 (39%) – русские), с прецедентным феноменом *The Great Flood / Всемирный потоп* – 40 (21 (52%) – американцы, 19 (48%) – русские). Кроме предложений, в которых использовались рассматриваемые прецедентные феномены, носители языка оставляли характеристику прецедентным текстам. Например, *Adam and Eve performed the original sin by eating the apple from a tree inhabited by a snake that represented Satan.* Подобные характеристики были также учтены при составлении примерных схем концептов библейских прецедентных текстов (см. ниже).

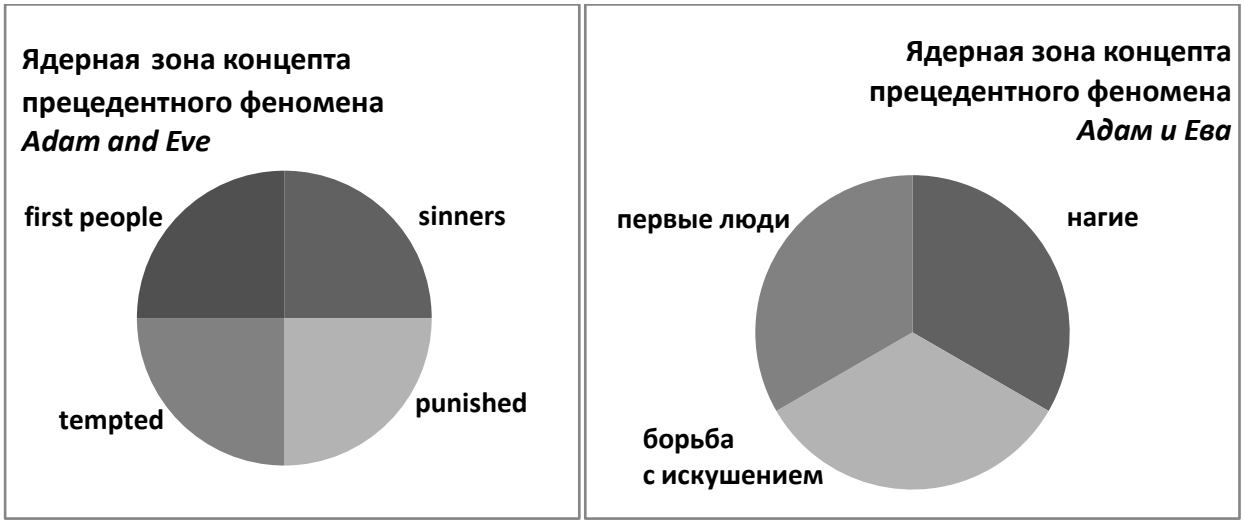
В результате исследования было установлено, что носители английского (американский вариант) и русского языков способны актуализировать в своем дискурсе некоторые фрагменты Ветхозаветных историй, которые составляют зоны концептов рассматриваемых ПФ. При употреблении ПФ в дискурсе в различных контекстах актуализируются различные зоны концептов, что обусловливает варьирование семантики ПФ.

Рассмотрим основные фрагменты текстов, которые могут быть актуализированы в дискурсе носителей языка, на примере предложений, полученных в результате работы с информантами. В тексте настоящего параграфа, в качестве примера, и для большей наглядности и доступности понимания сначала будут рассмотрены все фрагменты текста об Адаме и Еве, затем дадим анализ предложений, содержащих отсылку к библейскому

прецедентному тексту о Всемирном потопе. Рассмотрение фрагментов текстов будет проходить в зависимости от общей частотности употребления. Сначала будут рассмотрены те фрагменты текстов, которые информанты актуализировали чаще всего.

На рисунке 2 (см. ниже) приведены схемы ядерных зон концептов *прецедентного текста об Адаме и Еве* на основе материала, полученного от англоязычных и русскоязычных информантов. Как показало исследование, ядерные зоны концептов пересекаются в обеих группах респондентов по двум признакам: и американцы и русские в первую очередь воспринимают Адама и Еву как *первых людей*, которые *подверглись искушению* греха. Американцы в качестве дифференциального признака также выделяют факт *последующего наказания*, в то время как для русских данный фрагмент истории не был обозначен как важный или актуальный.

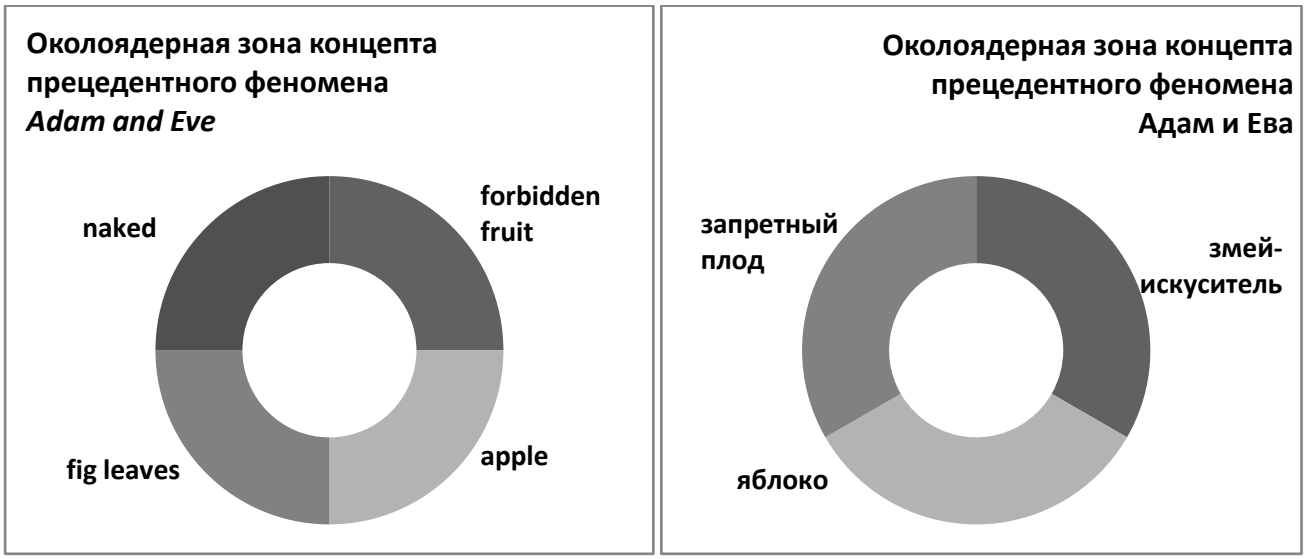
Рисунок 2. **Ядерная зона концепта прецедентного текста об Адаме и Еве для американцев (слева) и для русских (справа)**



Околоядерные зоны концептов (см. ниже рисунок 3 на стр. 96) для опрошенных американцев и русских в незначительной степени отличаются. Для англоязычных информантов слоты околоядерной зоны заполняют внешние признаки героев, их *нагота* (для русской лингвокультуры данный признак является ядерным – см. рисунок 2), а также объекты, с которыми они

ассоциируются: *запретный плод* и *яблоко*. Русскоязычные информанты в качестве подобного «сопутствующего объекта» выделяют образ *змея-искусителя*. Примечательно, что для американских респондентов образ змея-искусителя отсутствует даже в периферийной зоне концепта.

Рисунок 3. **Околоядерные зоны концепта прецедентного текста об Адаме и Еве для американцев (слева) и для русских (справа)**



Периферийные зоны концептов рассматриваемого прецедентного феномена составляют признаки, отражающие индивидуальные представления носителей языка о тексте-первоисточнике. В дискурсе подобные признаки актуализируются посредством употребления прецедентного феномена в окказиональных значениях. Контексты, в которых актуализируется периферийная зона концептов, немногочисленны и будут рассмотрены ниже.

Итак, пересечение ядерной и околоядерной зон концепта прецедентного текста об Адаме и Еве в обеих группах информантов обусловливает совпадение контекстов, в которых рассматриваемый прецедентный текст актуализируется в одних и тех же значениях. Для прецедентного феномена *«Adam and Eve» / «Адам и Ева»* обнаруживаем четыре наиболее распространенных значения:

1) Адам и Ева как люди, подвергшиеся искушению;

2) Адам и Ева как первые люди;

3) Адам и Ева как нагие люди;

4) Адам и Ева как люди, совершившие грех и понесшие наказание за проступок.

Для наглядности в качестве примера полисемии прецедентных феноменов и других особенностей их функционирования рассмотрим предложения, иллюстрирующие каждое из приведенных выше значений.

Та часть библейского текста об Адаме и Еве, которая повествует о запретном плоде, является наиболее часто актуализируемым фрагментом. При семантическом анализе предложений наблюдаем целый комплекс значений, связанных с этим фрагментом. К ним относятся чувство искушения и желание бороться с искушением, неизбежность наказания после нарушения запрета и образ подстрекателя, призывающего нарушить запрет. Данные компоненты значения формируют ядерную и околоядерную зоны концепта в обеих лингвокультурах. Широкая распространенность этого аспекта библейской истории нами связывается с присутствием в анализируемых языках фразеологических оборотов, основанных на образе плода Древа познания. Английское устойчивое выражение «forbidden fruit» соответствует русскому «запретный плод», отсылающему к рассматриваемому нами прецедентному тексту. Именно наличие фразеологизмов, актуализирующих элементы библейского текста, с нашей точки зрения, объясняет почему на стимул «Адам и Ева» больше всего было получено реакций, где образ запретного плода был центральным:

(1) *Don't man. It's John's girlfriend; she's forbidden fruit (Нет, чувак. Она подружка Джона, она запретный плод);*

(2) *Иногда в нас словно просыпается хитрый змей, который подталкивает вкусить запретный плод, и только человек с сильной волей способен противостоять искушению*.

В рассматриваемых примерах присутствуют семы запретности, недосягаемости и необходимости противостоять искушению.

Важным, представляется также отметить, что клишированное словосочетание: «forbidden fruit» / «запретный плод» имеет закрепленное

узуальное значение и не всегда может вызывать отсылку к тексту-первоисточнику. Поэтому уместным представляется говорить о фразеологизации библейского прецедентного текста об Адаме и Еве в случае его актуализации с помощью словосочетания «forbidden fruit» / «запретный плод».

Однако не всегда прецедентный текст может объективизироваться с помощью фразеологических оборотов. Так, например, в английском языке были отмечены случаи, когда с помощью эффекта метафоризации актуализируемый фрагмент библейской истории объективизировался другими средствами:

Susie's friend offered to take her to a secret party at a fraternity, and even though Susie realized that was ***an apple*** *she shouldn't bite into, she was terrible at resisting temptation (Подруга Сьюзи пригласила ее на тайную вечеринку в мужское университетское общежитие. И хотя Сьюзи понимала, что это яблоко, от которого ей не следовало вкушать, она плохо сопротивлялась искушениям.*).

В приведенном примере используется более конкретный символ: вместо обобщенного представления о запретном плоде используется образ яблока. Данный образ усиливается с помощью употребления модального глагола *should* в отрицательной форме, а также с помощью выражения «resist temptation», которые являются достаточным минимальным контекстом для актуализации текста-первоисточника.

Таким образом, долгая история существования прецедентного текста в какой-то степени определяет способы его актуализации: она может происходит посредством устоявшегося словосочетания или посредством ярких образов, закрепившихся в лингвокультурном сообществе и обнаруживающих определенную традицию употребления.

Другим фрагментом истории, к которому обращались носители языка при составлении предложений, стала христианская реалия о том, что история человечества началась с Адама и Евы:

Since the time of Adam and Eve, there has been sibling rivalry (*Братское соперничество существует со времен Адама и Евы).*

В данном предложении посредством употребления прецедентного феномена англоязычный информант подчеркивает давность существующей в настоящей для него действительности традиции соперничества. Показательно здесь употребление Present Perfect как видовременной формы глагола to be. Как известно, Present Perfect может использоваться для выражения действий, которые произошли в прошлом, но связаны с настоящим. В предложениях с Present Perfect часто можно встретить обстоятельства с предлогом «since», обозначающие момент начала действия. В анализируем примере после предлога «since» следует упоминание Адама и Евы, что позволяет заключить: носитель языка рассматривает историю Адама и Евы как события далекой давности, события начальной точки человеческой истории. В данном примере грамматические средства аналитического английского языка используются для усиления значения прецедентного феномена. Как показывают результаты исследования подобное грамматическое усиление лексического значения в большей степени характерно для английского языка. Русский язык в силу своего синтетического характера многие грамматические значения выражает имплицитно, что не приводит к усилению лексического значения ПФ.

Употребление прецедентного библейского текста в значении «первичности» или «начальности» характерно не только для американской группы респондентов: нами были обнаружены случаи употребления ПФ в данном значении и в русской группе информантов: *На эту землю они вступили первыми, они – Адам и Ева здешних мест.* Носитель русского языка сравнивает конкретных людей в конкретной ситуации действительности с Адамом и Евой. Говорящий подчеркивает, что до Адама и Евы других людей на Земле не было, и это похоже на ту ситуацию, которую он описывает. Таким образом, для русскоязычных информантов значение «единичности» является главным, акцент на том, что с Адама и Евы началась история человечества является опосредованным: (1) *Она ведет себя так, словно является единственной женщиной на Земле, но она не Ева, он не Адам*; (2) *Это только Адам был верным мужем - ему и изменять-то не с кем было*.

В приведенных примерах акцентируется уникальное положение Адама и Евы как единственных, первых людей на Земле. Подобный акцент можно встретить и у англоязычных информантов: *These prototypes will serve as the Adam and Eve for a new generation of supercomputers (Эти прототипы станут Адамом и Евой для нового поколения суперкомпьютеров)*. В данном предложении первые суперкомпьютеры сравнивают с первыми людьми, подчеркивая их уникальность, «единичность». Но вновь отметим, что для носителей английского языка главным аспектом рассматриваемого фрагмента прецедентного текста будет выступать начало истории человечества, иногда с акцентом на давность событий.

Внешний облик главных героев также был еще одним признаком, который часто актуализировали информанты:

(1) *There he was, sitting in my living room more naked than Adam and Eve (И вот он сидел у меня в гостиной еще более голый, чем Адам и Ева);*

(2) *В новом телешоу участники ходят по пляжу в костюме Адама и Евы.*

В приведенных примерах нагота главных героев библейского текста примеривается на опосредованных участников коммуникативных актов, на тех, о ком говорится. Широкое употребление прецедентного феномена при актуализации данного фрагмента истории, на наш взгляд, можно объяснить распространенностью образа голых Адама и Евы в массовой культуре в виде шуток, карикатур и ярких образов рекламных компаний линий одежды. Следовательно, реинтерпретация прецедентных феноменов в других формах искусства может, по нашему мнению, способствовать распространению определенных значений данных ПФ.

Для представителей американской и русской молодежи, принявших участие в опросе, падение Адама и Евы, с которым связывают потерю рая, является еще одним актуальным фрагментом, который оказывается включенным в ядерную зону концепта прецедентного текста:

(1) *Если бы они не устраивали шумных посиделок допоздна, не пришлось бы им искать новое жилье, не лишились бы они своего рая как когда- то Адам и Ева;*

(2) *Once we learned that it was possible to assassinate world leaders we lost the old-fashioned, honorable approach to war, and Eden was forever lost to us (С тех пор, как мы узнали о возможности убивать мировых лидеров, мы потеряли наш старомодный, благородный подход к войне, и Эдем был навсегда для нас потерян).*

В приведенных примерах потеря рая (= безбедного, счастливого существования) связывается с совершением греховного поступка (= нарушением закона). В первом примере нарушение закона носит частный характер и негативно отражается лишь на судьбе отдельных людей. Во втором примере затрагиваются более серьезные вопросы: дается намек на события американского вмешательства во внутренние дела суверенных государств Ближнего Востока. Нарушение международных законов и его последствия англоязычный информант сравнивает с потерей Адамом и Евой райского сада Эдема.

Итак, в результате проведенного семантического анализа были отмечены некоторые общие тенденции в употреблении библейских прецедентных феноменов в одних и тех же значениях в современной американском и российском молодежном дискурсе. Данные тенденции связаны с тем, что в дискурсе носителей языка актуализируются одни и те же фрагменты прецедентного текста, составляющие ядерные и околоядерные зоны его концепта. Однако помимо употребления собственно прецедентного феномена в более или менее типичных значениях присутствует немало случаев его употребления в совершенно уникальных значениях, свойственных только американской или только русской группам респондентов. Подобные окказиональные значения отражают индивидуальные представления носителей языка о первоисточнике прецедентного феномена и в большинстве случаев выполняют людическую функцию. На наш взгляд, окказиональное употребление прецедентных феноменов связано с желанием коммуникантов поиграть со словами, тем самым внести разнообразие в стереотипизированное, зачастую, банальное бытовое общение.

Примером окказионального употребления библейского прецедентного текста об Адаме и Еве для российской группы информантов может служить

следующее высказывание: *Я хочу быть неразлучным с тобой, как Адам и Ева.* Для русскоязычного информанта Адам и Ева являются примером идеальной пары влюбленных, образ которой информант пытается примерить на себя. Подобное употребление прецедентного феномена в рассматриваемом примере, скорее всего, связано с тем, что Ева была создана специально для Адама из его ребра. Факт того, что Адам и Ева были созданы друг для друга, видимо, делает их идеальной парой для информанта.

Интересно, на наш взгляд, отметить, что анализ результатов анкетирования показал, что конкретно фрагмент этого библейского текста, в котором описывается сотворение Евы из ребра Адама, имеет важное значение для опрошенных носителей русского языка. Они неоднократно упоминали эту часть истории в своих комментариях к данному прецедентному феномену, а также было составлено одно предложение актуализирующее этот фрагмент: *А вот из твоего ребра вряд ли что-то стоящее получится, - крикнула она в сердцах*.

Исследование показало, что наиболее удачные примеры окказионального значения могут закрепиться в дискурсе и приобрести определенную популярность. Например, среди полученных нами ответов от англоязычных информантов было обнаружено три одинаковых случая употребления рассматриваемого прецедентного феномена:

Homosexuality is wrong; there's a reason the first humans weren't named Adam and Steve (Гомосексуальность противоестественна, есть причины на то, почему первыми людьми были не Адам и Стив).

Использование рассматриваемого прецедентного феномена в приведенном предложении строится на основе созвучия английских имен Eve / Ева и Steve / Стив(ен). По нашему мнению, в данном случае авторитетность Библии служит определенного рода аргументом в социально-политическом споре современного общества. Объект данного спора лежит за пределами настоящей работы, поэтому представляется целесообразным оставить его без внимания. Что, на наш взгляд, представляет интерес для лингвистов, так это способность прецедентных феноменов включаться в языковую игру, создавая новые смыслы. В подобных

случаях нередкими являются «людические трансформации» прецедентных феноменов. Данный потенциал прецедентных феноменов кроется, по нашему мнению, в способности говорящих замечать и выражать в своей речи различные аспекты действительности посредством поиска аналогий и метафоризации языковых единиц.

Таким образом, в результате исследования детально анализируемого прецедентного текста было установлено, что носители английского (американский вариант) и русского языков актуализируют некоторые элементы Ветхозаветной истории об Адаме и Еве. К наиболее частотным можно отнести четыре фрагмента прецедентного текста:

1) образ запретного плода (соответствует значению «Адам и Ева как люди, подвергшиеся искушению»);

2) начало человеческой истории (соответствует значению «Адам и Ева как первые люди»);

3) внешний облик главных героев (соответствует значению «Адам и Ева как нагие люди»);

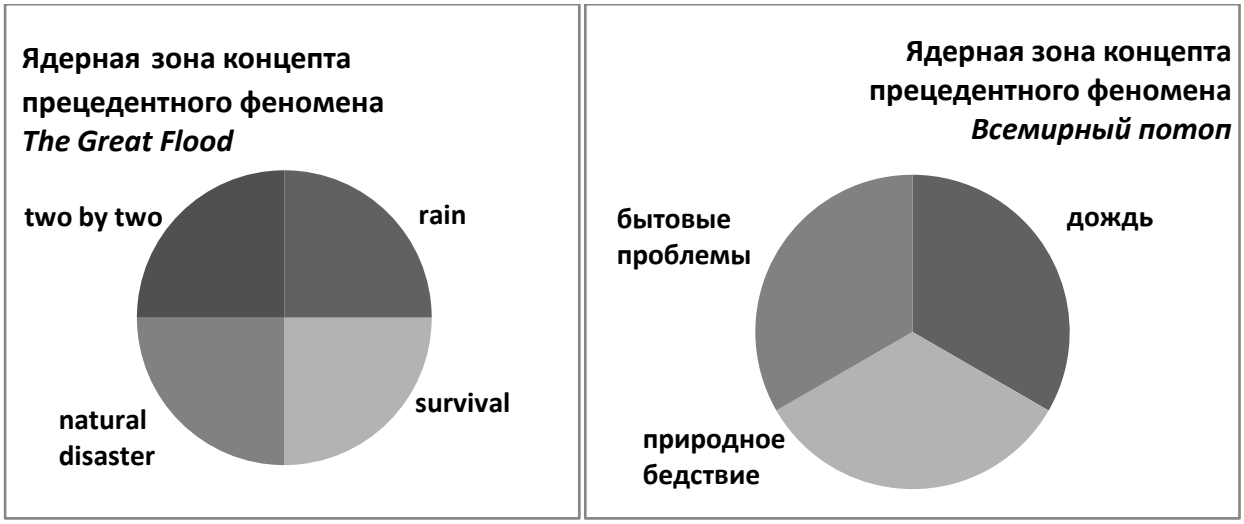
4) падение Адама и Евы, потеря рая (соответствует значению «Адам и Ева как люди, совершившие грех и понесшие наказание за проступок»);

Помимо типичных значений, актуализирующих упомянутые фрагменты прецедентного текста, были обнаружены случаи употребления прецедентного феномена и в окказиональных значениях, проявившихся либо только в американской, либо только в российской группе информантов, что приводит к расширению семантического наполнения концептов прецедентных феноменов и развитию их полисемии.

В качестве примера полисемии прецедентного текста в дискурсе американской и российской молодежи рассмотрим еще один концепт прецедентного библейского текста, представленного в онлайн-анкете. Так же, как и в случае с прецедентным текстом об Адаме и Еве, структура концепта прецедентного феномена *The Great Flood / Всемирный потоп* состоит из ядерной, околоядерной и периферийной зон.

Ядерные зоны концептов прецедентного феномена *The Great Flood / Всемирный потоп* (см. рисунок 4) имеют некоторые пересечения в американской и русской группах информантов.

Рисунок 4. **Ядерная зона концепта прецедентного текста о Всемирном потопе для американцев (слева) и для русских (справа)**

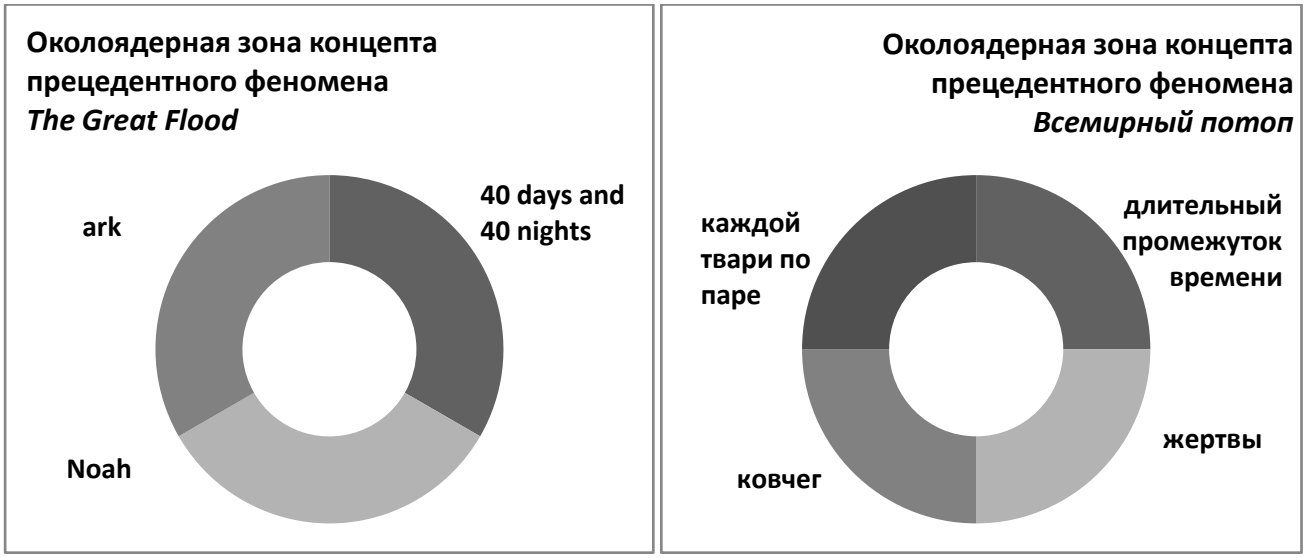


И у американцев и у русских данный прецедентный текст порождает ассоциации *природного бедствия*, вызванного *дождем*. Однако присутствуют также и различия, которые объясняются, по нашему мнению, несовпадением картин мира у американцев и русских. Так, например, для американцев ассоциации, которые порождает рассматриваемый прецедентный феномен, связываются, по их оценкам, с более серьезным бедствием. Американцев Всемирный потоп заставляет задуматься о вопросе *выживания*, что связано также и со второй ядерной для них ассоциацией: *выполнение наказа Бога собрать по паре каждого животного, дабы обеспечить выживание*. Ассоциации с Всемирным потопом у русскоязычных информантов чаще всего вызывают *бытовые проблемы*: прорыв трубы, переполненная ванная и т.д. Видимо, вследствие этого, русскоязычные респонденты не оценивают масштабы бедствия серьезно.

Околоядерные зоны концептов прецедентного текста о Всемирном потопе (см. рисунок 5 на стр. 105) в большей степени совпадают в обеих группах.

Важным, на наш взгляд отличием, является то, что только американские респонденты выделили прецедентное имя *Noah* в качестве одной из основных ассоциаций на стимул *The Great Flood*. Это не значит, что прецедентное имя *Ной* не будет актуализировать для русскоязычных информантов прецедентный текст о Всемирном потопе, вероятно, что данное прецедентное имя в русской лингвокультуре не является в такой же степени активным, как в американской.

Рисунок 5. **Околоядерные зоны концепта прецедентного текста о Всемирном потопе для американцев (слева) и для русских (справа)**



Итак, согласно результатам исследования анализируемый прецедентный текст о Всемирном потопе в американской и русской группах информантов актуализировался в трех основных значениях:

1) Всемирный потоп как природное бедствие, вызванное сильным дождем;

2) Всемирный потоп как причина сбора каждого животного по паре в одном замкнутом месте;

3) Всемирный потоп как катастрофа, которая становится причиной гибели.

Данные значения входят в ядерную и околоядерную зоны концепта прецедентного текста. Таким образом, полисемия прецедентного библейского текста о Всемирном потопе так же, как и в случае с ПТ об Адаме и Еве, объясняется особенностями структуры концепта ПФ и способностью носителей языка актуализировать в своей речи различные фрагменты ПТ. Так как подобный

случай полисемии уже подробно разбирался выше, пример вариативности основных значений прецедентного текста о Всемирном потопе представим схематично в виде таблицы 4

Таблица 4. **Полисемия прецедентного текста о Всемирном потопе**

Всемирный потоп как природное бедствие, вызванное сильным дождем	**Всемирный потоп как причина сбора каждого животного по паре в одном замкнутом месте**	**Всемирный потоп как катастрофа, которая становится причиной гибели**
With the way it's raining out there, Noah should be sailing by any minute (Какой ливень там идет! Наверное, скоро Ной проплывет с минуты на минуту)	*And to this day we prefer to go forward two by two, hoping somehow to survive against the torrent life sends at us (И по сегодняшний день мы предпочитаем ходить по паре, надеясь выжить каким-то образом в этом урагане, который жизнь нам посылает)*	*With modern weapons, war could quickly become a catastrophe as extreme as the Great Flood (Из-за современного оружия война довольно быстро может стать катастрофой такого же масштаба, что и Великий потоп)*
Еще пара дней таких ливней, и точно будет всемирный потоп!	*- Ну что, кто был на собрании? -Да каждой твари по паре... И бюрократы, и обычные люди, и сплетники, каких свет не видывал.*	*Ты знаешь, а Всемирный Потоп был серьёзней, чем - 25 на улице, и люди выжили, и ты не умрёшь.*

Представляется необходимым отметить, что различие в ядерных зонах концепта прецедентного феномена обусловило тот факт, что в американской лингвокультуре употребление прецедентного текста происходит только в сравнении с погодными природными условиями, в то время как в русской группе сравнению с Всемирным потопом могут удостаиваться катастрофы местного семейного уровня: *Наши соседи сверху устроили великий потоп*. Примечательно, что американцы не проводят подобных сравнений, видимо затоплений квартир у них вовсе не происходит, или они не достигают таких размеров, чтобы быть сравненным с великим потопом.

Помимо приведенных общих значений прецедентного текста о Всемирном потопе для американцев и для русских характерно употребление данного прецедентного феномена в значениях, актуализирующих периферийные зоны концепта ПТ. Так, например, американцы используют рассматриваемый прецедентный феномен для выражения имплицитного компонента «спасение»:

As the rumors of the downsizing spread, the employees jumped on important projects as if they were an ark that could save them from the flood of impending layoffs (По мере распространения слухов об оптимизации, служащие бросались на важные проекты, будто на [спасательный] ковчег, который мог бы спасти их от наводнения предстоящих увольнений).

Приведенное предложение отмечено метафоризацией смыслов, когда под наводнением подразумевается сокращение (layoff), а важные рабочие проекты (important projects) – это ковчег, способный спасти работников от увольнения.

Для русской группы информантов периферийным значением является отсылка к причине возникновения потопа – грешникам. Следующие примеры иллюстрирует употребление прецедентного феномена в этом значении: *(1) Из-за таких идиотов и пришлось когда-то строить ковчег; (2) Ну, видимо, остались еще грешники после Великого потопа*.

Итак, исследование показало, что для многих прецедентных текстов в дискурсе современной американской и российской молодежи выявлено несколько общих и несколько окказиональных значений. Наличие общих и окказиональных значений, по нашему мнению, свидетельствуют в пользу высказанной нами гипотезы о структуре концепта прецедентного феномена, который помимо инвариантной части включает в себя и вариативную. Использование ПФ в окказиональных значениях отражает индивидуальный опыт коммуникантов и составляет вариативную (периферийную) часть концепта. Инвариантную (ядерную и околоядерную) часть концепта прецедентного феномена составляет общие в рамках определенного лингвокультурного сообщества признаки.

Подобные особенности структуры концепта прецедентных феноменов, на наш взгляд, объясняют наличие выраженной полисемии, примеры которой были рассмотрены в настоящем параграфе на материале предложений, составленных информантами с библейскими прецедентными текстами. Однако необходимо отметить, что в результате анализа фактического материала были выявлены значения прецедентных феноменов, которые не могут быть объяснены особенностями структуры концепта ПФ.

Данные случаи основываются на явлении омонимии и встречаются в предложениях, составленных как американцами, так и русскими: *И будет вам на экзамене каждой твари по паре.* В приведенном примере происходит замена языковых знаков: *пара* – два объекта, *пара* – неудовлетворительная отметка. Данный пример можно считать случаем «людической трансформации» прецедентного феномена, когда говорящий использует известное ему прецедентное высказывание для выражения собственных мыслей ярко и остроумно. В рассмотренном предложении из-за примененной трансформации связь с текстом-первоисточником минимальна и не влияет на понимание предложения.

Для английского языка также было зафиксировано несколько случаев употребления прецедентных феноменов, основанных на омонимии языковых знаков: *They [Adam and Eve] were the first people to ignore the Apple terms and conditions (Они [Адам и Ева] были первыми людьми, проигнорировавшими условия лицензионного соглашения компании Apple).* В данном примере значение библейского прецедентного текста об Адаме и Еве выражается посредством омонимии языкового знака *apple*, который занимает одно из главных мест в концепте прецедентного феномена, а также является названием известной компании по производству компьютерной техники. В приведенном предложении упрощенный сюжет прецедентного текста сравнивается с ситуацией настоящей действительности – игнорирование длинных лицензионных соглашений на пользование продукцией компании *Apple* и передачи прав на обработку персональных данных.

Также при анализе предложений, составленных представителями американской молодежи, был зафиксирован еще один тип варьирования значения прецедентного феномена, основанный на созвучии лексической формы ПФ и другой лексемы языковой системы: *Would you Adam and Eve it? (Поверишь ли ты этому?).* Данное употребление ПФ строится на созвучии слов: имени «Eve» (Ева) и глагола «believe» (верить). В русском языке такого созвучия не существует, поэтому при переводе языковая игра теряется. Важно отметить, что в данном

случае употребления ПФ главное свойство прецедентности – референциальность – не реализуется. Чтобы понять данное предложение, необязательно знать историю Адама и Евы, достаточно лишь подобрать созвучное слово к использованной единице. За счет этого прецедентное имя приобретает новое значение, не связанное с прецедентным текстом. Подобный случаи употребления прецедентных феноменов характерены для современного разговорного английского языка и изучается отечественными учеными в отношении не только прецедентных феноменов, но и других языковых единиц (например, см. работы А. Э. Левицкого об антропонимах английского языка).

Таким образом, семантический анализ языкового материала, полученного в ходе онлайн-анкетирования, позволил выявить некоторые особенности полисемии прецедентных феноменов в дискурсе современной американской и российской молодежи. Прежде всего, полисемия прецедентных феноменов нами объясняется особенностями структуры их концептов, которые помимо инвариантной части содержат и вариативную. Также варьирование значений прецедентных феноменов может быть объяснено через понятие омонимии. Употребление прецедентных феноменов в значениях обусловленных омонимией языковых знаков в равной степени характерно как для русского, так и для американского молодежного дискурса. Наконец, в предложениях, составленных представителями американской молодежи удалось выявить значения анализируемых прецедентных феноменов, обусловленные созвучием лексической формы ПФ и другой нейтральной лексемы языковой системы.

4.3 Условия приобретения коннотативной окраски прецедентными именами в молодежном дискурсе

В результате анализа фактического материала, полученного от информантов, было установлено, что прецедентные феномены могут обладать определенной *семантической аурой*, целым комплексом социо- и культурно обусловленных значений, которые часто трудно выразить в качестве компонента толкования. Впервые наличие семантической ауры прецедентного феномена было

зафиксировано нами еще на этапе фокусированного интервью, когда носители английского языка смогли скорректировать не совсем верное употребление прецедентного имени, указав на значимый для их лингвокультурного сообщества компонент значения:

R: - ***She has a beautiful smile, doesn't she? - Yep, like that woman from the picture of the Italian painter.*** *(*Part of the handout*) Just like the Mona Lisa. I've never heard anyone saying anything like that. If only sarcastic. Only with mysterious maybe. Mona Lisa has nothing to do with a beautiful smile, maybe just a smile. Never heard it described beautiful.*

P.: - ***Неправда ли, у нее красивая улыбка? - Да, прямо как у той женщины с картины итальянского художника***. (часть раздаточного материала) *Прямо как Мона Лиза. Я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь говорил нечто подобное. Если только саркастически. Может быть загадочная улыбка. Мона Лиза ничего общего не имеет с красивой улыбкой, может просто улыбкой. Никогда не слышал, чтобы ее описывали как красивую.*

В последующем исследование показало, что наличие семантической ауры может оказать влияние на формирование коннотативной окраски прецедентного феномена. Материал, полученный в результате анкетирования, продемонстрировал, что среди всех типов прецедентных феноменов прецедентные имена чаще всего обладают ярко выраженными коннотативными элементами значения.

В некоторой степени прецедентные имена схожи с именами собственными, перешедшими в разряд нарицательных (например, Дон Жуан или Хам). Однако эпонимы имеют зафиксированное в словаре значение (например, обозначают черту характера, прочно ассоциируемую с некогда известной личностью), в то время как прецедентные имена, равно как и другие прецедентные феномены, демонстрируют широкое варьирование значений. Отсутствие зафиксированного значения требует обязательной отсылки к концепту прецедентного имени, содержащему определенный набор качеств, ассоциируемых с конкретным референтом. Поэтому контекст, в котором было употреблено прецедентное имя,

играет огромную роль для верного толкования значения ПИ. Трактовка значения ПИ может быть осложнена наличием у него коннотативной окраски. Приобретение положительной или отрицательной коннотативной окраски прецедентным именем, по нашему мнению, связано с оценкой конкретного референта. Носители языка довольно часто выражают определенную эмоционально-экспрессивную оценку по отношению к конкретному референту, в связи с этим, употребление нейтральных языковых единиц приводит к приобретению ими коннотативного значения. Прецедентные феномены, на наш взгляд, приобретают коннотативную окрашенность вследствие подобного механизма.

Иногда коннотативная окраска одних и тех же (или подобных) прецедентных имен может быть противоположной в различных лингвокультурах. Например, в проводимом нами онлайн-опросе были представлены прецедентные имена *Eminem* и *Тимати*, входящие в сферу-источник *музыка*.

Прецедентные имена *Eminem* и *Тимати* являются приблизительно сопоставимыми в американской и русской лингвокультурах: известные личности, к которым они дают отсылку, являются представителями рэп-течения, у обоих есть ярко выраженные атрибуты этого движения (внешний облик: наличие татуировок, появление на сцене в мешковатой, «потрепанной» одежде, и соответствующий внешнему внутренний образ «сурового, грубого и независимого мужчины»). Однако отношение к исполнителям в опрошенных группах информантов отличается. В американской группе респондентов Эминем в основном (не единодушно, но в большей массе) воспринимается положительно, образ Тимати, согласно данным, полученным от участвующих в опросе информантов, однозначно воспринимался негативно. Вследствие этого, употребление прецедентных имен, репрезентирующих этих рэп-исполнителей, в предложениях, составленных в американской и русскоязычной группах, оказалось окрашенным противоположными коннотативными смыслами.

Наличие противоположной коннотативной окраски прецедентных имен *Eminem* и *Тимати* наблюдается в различных контекстах. Например, носители

языка могут связывать имена исполнителей с их музыкальными произведениями. В проанализированном нами материале отсылки к песням Тимати всегда сопровождаются негативной оценкой, в то время как песни Эминема оцениваются положительно: *(1) Всю ночь под окнами читали свой ужасный реп*[7]*. Тоже мне Тимати. (2) У меня есть борода, и ты скажешь мне да. – Еще раз это услышу, заставлю побриться.* В данных примерах можно обнаружить отсылки к творчеству российского рэп-исполнителя, сопровождающиеся выражением негативных эмоций. В примере (2), например, носитель русского языка создает языковую игру, используя строчку из песни Тимати под названием «Борода», на что получает отрицательную ответную реакцию адресата. Негативную реакцию на языковую игру с текстом песни представляется возможным, на наш взгляд, объяснить несовпадением оценочных суждений коммуникантов в отношении творчества певца. Общее негативное отношение коммуниканта к Тимати и к его творчеству отражается в негативном отношении к прецедентным феноменам, отсылающим к творчеству российского рэп-исполнителя.

Для американской лингвокультуры также характерна языковая игра со строчками песен рэп-исполнителя, однако употребление прецедентных феноменов, которые бы давали отсылку к ним, не сопровождается негативной реакцией участников коммуникативного акта, как это было продемонстрировано выше. Нами были обнаружены примеры языковой игры как с новыми песнями Эминема, так и с довольно известными и старыми. Самым распространенным примером можно считать языковую игру с текстом песни 2005 года «Real Slim Shady». Данная песня принесла всемирную славу певцу и, как показывают результаты опроса, не потеряла актуальности спустя 11 лет: *(1) You look like the Real Slim Shady. (Ты выглядишь, как настоящий Слим Шейди); (2) Will the real Barak Obama please stand up? (Прошу настоящего Барака Обаму встать).*

Первый пример иллюстрирует типичный способ употребления аллюзии на песню Эминема, в то время как второй пример показывает, что отсылки к песне 2005 года до сих пор актуальны и могут быть использованы в ситуациях

[7] Сохранена авторская орфография опрошенного носителя языка.

настоящей действительности. Второй пример является в некоторой степени «языковым хулиганством». Анализируемое высказывание является парафразом первой строчки песни Эминема «Will the real Slim Shady please stand up» и не обладает высокой информативной значимостью, предложение выполняет людическую функцию: говорящий получает удовольствие от формы высказывания, пусть даже если его содержание не представляется сколько-нибудь значимым.

Кроме аллюзий на тексты песен исполнителей носители языка также могут употреблять прецедентные имена, давая отсылку к внешнему виду или образу известной личности, выражая свое положительное или отрицательное отношение к ней. Уместным представляется подчеркнуть, что образ есть более широкое понятие, чем внешний вид, и помимо последнего может включать в себя особые жесты, мимику, поведение. Например, в предложении, приведенном ниже, используется отсылка именно к внешнему образу исполнителя:

Would you please wipe that sullen look off your face? Who do you think you are, some white rapper from Detroit? (Может, ты уберешь это угрюмое выражение лица? Неужели ты думаешь, что похож на этого белого рэпера из Детройта?).

В данном примере говорящий акцентирует внимание на угрюмом и сердитом выражении американского рэп-исполнителя, которое является частью образа многих рэперов и, по всей видимости, отражает важность и серьезность призвания представителей данного музыкального течения.

Следующий пример иллюстрирует употребление прецедентного имени с отсылкой на внешний вид музыкального исполнителя: *Какая это татуировка по счету? Скоро будешь как Блэк Стар*.

В данном примере «обязательный» атрибут внешнего вида рэпера – татуировки – становится дифференцирующим признаком прецедентного феномена. Отметим, что снова в русскоязычной лингвокультуре присутствует негативная коннотация при употреблении прецедентного имени *Тимати/Блэк Стар*. Такой атрибут рэперов как татуировки в российском группе информантов,

как правило, не одобряется и воспринимается со знаком минус: *(1) Весь в наколках, как Тимати*; *(2) Разукрашен, как руки Тимати.*

В первом примере вместо слова «татуировка» используется синоним «наколка», что имеет параллели с тюремной субкультурой. Наличие подобных параллелей в представлениях носителей русского языка может частично объяснить негативную коннотацию прецедентного имени *Тимати* и связанного с ним музыкального течения. Также в приведенных примерах акцент делается не столько на факте наличия татуировки, сколько на их количестве. Видимо, в сознании носителей русского языка табу ставится не только на сам факт наличия татуировки у человека, но также и на их количество. Основываясь на результатах опроса, можно предположить, что у Тимати татуировок слишком много. Отметим, что Эминем также обладает изрядным количеством татуировок, но ни один американский информант не актуализировал этот факт как признак прецедентного имени.

Таким образом, наличие положительной или негативной оценки конкретного референта (прецедентной личности) может отразится на особенностях употребления прецедентных имен, отсылающих к нему. Приведенные выше примеры продемонстрировали, что в дискурсе российской и американской молодежи присутствуют противоположные эмоционально-экспрессивные оценки прецедентных имен, отсылающих к известным рэп-исполнителям. Наличие подобных оценок объясняет употребление данных прецедентных имен в значениях с положительной и отрицательной коннотативной окраской в качестве положительного или отрицательного эталона соответственно:

Сегодня тяжело определить, от чего больше вянут уши: от мата из уст 15-летней или от 30-летнего, считающего себя очередным «Тимати».

В данном примере негативная оценка музыкального творчества исполнителя выражается с помощью словосочетания «вянут уши», а в качестве отрицательного эталона выступает прецедентное имя *Тимати*.

Представляется важным отметить, что несмотря на общую положительную оценку прецедентной личности, употребление репрезентирующего его прецедентного имени может также быть использовано и в качестве отрицательного эталона: *(1) The way he disgraced her, it was like he was Eminem. (То, как он ее опозорил, будто он Эминем); (2) Like a 19th-century Eminem, he scandalized the older generation of poets and galvanized what was seen as a crass subculture. (Будучи Эминемом 19 века, он оскандалил старшее поколение поэтом и стимулировал развитие глупой субкультуры).* В приведенных примерах прецедентное имя *Eminem* употребляется со знаком минус. Несмотря на то, что со стороны опрошенных американцев творчество рэп-исполнителя не подвергается критике, некоторые черты его характера воспринимаются отрицательно. В первом примере акцент делается на грубом отношении мужчин к противоположному полу. Эминем не единожды подавал пример подобного отношения в ходе нестабильных супружеских отношений со своей женой. Во втором примере Эминем, видимо, сравнивается с неким поэтом XIX века, который так же, как и американский рэп-исполнитель, прославился своим скандальным отношением к старшему поколению литераторов.

Таким образом, на основе проанализированного материала, касающегося прецедентных имен, отсылающих к известным музыкальным исполнителям, было выявлено, что носители языка активно используют аллюзии на известные песни исполнителей, а также дают отсылки к их внешнему образу и виду для актуализации положительных или негативных ценностей, связанных с данными прецедентными именами. Анализ показал, что приобретение коннотативной окраски прецедентным именем в первую очередь связывается с оценкой конкретного референта (такими референтами в настоящем параграфе выступали известные рэперы). Накопление положительных или отрицательных впечатлений и мнений о поведении или деятельности прецедентной личности обусловливает закрепление положительной или отрицательной коннотативной окраски прецедентного имени и употребления его в качестве положительного или отрицательного эталона соответственно.

Выводы к главе 2

1. В результате анализа фактического материала было выявлено несколько способов «развертывания» прецедентных текстов и прецедентных ситуаций в дискурсе американской и российской молодежи. Было отмечено, что носители языка способны выделять прецедентную ситуацию в рамках прецедентного текста и использовать ее в качестве эталонной для описания ситуаций настоящей действительности. Актуализация эталонной ситуации в основном осуществляется одним из трех следующих способов: 1) посредством употребления заголовка художественного произведения или названия кинофильма, 2) с помощью имени главного героя (т.е. посредством прецедентного имени) или 3) посредством прецедентных высказываний, отсылающих к прецедентным текстам или ситуациям. В некоторых случаях, внутри прецедентного текста не выделяется никакой прецедентной ситуации, и отсылка осуществляется напрямую посредством прецедентного высказывания или прецедентного имени, когда актуализируются признаки персонажа прецедентного текста.

2. Было зафиксировано, что прецедентные феномены сферы-источника *литература* и *Библия* в большой степени используются для актуализации прецедентной ситуации, описанной в художественном произведении, в то время как употребление прецедентных феноменов сферы-источника *кино* тяготеет к актуализации не прецедентной ситуации фильма, а к использованию высказываний, заимствованных у главных героев киноленты.

3. Семантический анализ языкового материала, полученного в результате проведенного онлайн-опроса, позволил выявить некоторые значения представленных в анкете прецедентных феноменов. Данные значения оказались общими как для американского, так и для российского молодежного дискурса. Однако была отмечена и противоположная тенденция: носители языка нередко употребляют прецедентные феномены в окказиональных значениях, отражающих их индивидуальный опыт или национальную специфику их лингвокультуры. Диалектическое единство данных тенденций употребления прецедентных феноменов объясняется структурой их концептов, которые помимо инвариантной

части содержат и вариативную. Использование ПФ в окказиональных значениях отражает индивидуальный опыт коммуникантов и составляет вариативную (периферийную) часть концепта. Инвариантную (ядерную и околоядерную) часть концепта прецедентного феномена составляет общие в рамках определенного лингвокультурного сообщества признаки прецедентного феномена. Наличие двух частей концепта прецедентного феномена обусловливает многозначность изучаемого языкового явления.

4. Анализ фактического материала позволил также выявить значения прецедентных феноменов, которые не связаны со структурой концепта ПФ. Наличие некоторых подобных значений объясняется явлением омонимии и характерно как для американского, так и для российского молодежного дискурса. Другие значения были представлены в мини-контекстах, составленных только американцами. Подобные случаи употребления прецедентных феноменов основываются на созвучии лексической формы ПФ и другой нейтральной лексемы языковой системы.

5. Прецедентные феномены также могут быть коннотативно окрашены. Приобретение положительной или отрицательной коннотативной окраски прецедентным феноменом связано с оценкой конкретного референта. Накопление положительных или отрицательных впечатлений и мнений о поведении или деятельности прецедентной личности, о последствиях прецедентной ситуации, о качестве прецедентного текста обусловливает закрепление положительной или отрицательной коннотативной окраски прецедентного феномена.

ГЛАВА 3. Контексты употребления и процессы трансформации прецедентных феноменов в современном молодежном дискурсе: верификация экспериментальных данных

В ходе проведения лингвистического эксперимента, описанного в предыдущей главе настоящей работы, были получены некоторые результаты, потребовавшие верификации. В частности нами были обнаружены определенные типы лексико-грамматических контекстов употребления прецедентных феноменов в дискурсе американской и российской молодежи. Проанализировав предложения, составленные информантами, мы пришли к выводу, что можно четко выделить несколько универсальных (характерных как для английского, так и для русского языков) контекстов употребления прецедентных феноменов. Многие предложения содержали одинаковые грамматические конструкции, помимо этого близкое лексическое окружение прецедентных феноменов также совпадало вне зависимости от пола, возраста и уровня образования носителей языка.

Для подтверждения релевантности данных контекстов употребления прецедентных феноменов в дискурсе современной американской и российской молодежи нами были подготовлены корпусы текстов, авторами которых выступили носители английского (американский вариант) и русского языков в возрасте от 18 до 30 лет. Каждый корпус содержал не менее 100 000 словоупотреблений и включал в себя как художественные, так и нехудожественные письменные тексты. Подробнее структура и состав корпусов представлены в таблице 1 (см. ниже на стр. 119).

Таблица 1. **Распределение текстов корпусов по видам и другим метапризнакам**

Вид текста	**Русский корпус**		**Английский корпус**	
	Число слово-употреблений	% слово-употреблений	Число слово-употреблений	% слово-употреблений
Художественные письменные тексты	48 778	48,73%	49 589	48,73%
Нехудожественные письменные тексты	51 311	51,27%	52 179	51,27%
- в том числе по сфере функционирования				
интервью	20 289	20,27%	21 551	21,18%
публицистика	10 309	10,3%	10 447	10,27%
блоги	12 451	12,43%	13 068	12,84%
информационно-просветительская	5 432	5,42%	5 097	5%
официально-деловая	1 148	1,17%	987	0,97%
электронная коммуникация	1 682	1,68%	1 029	1,01%
Всего:	**100 089**	**100%**	**101 768**	**100%**

Таким образом, верификация результатов эксперимента проводилась на достаточно обширном материале, включающем как художественные, так и нехудожественные (общественно-политические, газетные, официально-деловые и др.) письменные тексты.

Для работы с корпусами текстов использовалась компьютерная программа *AntConc*, которая позволила отобрать необходимый языковой материл. При этом использовались такие функции как конкорданс, поиск по лемме и регулярным выражениям. Поисковые запросы формулировались на основе ключевых слов и словосочетаний, выявленных в результате анализа языкового материала, полученного от информантов в ходе экспериментальной части исследования. В последующем отобранные мини-контексты были подвергнуты дискурс-анализу согласно разработанной нами модели (см. параграф 3 Главы 2 настоящей работы).

1. Типы лексико-грамматических контекстов употребления прецедентных феноменов в американском и российском молодежном дискурсе

В ходе проведения лингвистического эксперимента, описанного в предыдущей главе настоящей работы, нами было отмечено, что носители

английского и русского языков, находящиеся в возрасте от 18 до 30 лет (репрезентативная группа эксперимента), чаще всего употребляют прецедентные феномены в двух типах лексико-грамматических контекстов. Данные контексты представляют собой разные синтаксические конструкции: от части простого предложения до целого предложения, затрагивая при этом актантно-предикативные отношения.

Так, например, при проведении онлайн-анкетирования было обнаружено, что довольно часто в составленных современными носителями английского и русского языков предложениях прецедентные феномены оказываются включенными в грамматические конструкции сравнительных оборотов, вводимых союзами *как/like*:

(1) When the bus comes and there's clearly not enough room for everyone to sit, I suddenly feel ***like Katniss trying to reach the Cornucopia in time*** *(Когда подходит автобус, и становится понятно, что не всем хватит места присесть, я вдруг ощущаю себя как Кэтнис, которая пыталась добраться до Корнкопии вовремя).*

(2) Не разговаривай со мной так, ***как будто ты депутат ГосДумы в машине у Данилы Козловского****.*

В приведенных примерах носителями языка актуализируются прецедентные ситуации из популярных современных кинофильмов: «Голодные игры» – (1), «Dyxless» – (2). В обоих предложениях прецедентные феномены являются частью сравнительных оборотов. Употребление прецедентного феномена в подобном типе грамматического контекста, по нашему мнению, связано с особенностями механизма номинации. Согласно нашему определению прецедентные феномены – целостные семиотические единицы коммуникации, объективизирующиеся в дискурсе посредством апелляции к событиям прошлого. Подобная апелляция, на наш взгляд, подразумевает наличие трансцендентного референта, который наполняет языковую единицу (форму ПФ) смыслом для обозначения определенного денотата. Обращение к такому референту, который отсутствует в конкретном коммуникативном акте, подразумевает сравнение с наличествующим денотатом. Подобное сравнение в языке чаще всего реализуется посредством

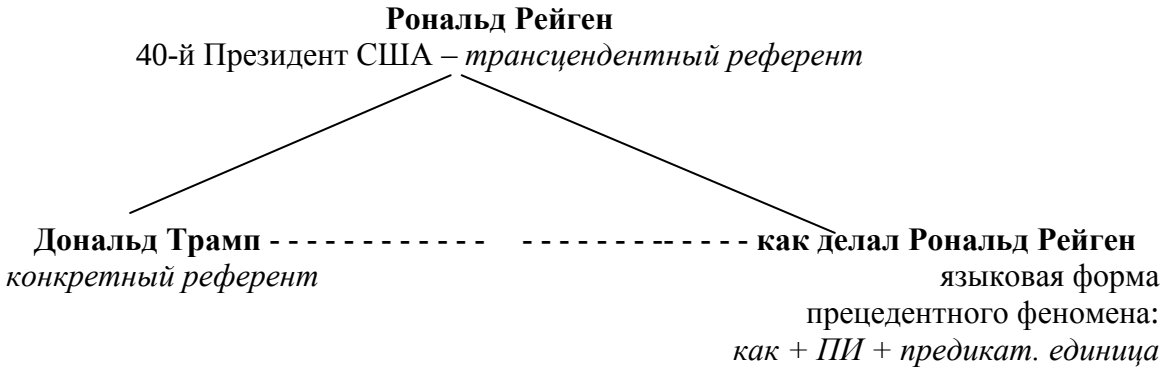
сравнительного оборота с союзами *как/like*. Данное предположение подтверждается не только данными, полученными от информантов, но и примерами, отобранными из подготовленного нами текстового материала:

(1) He laughed, he joked and he looked everybody in the eye ***like Ronald Reagan did****. I think everybody was pretty impressed (Он [Дональд Трамп] смеялся, шутил и смотрел всем прямо в глаза так же, как делал Рональд Рейган. Я думаю, все были впечатлены).*

(2) Музе нужен покой, свет, тепло, воздух, а не приказы и кнут. ***Как Пушкин****, я попрощаюсь с тобой Муза, потому как не знаю своего исхода.*

В приведенных примерах носители языка сравнивают участников коммуникативного акта с известными, в пределах данных лингвокультурных сообществ, историческими личностями. Реализацию механизма непрямой номинации первого предложения можно представить в виде следующей схемы (рисунок 1):

Рисунок 1. **Схема непрямой номинации прецедентного имени**



Нами было отмечено, что в подобных сравнительных оборотах могут употребляться не только прецедентные имена, но и прецедентные ситуации. В таких случаях прецедентный феномен оказывается включенным в придаточное сравнительное предложение, вводимое союзами *как/like*:

И ***как триста спартанцев под предводительством царя Леонидаса храбро сражались с армией Ксеркса****, так и саратовские футболисты во главе с Леонидом Городновым самоотверженно боролись с соперником.*

В приведенном примере события современной действительности сравниваются с прецедентной легендарной историей о трехстах спартанцах, которая неоднократно экранизировалась киностудиями Голливуда. Прецедентная ситуация актуализируется посредством прецедентных имен, отсылающих к древнегреческой легенде. Представляется уместным отметить функциональный потенциал прецедентного феномена в рассматриваемом примере. Предложение взято из информационной статьи молодежного журнала. Для текстов подобного рода характерен краткий и ясный стиль без развернутых метафор. Употребление придаточного сравнительного предложения с прецедентным феноменом в текстах подобного рода, на наш взгляд, делает стиль тяжеловесным и излишне вычурным, несмотря на желание автора придать ему большей образности.

Грамматический строй английского языка также позволяет использовать прецедентные ситуации в сравнительных оборотах, утяжеляя общую синтаксическую конструкцию:

The danger is that the memories start to feel inimitable and unsurpassable, a slick fear that our sexual and emotional lives have peaked. ***Like that awful Sex And The City episode where Charlotte says you only get two great loves in your life*** *(Опасность заключается в том, что начинаешь воспринимать воспоминания как нечто несравненное, непревзойденное; скользкий страх, будто наша сексуальная и эмоциональная жизнь прошла свой пик. Как в той ужасной серии «Секса в большом городе», когда Шарлота говорит, что у нас за всю жизнь может быть не больше двух настоящих романов).*

В данном примере носитель английского языка актуализирует прецедентную ситуацию известного телесериала «Секс в большом городе». В данном случае прецедентная ситуация в дискурсе актуализируется посредством сравнительного оборота, осложненного придаточным предложением. Наличие придаточного предложения, включающего предикативную единицу, позволяет описать прецедентную ситуацию, эксплицитно выразив семантические компоненты сравнения событий настоящей и вымышленной действительности.

Говоря о функциональном потенциале прецедентного феномена в данном предложении, можно предположить, что его употребление продиктовано желанием полнее раскрыть высказанную ранее мысль, приведя известную для коммуниканта аналогию. Прецедентная ситуация и ситуация настоящей действительности оказываются близкими по теме, и употребление прецедентного феномена не вызывает чувства гротескности, как в русскоязычном примере, описанном выше.

Помимо союзов *как/like* рассматриваемый нами тип грамматического контекста употребления прецедентного феномена может иметь ряд лексических вариаций. Так, например, в русском языке подобный тип контекста может реализоваться посредством таких слов, как *вроде, якобы, словно:*

В авторитарных государствах вроде нашего невозможно добиться существенных политических перемен снизу, демократическим путем без харизматичных духовных лидеров, подлинных героев ***вроде Ганди****, которых так не любит прогрессивная демократическая общественность, без устали твердящая, что «никакие герои нам не нужны, а надо просто чтобы законы соблюдались».*

Примеры такого рода также относятся к грамматической конструкции сравнительного оборота, однако замена лексемы *как* на любую другую приводит к незначительному изменению значения. Слова «якобы», «словно», «вроде» делают сравнение неточным, несколько размытым, подразумевая, что конкретный референт не является точной копией трансцендентного референта. Подразумевается, что некоторые признаки прецедентного феномена могут отсутствовать у референта, который подлежит сравнению. Подобные случаи размытости сравнения характерны также и для американского молодежного дискурса и выражаются с помощью таких лексем, как *sort of, kind of*:

Yeah I came to Terry and I had said I wanted to create something ***kind of like Sinead O'Connor's 'Nothing Compares To You.'***

В результате анализа фактического материла помимо универсальных (характерных как для американского, так и для российского молодежного

дискурса) лексико-грамматических контекстов употребления прецедентных феноменов в форме сравнительно оборота нами были обнаружены также и национально-специфические типы контекстов, которые проявились либо только в англоязычном, либо только в русскоязычном корпусе. Так, например, в ходе работы с англоязычными информантами, а затем и при верификации результатов, нами были обнаружены два основных лексико-грамматических контекста актуализации прецедентной ситуации в дискурсе современной американской молодежи.

Первый контекст можно представить в следующем обобщенном виде: (in) the way ПИ does (looks/feels) something:

I'm interested in work that's very physical and visceral, that moves people, and I don't mean ***in the way we get moved by a sad Hallmark card or a Lifetime movie*** *but in a way that literally moves people (Мне больше интересны телесные и висцеральные работы, которые трогают людей, и я не имею в виду то, как грустная открытка компании Hallmark или фильм киностудии Lifetime заставляют нас расчувствоваться, нет только то, что буквально задевает людей)*.

В данном примере можно наблюдать грамматическую вариацию данного контекста, когда предикативная единица, выраженная глаголом *to move*, находится в страдательном залоге, а актант, прецедентные имена *Hallmark* и *Lifetime Movie Network*, занимает позицию после предиката, в то время как сирконстант, личное местоимение *we*, выполняет роль подлежащего. Распространенность данного лексико-грамматического контекста употребления прецедентной ситуации в современном американском молодежном дискурсе, по нашему мнению, объясняется наличием устойчивого выражения *in the way*, используемого для сравнения не столько объектов реальной действительности, сколько действий, выполняемых данными объектами. Данное выражение часто используется в разговорной речи и входит в активный лексикон современной американской молодежи. Русские эквиваленты подобной фразы, *«таким же образом», «так же, как»*, реже используются в устной разговорной речи и

недостаточно частотны. Это, на наш взгляд, объясняет отсутствие эквивалентного лексико-грамматического контекста в русскоязычном корпусе.

Анализ показал, что второй национально-специфический контекст актуализации прецедентной ситуации в современном американском молодежном дискурсе имеет следующий обобщенный вид: (just) as (has/had) happed to + ПИ:

(1) He would scream in pain as the scar appeared and a dark shadow would haunt him, ***just as had happened to Lousha*** *(Он кричал от боли, когда шрам появлялся [на его теле], и тень преследовала его так же, как это было с Лушой).*

(2) Let your haters be your motivators. Look what ***happened to Noah****! (Пусть те, кто тебя ненавидят, будут твоим вдохновением. Посмотри, что было с Ноем!).*

Приведенные примеры иллюстрируют варианты реализации рассматриваемого типа контекста в дискурсе современных носителей английского языка. Первое предложение содержит внутритекстовый прецедентный феномен, который согласно нашей иерархии занимает позицию в третьем круге, соответствующему прецедентным феноменам, известным малой социальной группе (см. параграф 1.3 Главы 1 настоящей работы). Рассматриваемая прецедентная ситуация актуальная для текста одной книги и сравнивает два события вымышленной действительности, второе из которых является прецедентным для первого. Второе предложение было составлено англоязычным информантом в ходе проведения эксперимента и отсылает к событиям Библии. И в первом и во втором случаи семантическим ядром лексико-грамматического контекста является глагол *to happen*, имплицитно выражающий события прецедентной ситуации.

Исследование показало, что еще одним универсальным лексико-грамматическим контекстом актуализации прецедентных феноменов в дискурсе американской и российской современной молодежи являются синтаксические конструкции, в которых прецедентные феномены выполняют предикативную функцию. Составные именные сказуемые, в которых именная часть выражена прецедентным феноменом, характерны как для российского, так и для

американского молодежного дискурса. Распространенность данного типа контекста нами также связывается с механизмом непрямой номинации, описанном выше. Данный механизм позволяет называть целый ряд денотатов (наличие экстенсионала) именем трансцендентного референта на основе схожести по определенным признакам (наличие интенсионала):

“You military men are all alike,” Jacob said. “You’ve already conquered half of the known world and yet you still want more – so you make up things to believe in! ***You’re King Arthur obsessing over the Holy Grail****”(«Вы, военные, все одинаковые», - сказал Джейкоб. «Вы покорили уже половину известного мира и все равно хотите еще, поэтому вы выдумываете вещи, в которые слепо верите! Вы как король Артур, одержимый Святым Граалем»).*

В приведенном примере реализация предикативных отношений между подлежащим, как носителем признака, и сказуемым, как выражением признака, осуществляется благодаря употреблению прецедентного феномена, отсылающего к легенде о короле Артуре. Концепт прецедентного имени *King Arthur* включает целый ряд признаков релевантных для американской молодежной лингвокультуры. Употребление прецедентного имени в функции предиката позволяет выразить один из дифференциальных признаков концепта. Причастный оборот *obsessing over the Holy Grail*, модифицирующий сказуемое, позволяет вычленить один конкретный признак актуальный для рассматриваемого коммуникативного акта: адресат наделяется признаками известной личности, схожей с ним как по внешним, формальным признакам (оба военные лидеры), так и по внутренним (оба одержимы бесплодными попытками реализовать недостижимые цели).

Отсутствие у подлежащего выраженного сказуемым признака позволяет реализовывать данный тип контекста в дискурсе посредством отрицательной частицы *не/not*: *Авторские метафоры могут быть весьма причудливыми, но если вы* ***не Владимир Набоков*** *и пишете информационный текст, от излишней цветистости лучше воздержаться.* В приведенном примере подчеркивается

отсутствие у участника коммуникативного акта такого качества, как талант к писательскому ремеслу.

Было отмечено, что национально-специфические особенности языкового строя проявляются при реализации данного типа контекста в русском языке. Составные именные сказуемые, в которых именная часть выражена прецедентными феноменами, оказались наиболее частотными в дискурсе современной российской молодежи. При этом рассматриваемый тип контекста оказывается довольно часто дополнен указательной частицей *это*:

(1) Это он воронку «Олкона» не видел, землю раскопанную-разобранную. ***Это вавилонская башня наоборот***.

(2) В общем, Россия в спорте сегодня — ***это живая сцена из фильма-пародии «Диктатор» Саши Барона Коэна***.

Из приведенных примеров видно, что в данном типе контекста могут актуализироваться не только прецедентные тексты (1), но и прецедентные ситуации (2). Общий механизм развертывания прецедентных феноменов в виде составного именного сказуемого соответствует описанному выше механизму непрямой номинации. Стоит отметить, что распространенность данного типа контекста в дискурсе российской молодежи обусловлена, на наш взгляд, совпадением данного типа контекста с остенсивным определением лексем, когда толкование слова осуществляется через прямое указание на объект окружающего мира: *Это собака. Это красный цвет*. В связи с этим логичным представляется употребление прецедентных феноменов (дающих отсылку на ранее познанные тексты и события) для определения неизвестных слов и понятий именно в составе именных сказуемых.

Анализ показал, что вариантом рассматриваемого типа лексико-грамматического контекста актуализации прецедентных феноменов в дискурсе современной российской молодежи можно считать употребление прецедентных имен в форме обращения. Употребление прецедентных имен в качестве обращения не было зафиксировано в англоязычном корпусе, однако подобное употребление оказалось характерным для русскоязычного дискурса:

Ведь всегда боишься немного переиграть, у нас же комплексы актёрские. «Ты должен быть достоверным! Станиславский!»

В приведенном примере снова реализуется механизм непрямой номинации, когда референта называют не его именем. Подобный грамматический контекст можно расширить до простого предложения с составным именным сказуемым, *Ты есть Станиславский*, что будет подходить под обобщенный тип контекста, примеры которого описаны выше. Примеры, обнаруженные в русскоязычном корпусе и составленные русскоязычными информантами, всегда характеризуются наличием ироничного характера при использовании прецедентного феномена в форме обращения и могут быть использованы в ситуации дружеского общения:

(1) А что, ***Буратино****, Тортилла еще не достала тебе золотой ключик?*

(2) Явка провалена, ***Штирлиц****!*

Рассмотрим еще один национально-специфический вариант употребления прецедентных имен в дискурсе современной российской молодежи, который был обнаружен при верификации результатов эксперимента:

(1) Разумеется, мне нет никакого дела до чужих сыновей, до высокорослых бездарей, которым родители пророчат путь новых ***Пуанкаре****,* ***Гюго*** *или* ***Моне****…*

(2) Так что среди нас ходит немало ***Федоров Конюховых****, которым что-то (неуверенность в себе, нехватка финансов, страх, обыкновенная невезуха) мешает отрастить бороду и отправиться в кругосветку;* ***Львов Толстых*** *или хотя бы* ***Борисов Акуниных*** *(жанр будущей книги не уточнялся), никак не находящих свободный вечер, чтобы взяться за перо;* ***Викторов Цоев*** *с* ***Сергеями Курехиными****, до сих пор не удостоившихся всероссийской (или, лучше, всемирной) славы, и* ***Като Ломб****, по ночам чатящихся с друзьями из пяти-шести стран, а днем занимающихся делами, вовсе не требующими знания языков.*

Из приведенных примеров видно, что современная российская молодежь часто использует прецедентные имена во множественном числе для обозначения некого обобщенного образа современного человека, преуспевшего в том или ином деле. В подобных случаях прецедентные имена выполняют роль эталона, или что

в английской традиции называется *epitome* – пример, служащий для представления большой совокупности предметов. Подобное употребление прецедентных имен можно признать в качестве стилистического приема, характерного для письменного стиля современной российской молодежи. При подобном употреблении к исконно русским прецедентным именам присоединяются окончания множественного числа существительных, в то время как прецедентные имена, заимствованные из других языков и ассимилированные в русском языке посредством транскрипции и транслитерации, не присоединяют окончаний множественного числа существительных; грамматическая категория числа выражается в окончаниях сопутствующих зависимых слов. Графическое написание прецедентных имен с большой буквы не позволяет причислить их к числу эпонимов.

В приведенных примерах можно обнаружить как прецедентные имена, широко известные в российском лингвокультурном сообществе (*Лев Толстой, Виктор Цой*), так и узко специальные, известные только определенной группе носителей языка (*Като Ломб, Сергей Курехин*). Необходимо отметить, что еще при проведении фокусированного интервью носители языка указывали на тот факт, что в своей речи они чаще всего используют прецедентные феномены, известные узкой группе людей. Носители английского языка называли подобные случаи inside jokes. В ходе верификации были обнаружены подобные прецедентные феномены, известные только определенной группе носителей языка:

(1) – Правда, что в какой-то момент перед вами встал выбор: футбол или бокс? – Это ***как в Осетии*** *– все занимаются борьбой и шахматами (смеется). Вот и в нашем городе было две секции. Естественно, что со временем пришлось выбирать.*

(2) – Год назад вы сказали мне в интервью, что не хотели бы уйти из большого спорта так, ***как ушла Тара Липински*** [американская фигуристка покинула большой спорт после травмы, полученной на телевизионном шоу]. *Пытались понять, почему она так ушла?*

(3) That's right – I'm going to be an author! I've been sitting on this news for about six months now, because I'm apparently superstitious all the sudden and felt a little ***like David after dentist*** [сообщение в твиттере, отсылающее к событиям внутри одной семьи]...

You will leave this house and go to another. You will have wild love affairs and you will be liberated by them. You will denounce God and religion and be better for it. Maybe you will never marry again, but if you do it will be something more like the marriages we have. ***You are ours Nora*** [героиня пьесы Генрика Ибсена «Кукольный дом»]. *You are one of us.*

Наличие и разнообразие подобных примеров свидетельствует в пользу нашей гипотезы об уровнях прецедентности и иерархии прецедентных феноменов. Конкретные примеры, присутствующие в корпусах обоих языков, позволяют с уверенностью говорить, что прецедентные феномены функционируют не только на уровне больших национальных лингвокультурных групп, но и на уровне малых социальных коллективов. Считаем, что выявленные данные заставляют взглянуть на вопросы уровней прецедентных феноменов более пристально, что, возможно, будет сделано позже, поскольку рамки настоящего исследования не позволяют детально рассмотреть эту проблему.

Итак, нами были верифицированы некоторые результаты проведенного лингвистического эксперимента в отношении лексико-грамматических контекстов употребления прецедентных феноменов в дискурсе американской и российской молодежи. В частности, в результате исследования удалось выявить два универсальных типа лексико-грамматического контекста употребления прецедентных феноменов – *в форме сравнительного оборота и в составе именного сказуемого*. Помимо этого проведенное исследование на базе корпусов англо- и русскоязычных текстов позволило выявить несколько национально-специфичных типов контекстов употребления прецедентных феноменов. Также материал, собранный в ходе работы с корпусами текстов, позволил сделать ряд выводов, касающихся уровней прецедентности, которые открывают новые перспективы исследования проблем теории прецедентности.

2. Трансформационные процессы фразеологизации и стереотипизации прецедентных феноменов в молодежном дискурсе

Анализ фактического материала показал, что обладая четкой ментальной структурой, которая включает инвариантную и вариативную части, прецедентные феномены могут реализовываться в различных лексико-грамматических контекстах, проявляя достаточно гибкую семантическую форму. Нами уже отмечалось ранее, что прецедентные феномены могут обладать ярко выраженной полисемией, когда значения ПФ меняются в зависимости от контекста употребления и адресанта, его создающего. Однако в дискурсе носителей языка могут фиксироваться определенные лексико-грамматические контексты употребления прецедентных феноменов, так же, как и их значения. Исследование показало, что фиксация плана выражения и плана содержания прецедентного феномена может быть следствием одного из двух процессов: *фразеологизации* или *стереотипизации*. Данные процессы были замечены нами при анализе языкового материала, полученного от респондентов, а затем были подтверждены в ходе верификации полученных результатов.

Прецедентные феномены и фразеологизмы имеют некоторые общие черты. Например, значение прецедентных феноменов, так же как и фразеологических единиц, далеко не всегда равно сумме значений их составляющих. Для правильного декодирования значения прецедентного феномена необходимо обращение к ранее усвоенному тексту или событию прошлого. Значения фразеологических единиц кодифицированы в языке и не зависят от контекста. В связи с этим *процесс фразеологизации прецедентного феномена можно представить как процесс фиксации и кодификации его значения*. Проиллюстрируем процесс фразеологизации прецедентного феномена сначала на примерах, полученных от информантов. Данные примеры связаны с героями прецедентных художественных текстов и показывают один из способов развития процесса фразеологизации ПФ.

Популярные персонажи художественных книг с течением времени могут ассоциироваться с какой-то одной прецедентной ситуацией литературного

произведения. Часто причиной этому становится процесс реинтерпретации прецедентного феномена в других жанрах искусства. Воспроизведение имени героя художественного произведения в одной и той же определенной прецедентной ситуации вытесняет из коллективной памяти лингвокультурного сообщества другие ситуации, в которых данный герой фигурировал в произведении. Например, для прецедентного феномена, отсылающего к произведению Марка Твена «Приключения Тома Сойера», подобной ситуацией является покраска забора, перепорученная Томом Бекки Роджерс: *You do your own work, Sawyer. I won't paint your fences for you* (*Делай сам свою работу, Сойер. Я не собираюсь красить за тебя твои заборы*).

В приведенном примере носитель языка делает отсылку именно к этой части произведения, называя другого участника коммуникативного акта Сойером, указывая, видимо, на его желание переложить собственную работу на другого. Обращение к прецедентной ситуации в лингвокультуре может стать настолько частотным, что прецедентное имя, используемое для ее актуализации, может подвергнуться фразеологизации:

The secret of effective management is to pull a Tom Sawyer - convince people that doing work was their own idea (*Секрет эффективного управления заключается в том, чтобы вытянуть Тома Сойера – убедить людей в том, что выполнять работу было их собственной идеей*).

Выражение *to pull a Tom Sawyer* используется в приведенном примере в значении «путем обмана пытаться заставить человека выполнить какую-либо работу». Данное выражение снова отсылает к прецедентной ситуации покраски забора, описанной в книге Марка Твена. Необходимо отметить употребление в данном примере неопределенного артикля, который является показателем того, что имя собственное воспринимается как нарицательное, исчисляемое и в единственном числе (описываемая фраза в таком случае грамматически эквивалента выражению *to pull a trick*). Значение выражения адресант объясняет в предложении, что делает связь с прецедентным текстом минимальной.

Связь с текстом-первоисточником может оборваться полностью, и прецедентное имя станет фразеологическим оборотом. Например, в ходе настоящего исследования были зафиксированы случаи, когда прецедентное имя *Tom Sawyer* было использовано как полноценная предикативная единица: *I've got Tom Sawyered*. Данный пример является иллюстрацией типичного случая употребления рассматриваемого прецедентного феномена в зафиксированном значении, при этом имя собственное переходит в разряд глаголов с четко определяемым значением: to Tom Sawyer = to make somebody do your own work by means of deception. При этом употребление прецедентного имени в страдательном залоге акцентирует негативное воздействие, оказанное на субъект. Примеры употребления рассматриваемого прецедентного имени в данном значении и форме оказываются характерными для языка современной американской молодежи и подтверждены при верификации:

(1) Me: I got played by this guy pretending to be a hot chick, but I convinced him that I was leading him along the whole time instead.

Friend: You totally ***Tom Sawyered*** *that dumbass! [Urban Dictionary]*

(2) The Consort ***has Tom Sawyered*** *me and I'm more impressed than anything. [http://groupthink.kinja.com/tom-sawyered-1784190915]*

(3) I ***Tom-Sawyered*** *Elaina into chopping an onion for me. She used her lab goggles and a scarf to ward off tears [https://twitter.com/Popehat]*

Характерно, что подобные примеры, когда прецедентное имя приобретает фиксированное значение и употребляется в качестве предикативной единицы, в большей степени присущи английскому языку: *I couldn't decide who I wanted to spend time with, so I made them Hunger Games it for my attention* (*Я не могла решить, с кем мне хотелось бы провести время, поэтому я заставила их устроить Голодные игра за мое внимание*). В данном примере название фильма «The Hunger Games» (Голодные игры) употреблен в значении английского глагола «to fight» (сражаться). Подобная замена возможна благодаря сильному упрощению сюжета фильма, в котором группу подростков заставляют сражаться в своего рода Колизее.

Для русского языка ввиду типологических отличий подобное употребление прецедентных имен распространено не так широко, но и нельзя сказать, что оно невозможно: *Ты тут не тимати́ !* В данном примере прецедентное имя, отсылающее к известному рэп-исполнителю, употребляется в качестве глагола, который произносится с ударением на последний слог (такая заметка была оставлена респондентом, составившим это предложение). Успешность подобного употребления объясняется тем, что имя «Тимати» заканчивается на слог созвучный с типичным окончанием русского глагола, например *идти, расти, мести, цвести* и т.д. Так как ударение в этих глаголах падает на последний слог, то и в рассматриваемом примере перенос ударения делает прецедентное имя похожим на глагол. Эта схожесть позволяет избежать «ловушку флективного языка» и употребить имя существительное в качестве глагола. О значении прецедентного имени говорить сложно, так как употребление является однозначно окказиональным, а недостаточный контекст позволяет судить лишь о диффузной семантике прецедентного имени, которое представляется связанным с общей, как правило, негативной оценкой творчества певца (подробнее о коннотативных элементах значения прецедентных имен см. в параграфе 4.3 Главы 2 настоящей работы). В связи с этим можно предположить, что значение прецедентного феномена в этом предложении можно свести к «не говори ерунды».

Таким образом, процесс фразеологизации прецедентных феноменов затрагивает фиксацию их формы и значения. Утрата полисемии и фиксация лексико-грамматического контекста употребления приводит к превращению прецедентных феноменов во фразеологические единицы. Однако не стоит полагать, что прецедентный феномен, ставший источником фразеологической единицы, теряет свою актуальность в дискурсе носителей языка и перестает употребляться в различных лексико-грамматических контекстах в различных значениях. Разницу между прецедентным феноменом и фразеологической единицей можно проиллюстрировать следующими примерами:

(1) Манна небесная закончилась, посыпались камни с неба

(2) – Вы всё ещё надеетесь получить от него письмо? – Жду как манны небесной.

Первое предложение, заголовок электронной статьи, представляет собой употребление прецедентного феномена, отсылающего к тексту Библии. Отсылка к тексту Библии используется для создания эффекта метафоризации, скрытого сравнения, когда изменившуюся ситуации настоящей действительности (триумф от присоединения Крыма к России сменился решением бытовых проблем, связанных с нехваткой электричества и плохим качеством дорог) сравнивают с прецедентной ситуацией Ветхого Завета. Предложение (2) иллюстрирует использование фразеологической единицы, образовавшейся на основе прецедентного библейского текста. Рассматриваемый фразеологизм имеет четкую форму и значение. Для понимания смысла выражения носителю языка не требуется обращение к тексту-первоисточнику: его значение можно выразить нейтральными лексемами – «ожидать нечто с нетерпением и надеждой».

Близким понятием к фразеологическим единицам (ФЕ) и прецедентным феноменам является *крылатые слова*, которые обнаруживают определенные схожие признаки с ПФ и ФЕ. Крылатые слова очень похожи на прецедентные феномены: они также обнаруживают связь с текстом-первоисточником, функционал их оказывается также схожим. Однако прецедентные феномены – понятие гораздо более общее и широкое: один и тот же прецедентный феномен может быть выражен различными лексическими средствами, быть частью различных типов грамматического контекста и выражать различные значения. Крылатые слова обнаруживают меньшую связь с текстом-первоисточником, для того, чтобы понять их значение достаточно быть знакомым с коммуникативным контекстом их употребления. Таким образом, *крылатые слова можно считать прецедентными высказываниями, которые потеряли прочную связь с прецедентным текстом и употребляются в определенном коммуникативном контексте, закрепившемся в речевой традиции носителей языка*:

I would have thought there to be worse fates than this, but now I know there are none. ***Man is no island****. We need those who love us. We need those who hate us.*

Данный мини-контекст содержит пример употребления крылатого слова в языке американской молодежи. Выделенный фрагмент текста является измененной фразой из стихотворения известного английского поэта Джона Донна No Man Is An Island. Изменение фразы, скорее всего, обусловлено незнанием первоначальной, авторской формы, так как никаких других мотивов, заставивших автора изменить грамматическую конструкцию предложения, невозможно обнаружить. Таким образом, для носителя языка связь с прецедентным текстом стихотворения не является актуальной, а само прецедентное высказывание становится лишь известным выражением, крылатым словом, употребляемом в определенном контексте с определенным значением.

Помимо превращения прецедентных феноменов во фразеологические единицы и крылатые слова, был зафиксирован процесс стереотипизации прецедентных феноменов, который превращает их в речевые и коммуникативные стереотипы. Например, нами уже отмечалось превращение прецедентных феноменов в коммуникативные стереотипы на примере выражения «У Вас вся спина белая», которое впервые получило широкое распространение после опубликования романа И. Ильфы и Е. Петрова «Двенадцать стульев». В национальном корпусе русского языка было обнаружено несколько вхождений данной фразы, пик частотности которой приходится на 1930-е годы, как раз после опубликования романа. Данная фраза не зафиксирована до 1920 года. Ее первое упоминание относится к записным книжкам Ильфы и Петрова, откуда она и была перенесена в текст романа. На настоящий момент данное прецедентное высказывание для большинства носителей языка потеряло свою связь с текстом-первоисточником и используется в качестве коммуникативного стереотипа первоапрельской шутки. Таким образом, на основе зафиксированного в корпусе языкового материала можно говорить о проявлении процесса стереотипизации прецедентных феноменов, обусловленного утратой с течением времени связи с текстом-первоисточником.

Рассмотрим процесс стереотипизации на примерах, полученных от информантов в ходе эксперимента. Например, в результате настоящего

исследования было установлено, что при актуализации прецедентного текста или прецедентной ситуации посредством отсылки к действующим героям художественного произведения чаще всего используются грамматическая форма сравнительного оборота с союзом *как*:

(1) *Кто-то от работы бежит, а кто-то трудится, не покладая рук прямо* ***как папа Карло****;*

(2) Everyone was looking at my dirty shirt ***like I was Hester Prynne*** *(Все смотрели на мою грязную рубашку, будто я была Эстер Прин*[8]*).*

При таком употреблении актуализируется один единственный (чаще самый значимый) признак действующего героя. С течением времени подобные обороты могут приобрести стереотипизированное значение и стать речевым клише наподобие устойчивых сравнений: *белый как снег, голодный как волк, врет как сивый мерин* и др. Например, выражение *работать как папа Карло* приобретает подобное значение в современном русском языке. Процесс превращения прецедентного феномена в речевой стереотип, на наш взгляд, обусловлен наличием в концепте прецедентного феномена инвариантной части, которая отражает некое усредненное представление носителей языка о том или ином ПФ, что способствует использованию прецедентного феномена в качестве средства передачи устойчивого представления о той или иной ситуации действительности.

Подобные примеры употребления прецедентных феноменов, утративших свои прецедентные свойства, могут превратиться в устойчивые выражения, используемые в дискурсе носителями языка без какой-либо отсылки на текст-первоисточник:

(1) "I hate police brutality. I don't hate police. This violence is wrong on every level. It is ***as American as apple pie****, but wrong nonetheless," said Shaun White, a white man and another BLM leader who has been "identifying" as a black man for his adult life. («Я ненавижу жестокость полиции. Я не испытываю ненависти к самой полиции. Подобная жестокость неправомерна на любом уровне иерархии. Но она чисто американская так же, как и яблочный пирог, но тем не менее*

[8] Героиня романа Н. Готорна «Алая буква»

неправомерна», - сказал Шон Уайт, белый мужчина и один из лидеров движения «Черные жизни имеют значение», который «идентифицирует» себя темнокожим на протяжении своей взрослой жизни)

(2) Я уже говорил Вам, что поначалу я даже пытался расщепить сны на атомы, ***как завещал дядюшка Фрейд****. Не спорю, попытки мои неумелы.*

Таким образом, исследование показало, что в дискурсе современной молодежи можно отметить развитие двух трансформационных процессов: фразеологизации и стереотипизации прецедентных феноменов. Оба процесса приводят к фиксации лексико-грамматической формы прецедентных феноменов, кодификации их значения и утрате такого свойства, как референциальность, т.е. способности осуществлять отсылку на ранее созданный текст или событие прошлого.

Выводы к главе 3

1. При верификации результатов проведенного эксперимента в отношении лексико-грамматических контекстов употребления прецедентных феноменов в дискурсе американской и российской молодежи было выявлено два универсальных типа контекстов, общих как для английского, так и для русского языков. В предложениях, составленных информантами обеих групп, прецедентные феномены чаще всего реализуются в форме сравнительного оборота и в составе именного сказуемого. Употребление прецедентных феноменов в подобных типах грамматических контекстов обусловлено особенностями механизма непрямой номинации, характерного для ПФ.

2. Проведенное исследование на базе корпусов англо- и русскоязычных текстов позволило выявить несколько национально-специфичных типов контекстов употребления прецедентных феноменов. Для актуализации прецедентных ситуаций носители английского языка, как правило, используют сравнительные обороты со словами *in the way, as it happened to*, носители русского языка актуализируют прецедентные ситуации в форме составных именных сказуемых, содержащих указательную частицу *это*.

3. Несмотря на то, что прецедентные феномены могут реализовываться в различных лексико-грамматических контекстах, проявляя достаточно гибкую семантическую форму, в дискурсе носителей языка фиксации может подвергаться как план выражения, так и план содержания прецедентных феноменов, что может быть следствием одного из двух процессов: фразеологизации или стереотипизации. Утрата полисемии и фиксация лексико-грамматического контекста употребления приводит к превращению прецедентных феноменов во фразеологические единицы. Процесс стереотипизации сопровождается потерей такого свойства прецедентных феноменов, как референциальность, и приводит к превращению их в коммуникативный или речевой стереотип.

4. С течением времени прецедентные феномены могут превратиться в крылатые слова, которые так же, как и прецедентные феномены, обнаруживают связь с текстом-первоисточником, однако являются более узким понятием. Крылатые слова можно считать прецедентными высказываниями, которые потеряли прочную связь с прецедентным текстом и употребляются в определенном коммуникативном контексте, закрепившемся в дискурсивной традиции носителей языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее диссертационное исследование посвящено изучению лингвопрагматических особенностей употребления прецедентных феноменов в дискурсе современной американской и российской молодежи. В ходе работы для сбора языкового материала был проведен лингвистический эксперимент, основанный на методе полевой лингвистики. Результаты эксперимента были в последующем верифицированы на обширном текстовом материале. В конечном итоге результаты исследования позволили сделать ряд важных выводов о некоторых свойствах и о моделях употребления прецедентных феноменов в современном молодежном дискурсе.

Проведенное исследование позволило выявить некоторые основные способы актуализации прецедентных феноменов в дискурсе носителей языка. Были установлены универсальные механизмы «развертывания» прецедентных текстов через прецедентные ситуации. Введение прецедентной ситуации в коммуникативный акт осуществляется с помощью прецедентного высказывания или прецедентного имени. Таким образом, происходит двухуровневый процесс отсылки к прецедентному тексту 1) через выделяемую внутри него прецедентную ситуацию и 2) через прецедентное имя или высказывание, которые ее актуализируют.

Были также выявлены некоторые закономерности актуализации прецедентных феноменов согласно сферам-источникам. В частности, было установлено, что ПФ сферы-источника *литература* используются в дискурсе молодежи для актуализации определенной прецедентной ситуации прецедентного текста, в то время как ПФ сферы-источника *кино* актуализируются при использовании прецедентных высказываний известного кинофильма. Данная тенденция связана с особенностями организации текста. Текст художественного произведения представляет собой четко структурированный нарратив, в то время как текст кинофильма – постоянный диалог действующих персонажей. Представляется возможным объяснить данную тенденцию тем, что в концептосфере носителей языка среди прецедентных феноменов сферы-

источника *кино* преобладают прецедентные высказывания, в то время как среди прецедентных феноменов сферы-источника *литература* преобладают прецедентные ситуации.

Важным наблюдением работы представляется выявление способности современной молодежи давать отсылку не только к лингвистической содержательной стороне прецедентного текста, но и к сопутствующим экстралингвистическим медийным элементам, например, к визуальному ряду песенного прецедентного текста. Данное наблюдение свидетельствует о том, что в сознании языковой личности формируется не одно единичное представление о прецедентном феномене, но целый комплекс представлений, который может быть подкреплен невербально, а именно визуальными образами.

Считаем важным отметить, что подобные выводы стало возможным сделать благодаря новой методике изучения прецедентных феноменов, выработанной и примененной в настоящем диссертационном исследовании. Методы настоящего исследования предполагали работу непосредственно с носителями языка с целью получения от них языкового материала. Работа проходила в несколько этапов и подразумевала проведение интервью и онлайн-анкетирования, которым предварял этап работы с текстами виртуального дискурса. Для анализа языкового материала была применена методика дискурса-анализа прецедентных феноменов согласно разработанной нами модели, которая была направлена на комплексное исследование дискурсивного контекста.

Данная модель дискурс-анализа, сочетающая в себе элементы когнитивной лингвистики, позволила выявить некоторые особенности полисемии прецедентных феноменов, общие как для американского, так и для российского молодежного дискурса. Причины многозначности прецедентных феноменов, в первую очередь, объясняются в настоящей работе особенностями структуры их концептов, которые включают инвариантную и вариативную части. Инвариантная часть составляет ядерную и околоядерную зоны концепта любого прецедентного феномена и отражает обобщенные представления лингвокультурного сообщества об этом прецедентном феномене. Подобных представлений может оказаться

несколько, и все они равнозначны и могут проявляться в различных контекстах, что и обусловливает наличие полисемии прецедентных феноменов. Вариативная часть концепта ПФ отражает индивидуальный опыт и представления языковой личности о прецедентном феномене и увеличивает количество значения ПФ и количество контекстов, в которых прецедентный феномен может употребляться, что расширяет семантическое наполнение концепта прецедентного феномена.

Семантическое декодирование исследованных в работе прецедентных феноменов выявило наличие у них коннотативной окраски. В работе предпринята попытка объяснить условия приобретения прецедентными феноменами коннотативной окраски на примерах прецедентных имен, отсылающих к известным музыкальным исполнителям американского и российского лингвокультурных сообществ. В результате проведенного исследования нашло подтверждение предположение о том, что приобретение коннотативной окраски прецедентными феноменами в первую очередь связано с оценкой конкретного референта или события прошлого. Накопление положительных или отрицательных впечатлений и мнений о поведении или деятельности прецедентной личности, о последствиях прецедентной ситуации, о качестве прецедентного текста обусловливает закрепление положительной или отрицательной коннотативной окраски прецедентного феномена и употребления его в качестве положительного или отрицательного эталона соответственно.

Проведенный дискурс-анализ языкового материала позволил установить, что многие предложения, составленные информантами, содержали одинаковые грамматические конструкции, помимо этого, близкое лексическое окружение прецедентных феноменов также совпадало вне зависимости от пола, возраста и уровня образования носителей языка. На основе полученных результатов было выдвинуто предположение о наличии определенных лексико-грамматических контекстов употребления прецедентных феноменов. Достоверность данного предположения была верифицирована на обширном текстовом материале, подвергнутом комплексному анализу. В результате исследования удалось выявить два типа универсальных контекстов употребления прецедентных

феноменов в дискурсе современной американской и российской молодежи, а именно, прецедентные феномены чаще всего реализуются в форме сравнительного оборота и в составе именного сказуемого. Распространенность данных типов контекстов объясняется в настоящем диссертационном сочинении механизмом непрямой номинации, который подразумевает обращение к некому трансцендентному референту, отсутствующему при протекании конкретного коммуникативного акта.

Несомненно важным открытием работы представляется выявление процессов преобразования прецедентных феноменов с течением времени во фразеологические единицы и речевые стереотипы. Данные процессы в настоящей работе трактовались как трансформационные процессы фразеологизации и стереотипизации. Утрата полисемии и фиксация лексико-грамматического контекста употребления прецедентных феноменов приводит к превращению их во фразеологические единицы. Процесс стереотипизации сопровождается потерей такого свойства прецедентных феноменов, как референциальность, и приводит к превращению их в коммуникативный или речевой стереотип. Выявление подобных процессов говорит о наличии серьезных диахронических процессов преобразования прецедентных феноменов.

Изучение подобных диахронических процессов видится перспективным направлением будущих исследований. Как нам представляется, анализ подобного рода процессов смог бы уточнить место прецедентных феноменов в системе языка, прояснить их отношения с другими языковыми единицами такими как фразеологические единицы, крылатые слова, устойчивые словосочетания и сравнения.

Кроме этого другой перспективой исследования видится применение разработанной методики изучения прецедентных феноменов на других вариантах английского языка и на других языках вообще. Применение подобной методики смогло бы комплексно осветить лингвокультурные особенности концептосфер носителей этих языков.

Наконец, результаты настоящего исследования позволили с уверенностью говорить, что прецедентные феномены функционируют не только на уровне больших национальных лингвокультурных групп, но и на уровне малых социальных коллективов. Считаем, что полученные данные заставляют взглянуть на вопросы уровней и иерархии прецедентных феноменов более пристально, что может стать предметом будущего исследования явления прецедентности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алферов А. В., Кустова Е. Ю. О дискурсивном статусе и категориях парламентской коммуникации : подходы к исследованию / А. В. Алферов, Е. Ю. Кустова // Политическая лингвистика. – 2014. – № 3. – С. 24–32.
2. Андреева В. А. Литературный нарратив : текст и дискурс / В. А. Андреева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2007. – № 46. – Т. 9. – С. 61–71.
3. Анри П. Относительные конструкции как связующие элементы дискурса / П. Анри // Квадратура смысла : французская школа анализа дискурса : сб. статей. – М. : ОАО ИГ «Прогресс», 1999. – 416 с.
4. Артемова О. Е. Лингвокультурная специфика текстов прецедентного жанра «лимерик» : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Артемова Ольга Евгеньевна. – Уфа, 2004. – 257 с.
5. Арутюнова Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 136–137.
6. Балашова Л. В. Литературные и публицистические прецедентные феномены в современном сленге / Л. В. Балашова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2010. – № 2. – С. 30–35.
7. Балашова Л. В. Прецедентные феномены политического дискурса в современных русских социолектах / Л. В. Балашова // Политическая лингвистика. – 2011. – № 4. – С. 34–42.
8. Банникова С. В. Прецедентные феномены в рамках диахронических исследований (на примере прецедентного феномена «Чернобыль») / С. В. Банникова // Социально-экономические явления и процессы. – 2011. – № 7 (29). – С. 230–233.
9. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику / А. Н. Баранов. – изд. 4, испр. и доп. – М. : URSS, 2013. – 368 с.

10. Барт Р. Лингвистика текста / Р. Барт // Новое в зарубежной лингвистике. – 1978. – Вып. 8. – С. 442–462.
11. Барт Р. Избранные работы : Семиотика. Поэтика. / Р. Барт. – М. : Прогресс, Универс, 1994. – 616 с.
12. Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. / Бахтин Михаил Михайлович. – М. : Языки славянских культур, 2012. – 3 т.
13. Безбородова В. А. Прецедентные феномены политического дискурса Барака Обамы во внеэлекторальный период / В. А. Безбородова // Россия в новых социально-экономических и политических реалиях: проблемы перспективы развития : Материалы IV Международной межвузовской научно-практической конференции студентов и магистратуры (под ред. Т. Г. Тумаровой, Н. М. Фомичевой, И. И. Добрососедовой). – 2015. – С. 297–298.
14. Белановский С. А. Индивидуальное глубокое интервью : учебное пособие / С. А. Белановский. – М. : Никколо-Медиа, 2001. – 320 с.
15. Беллерт И. Об одном условии связности текста / И. Беллерт // Новое в зарубежной лингвистике. – 1978. – Вып. 8. – С. 172–207.
16. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – 3-е изд. – М. : Эдиториал УРСС, 2009. – 448 с.
17. Бирюкова Н. С. О типах прецедентных феноменов / Н. С. Бирюкова // Политическая лингвистика. – 2005. – № 15. – С. 60–66.
18. Богданов В. В. Текст и текстовое общение / В. В. Богданов. – СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет, 1993. – 68 с.
19. Богин Г. И. Концепция языковой личности : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Богин Георгий Исаевич. – Л., 1982. – 31 с.
20. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию в 2-х т. / И. А. Бодуэн де Куртенэ. – М. : Изд-во АН СССР, 1963.
21. Бондарь М. П. Текст и интертекст [Электронный ресурс] / М. П. Бондарь // Языковые антиномии и парадоксы. – 2006. – Режим доступа : http://www.pws-conf.ru/nauchnaya/lss-2006/374-yazykovye-antinomii-i-paradoksy/8227-tekst-i-intertekst tekst-i-intertekst.html.

22. Борботько В. Г. Принципы формирования дискурса : от психолингвистики к лингвосинергетике / В. Г. Борботько. – 4-е изд. – М. : Либроком, 2011. – 288 с.
23. Боярских О. С. Прецедентные феномены со сферой-источником «Литература» в дискурсе российских печатных СМИ (2004—2007 гг.) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Боярских Оксана Сергеевна. – Нижний Тагил, 2008. – 230 с.
24. Буланкова С. В. Воплощение образа автора в автопрецедентных компаративных конструкциях (на материале романа В. Набокова «Дар») / С. В. Буланкова // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. – 2012. – № 4 (22). – С. 286–291.
25. Бурдье П. Практический смысл / П. Бурдье. – СПб. : Алетейя, 2001. – 562 с.
26. Бушуева Л. А. Фреймовый анализ фрагмента словообразовательного гнезда, семантически связанного с именем поступка «благодеяние» / Л. А. Бушуева // Известия Саратовского университета. Новая серия: Филология. Журналистика. 2016. – Т. 16, вып. №1. – С. 27–30.
27. Былевский В. П. Функции прецедентных феноменов (дьянгу) в текстах СМИ КНР [Электронный ресурс] / В. П. Былевский // Медиаскоп. – 2015. – № 3. – Режим доступа: http://www.mediascope.ru/?q=node/1817.
28. Васильев А. Д. Интертекстуальность и прецедентные феномены : учебное пособие / А. Д. Васильев. – М. : ФЛИНТА, 2013. – 342 с.
29. Васильева Н. В. Краткий словарь лингвистических терминов / Н. В. Васильева, В. А. Виноградов, А. М. Шахнарович / Отв. ред. чл.-корр. РАН Ю. Н. Караулов. – М. : Рус. яз., 1996. – 175 с.
30. Василюк И. П. Лингвокультурологическое исследование национальной (русской) языковой личности : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Василюк Игорь Петрович. – М., 2004. – 202 с.
31. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. / А. Вежбицкая. – М. : Русские словари, 1996. – 416 с.
32. Виноградов В. В. Избранные труды. О языке художественной прозы / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1980. – 360 с.

33. Винокур Г. О. Об изучении языка художественных произведений. Избранные работы по русскому языку / Г. О. Винокур. – М. : Учпедгиз, 1959. – С. 229–259.
34. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения / Т. Г. Винокур. – М. : Наука, 1993. – 172 с.
35. Водак Р. Критическая лингвистика и критический анализ дискурса [Электронный ресурс] / Р. Водак. – 2011. – Режим доступа : http://journals.uspu.ru/i/inst/ling/ling38/ling38_48.pdf.
36. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт : становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.
37. Ворожцова О. А. Прецедентные феномены в российском и американском предвыборном президентском дискурсе 2004 года / О. А. Ворожцова // Политическая лингвистика. – 2007. – № 23. – С. 69-73.
38. Ворожцова О. А., Зайцева А. Б. Прецедентные имена в российской и американской печати / О. А. Ворожцова, А. Б. Зайцева // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2006. – № 20. – С. 222–229.
39. Воронов Ю. П. Методы сбора информации в социологическом исследовании / Ю. П. Воронов. – М. : Статистика, 1974. – 158 с.
40. Воропаев Н. Н. Прецедентные имена и другие прецедентные феномены в китайскоязычном политическом дискурсе / Н. Н. Воропаев // Политическая лингвистика. – 2011. – № 1. – С. 119–125.
41. Выготский Л. С. Мышление и речь. Психика, сознание, бессознательное / Л. С. Выготский. – М. : Лабиринт, 2001. – 366 с.
42. Газизова Л. Г. Прецедентные феномены в иноязычном рекламном дискурсе / Л. Г. Газизова // Актуальные вопросы иберо-романского языкознания : Материалы российской конференции с международным участием (составители: Колабинова Т. И., Газизова Л. Г.). – 2015. – С. 42–47.
43. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – 7-е изд. – М. : URSS, 2009. – 144 с.

44. Гаспаров Б. М. Устная речь как семиотический объект / Б. М. Гаспаров // Ученые записки Тартуского университета. – 1978. – Вып. 442. – С. 63–112.
45. Георгиева Н. Ю. Адаптивные стратегии трансляции темпоральных смыслов (на материале англоязычного и русскоязычного делового дискурса) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Георгиева Наталия Юрьевна. – Тюмень, 2013. – 24 с.
46. Гиймоу Ж., Мальдидье Д. О новых приемах интерпретации, или проблема смысла с точки зрения анализа дискурса / Ж. Гиймоу, Д. Мальдиье // Квадратура смысла : французская школа анализа дискурса : сб. статей. – М. : ОАО ИГ «Прогресс», 1999. – С. 124–133.
47. Гиндин С. И. Внутренняя организация текста (элементы теории и семантический анализ) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Гиндин Сергей Иосифиевич. – М., 1972. – 23 с.
48. Головина Е. А. Функционирование пространственно-временных моделей в драматическом дискурсе : на материале пьес А. П. Чехова и Д. Б. Пристли : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Головина Екатерина Анатольевна. – Тюмень, 2006. – 156 с.
49. Голубева Н. А. Слово. Текст. Дискурс. Прецедентные единицы : монография / Н. А. Голубева. – Нижний Новгород : НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2009. – 401 с.
50. Гольдин В. Е., Сдобнова А. П. Языковое сознание школьников в современной коммуникативной ситуации / В. Е. Гольдин, А. П. Сдобнова // Проблемы речевой коммуникации. – 2000. – С. 133–141.
51. Горшков А. И. Русская стилистика. Стилистика текста – функциональная стилистика / А. И. Горшков. – М. : Астрель, 2006. – 368 с.
52. Грайс Г. П. Логика и речевое общение / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. – 1985. – Вып. 16. – С. 217–237.
53. Греймас А. Ж. Структурная семантика : Поиск метода / А. Ж. Греймас. – М. : Академический проект, 2004. – 368 с.

54. Греймас А. Ж., Курте Ж. Семиотика. Объяснительный словарь теории языка (сб. переводов) / А. Ж. Греймас, Ж. Курте. – М. : Радуга, 1983. – С. 483–550.
55. Гриценко Л. М. Особенности функционирования прецедентных текстов в чат-коммуникации / Л. М. Гриценко // Язык и культура. – 2009. – № 3 (7). – С. 10–19.
56. Гришаева Л. И. Прецедентные феномены как культурные скрепы (к типологии прецедентных феноменов) / Л. И. Гришаева // Феномен прецедентности и преемственности культур. – 2004. – С. 15–46.
57. Гришаева Л. И. Комплекс медиатекстов как особое текстосинтаксическое образование? / Л. И. Гришаева // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации: Материалы докладов VIII Международной конференции «Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации» (25-26 февраля 2016 года). – 2016. – С. 48–55.
58. Гудков Д. Б. Прецедентные феномены в языковом сознании и коммуникации : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Гудков Дмитрий Борисович. – М., 1999. – 400 с.
59. Гудков Д. Б., Красных В. В., Захаренко И. В., Багаева Д. В. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний / Д. Б. Гудков, В. В. Красных, И. В. Захаренко, Д. В. Багаева // Вестник МГУ. – 1997. – № 4. – С. 84.
60. Гуляр Т. Б. Побудительный дискурс / Т. Б. Гуляр // Коммуникативно-функциональный аспект языковых единиц : сб. науч. тр. / отв. ред. Л. П. Рыжова. – 1993. – С. 37–43.
61. Гуц Е. Н. Современные студент в зеркале ассоциативного эксперимента / Е. Н. Гуц // Язык в пространстве речевых культур: к 80-летию В. Е. Гольдина. – 2015. – С. 192 – 200.
62. Данюшина Ю. В. Бизнес-дискурс : термин, типология, анализ / Ю. В. Данюшина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2010. – № 2. – Т. 46. – С. 48–52.

63. Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. / Т. А. ван Дейк. – М. : Прогресс, 1989. – 312 с.
64. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация : монография / В. В. Дементьев. – М. : Гнозис, 2006. – 376 с.
65. Демьянков В. З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка / В. З. Демьянков // Вопросы филологии. – 2007. – № S. – С. 86–95.
66. Долевец С. Н. Об иерархии прецедентных феноменов в сознании языковой личности / С. Н. Долевец // Политическая лингвистика. – 2005. – № 16. – С. 145–149.
67. Должикова С. Н. Прецедентные феномены в английском языке / С. Н. Должикова // Научно-практический журнал Краснодарского филиала РГТЭУ : «Сфера услуг: инновации и качество». – 2011. – Вып. № 2. – С. 18–27.
68. Драпалюк А. С. Прецедентные феномены как один из способов интеллектуализации газетного текста : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Драпалюк Анна Сергеевна. – Саратов, 2010. – 300 с.
69. Дубовская О. Г. Изучение дискурса с точки зрения социокультурного подхода / О. Г. Дубовская // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации: Материалы докладов VIII Международной конференции «Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации» (25-26 февраля 2016 года). – 2016. – С. 238 – 244.
70. Дюбуа Ж., Эделин Ф., Клинкенберг Ж.-М., Мэнге Ф., Пир Ф., Тритон А. Общая риторика / Ж. Дюбуа, Ф. Эделин, Ж.-М. Клинкенберг, Ф. Мэнге, Ф. Пир, А. Тритон. – М. : КомКнига, 2006. – 360 с.
71. Дюжева М. Б. Прецедентность как ключевое понятие лингвокультурологии / М. Б. Дюжева // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2009. – № 3–2. – С. 52–55.
72. Евтюгина А. А. Функционирование прецедентных феноменов в политическом дискурсе российских СМИ / А. А. Евтюгина // Политический дискурс России. – 2000. – Вып. 4. – С. 16–22.

73. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – изд. 5-е испр. и доп. – Назрань : ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
74. Журавлева И. В. Об использовании основных типов интервью в практике социологических исследований / И. В. Журавлева // Вопросы методики и техники социологических исследований. – 1975. – С. 92–103.
75. Завьялова Г. А. Особенности функционирования прецедентных феноменов в детективном дискурсе : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Завьялова Галина Александровна. – Кемерово, 2014. – 185 с.
76. Зарайский А. А. Из истории лингвистических учений: этнографический анализ языка в учении Б. Малиновского / А. А. Зарайский // Язык. Социум. Культура – 2016. – С. 27–31.
77. Захаренко И. В. К вопросу о каноне и эталоне в сфере прецедентных феноменов / И. В. Захаренко // Язык, сознание, коммуникация. – 1997. – Вып. 1. – С. 107.
78. Захаренко И. В., Красных В. В., Гудков Д. Б., Багаева Д. В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудков, Д. В. Багаева // Язык, сознание, коммуникация. – 1997. – Вып. 1. – С. 93.
79. Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи / В. А. Звегинцев. – М. : Изд-во Московского университета, 1976. – 308 с.
80. Золян С. Языковые функции : возможные расширения модели Романа Якобсона / С. Золян // Роман Якобсон : Тексты, документы, исследования. – 1999. – С. 638–648.
81. Иванов А. Г., Михалькова Е. В., Школенко А. С. Терминологическое обоснование понятий «идея», «ценность», «норма» в критическом дискурс-анализе / А. Г. Иванов, Е. В. Михалькова, А. С. Школенко // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2012. – № 10. – С. 101–105.

82. Иванченко А. И. Дискурс как реализация коммуникативных намерений в различных ситуациях общения / А. И. Иванченко // Иностранные языки в школе – 2009. – № 1. – С. 13–17.
83. Ильинский И. М. Образование. Молодежь. Человек : (статьи, интервью, выступления). – Кн. 2. – М. : Изд-во МосГУ, 2009. – 530 с.
84. Ильичева И. Л. Специфика лингвокультурного кода в СМИ / И. Л. Ильичева // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации: Материалы докладов VIII Международной конференции «Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации» (25-26 февраля 2016 года). – 2016. – С. 78–82.
85. Иноземцева Н. В. Прецедентные феномены как лингвистические маркеры заголовков англоязычных поэтических произведений для детей / Н. В. Иноземцева // Вестник ОГУ. – 2012. – № 11 (147). – С. 84–88.
86. Карасик, В.И. О типах дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. – 2000. – С. 5–20.
87. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс : монография / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
88. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – 7-е изд. – М. : Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.
89. Карташова Е. П., Иерусалимская А. А. Прецедентные феномены как стилистический прием создания экспрессии в Интернет-коммуникации / Е. П. Карташова, А. А. Иерусалимская // Филология и культура. – 2015. – № 2 (40). – С. 53–58.
90. Кибрик А. Е. Методика полевых исследований / А. Е. Кибрик. – М. : МГУ, 1972. – 182 с.
91. Киров Е. Ф. Цепь событий – дискурс/текст – концепт / Е. Ф. Киров // Актуальные проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации. Лингводидактические аспекты МК : материалы науч. сессии фак-та ЛиМК ВолГУ. – Волгоград, апрель 2003 : сб. науч. ст. – 2004. – Вып. 2. – С. 29–41.
92. Ковтунова И. И. Поэтическая речь как форма коммуникации / И. И. Ковтунова // Вопросы языкознания. – 1986. – № 1. – С. 3–13.

93. Кожемякин Е. А. Дискурс-анализ в современном социально-гуманитарном знании / Е. А. Кожемякин // Человек. Сообщество. Управление. – 2006. – № 3. – С. 25–39.

94. Кожемякин Е. А. Дискурс-анализ как междисциплинарная методология : исторический аспект / Е. А. Кожемякин // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия : Гуманитарные науки. – 2008. – № 2. – Т. 15. – С. 5–12.

95. Кожина М. Н. Дискурсивный анализ и функциональная стилистика с речеведческих позиций / М. Н. Кожина // Текст – Дискурс – Стиль. – 2004. – С. 9–32.

96. Коновалова Д. Г. Прецедентные феномены как средство экспрессии контаминации элементов различных дискурсов (на материале виртуального дискурса) / Д. Г. Коновалова // Апробация. – 2015. – № 7 (34). – С. 68–70.

97. Косарев М. И. Прецедентные феномены с субсферой-источником «киноэкшен» в политической коммуникации Германии / М. И. Косарев // Политическая лингвистика. – 2007. – Вып. 2 (22). – С. 25–32.

98. Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д. Как тексты становятся прецедентными / В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова // Русский язык за рубежом. – 1994. – № 1. – С. 73–76.

99. Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д. Понятие логоэпистем / В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова // Россия и Запад: диалог культур. – 1999. – Вып. 2. – С. 274–289.

100. Кочеткова Т. В. Проблема изучения языковой личности носителя элитарной речевой культуры (обзор) / Т. В. Кочеткова // Вопросы стилистики. Язык и человек. – 1996. – Вып. 26. – С. 14–25.

101. Красных В. В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований / В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникация. – 1997. – Вып. 2. – С. 5.

102. Красных В. В. Структура коммуникации в свете лингвокогнитивного подхода (коммуникативный акт, дискурс, текст) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Красных Виктория Владимировна. – М., 1999. – 72 с.

103. Кремнева А. В. Функционирование библейского мифа как прецедентного текста (на материале произведений Дж. Стейнбека) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Кремнева Анна Валерьевна. – Барнаул, 1999. – 24 с.

104. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Ю. Кристева // Диалог. Карнавал. Хронотоп. – 1993. – № 4. – С. 427–457.

105. Крючкова О. Ю., Гольдин В. Е. Принципы расшифровки и формы представления текстов в электронном диалектом корпусе / О. Ю. Крючкова, В. Е. Гольдин // Актуальные проблемы русской диалектологии. – 2015. – С. 130 – 132.

106. Кубрякова Е. С. О тексте и критериях его определения / Е. С. Кубрякова // Текст. Структура и семантика. – 2001. – Т. 1. – С. 72–81.

107. Кузьмина Н. А. Интертекстуальность и прецедентность как базовые когнитивные категории медиадискурса [Электронный ресурс] / Н. А. Кузьмина // Медиаскоп. – 2011. – № 1. – Режим доступа: http://www.mediascope.ru/?q=node/755.

108. Кулакова О. К. Дракон как универсальный прецедентный феномен в авторской картине мира / О. К. Кулакова // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Серия: Филология. – 2010. – № 4 (12). – С. 105–110.

109. Куртин Ж.-Ж. Шапка Клементиса (заметки о памяти и забвении в политическом дискурсе) / Ж.-Ж. Куртин // Квадратура смысла : французская школа анализа дискурса : сб. статей. – М. : ОАО ИГ «Прогресс», 1999. – С. 95–105.

110. Кушнерук С. Л. Прецедентные имена как символы прецедентных феноменов в рекламных дискурсах России и США / С. Л. Кушнерук // Политичексая лингвистика. – 2005. – № 16. – С. 182–189.

111. Кушнерук С. Л. Использование прецедентных феноменов для ситуативного промоушена в российской печатной рекламе / Кушнерук С. Л. // Политическая лингвистика. – 2006. – Вып. 20. – С. 198–204.

112. Латышева В. Л. Национальные прецедентные феномены как элементы ассоциативного тезауруса русского и французского языков (по данным экспериментального исследования) / В. Л. Латышева // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2010. – № 4 (12). – С. 110–118.

113. Левина Г. М. Обучение иностранцев русскому инженерному дискурсу как одной из составляющих профессионального образования в российских технических вузах : дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.02 / Левина Галина Михайловна. – М., 2004. – 369 с.

114. Леви-Стросс К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с.

115. Леонтович О. А. Метод дискурс-анализа / О. А. Леонтович // Дискурс-Пи. – 2015. – № 2. – Т. 12. – С. 185–187.

116. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Известия РАН. Серия литература и языки. – 1993. – Т. 52. – № 1. – С. 3–9.

117. Лотман Ю. Н. Семиотика культуры и понятие текста: Избранные статьи. Т. 1. / Ю. Н. Лотман. – Таллинн : Александра, 1992. – С. 129–132.

118. Лурия А. Р. Лекции по общей психологии / А. Р. Лурия. – СПб. : Питер, 2006. – 320 с.

119. Макаров В. И. Субстантивные фразеологизмы и прецедентные имена / В. И. Макаров // Вестник Новгородского государственного университета. – 2009. – № 51. – С. 73–76.

120. Макаров М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М. : Гнозис, 2003. – 280 с.

121. Манцуров Д. Сегодня наступает завтра / Д. Манцуров // Интернет-журнал «Пролог». – 2015. – Режим доступа : http://www.ijp.ru/razd/pr.php?failp=15800501624.

122. Меретукова З. Б., Ландер Ю. А. Полевое исследование языка : свидетельство информанта / З. Б. Меретукова, Ю. А. Ландер // Полевые

исследования студентов РГГУ : Этнология, фольклористика, лингвистика, регионоведение. – 2012. – Вып. VII. – С. 266–270.

123. Милевская Т. В. Связность как категория дискурса и текста (когнитивно-функциональный и коммуникативно-прагматический аспекты) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / 10.02.01 / Милевская Татьяна Валентиновна. – Ростов-на-Дону, 2003. – 390 с.

124. Миловидов В. А. От семиотики текста к семиотике дискурса / В. А. Миловидов. – М., Берлин : Директ-Медиа, 2015. – 129 с.

125. Михалькова Е. В. Прагматика и семантика инвективы в массмедийном дискурсе (на материале русских и американских комедийных телешоу) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Михалькова Елена Владимировна. – Тюмень, 2009. – 23 с.

126. Мокшанцев Р. И. Психология рекламы : учебное пособие / Р. И. Мокшанцев. – М., Новосибирск : Инфра-М, Сибирское соглашение, 2009. – 230 с.

127. Москальская О. И. Текст как лингвистическое понятие / О. И. Москальская // Иностранные языки в школе. – 1978. – № 3. – С. 9–17.

128. Моташкова С. В. Феномен итертекстуальности: итоги и проблемы исследования / С. В. Моташкова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2011. – № 2. – С. 19–23.

129. Музычук Т. Л. Невербальная составляющая дискурса персонажа в модели и языковой репрезентации : дис. ... д-ра. филол. наук : 10.02.01 / Музычук Татьяна Леонидовна. – М., 2013. – 382 с.

130. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в президентском дискурсе / Е. А. Нахимова // Политическая лингвистика. – 2007. – Вып. 2. – С. 44–48.

131. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации : монография / Е. А. Нахимова. – Екатеринбург : УрГПУ, 2007. – 207 с.

132. Николаева Т. М. От звука к тексту / Т. М. Николаева. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 680 с.

133. Озерова Е. Г. Кластерное моделирование интертекстуальности поэтической прозы / Е. Г. Озерова // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – 2011. – №6. – С. 74–81.

134. Орлова Н. М. Библейский текст как прецедентный феномен : дисс. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Орлова Надежда Михайловна. – Саратов, 2010. – 549 с.

135. Осипов Г. А. Взгляды и тенденции в современной теории дискурса / Г. А. Осипов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2 : Филология и искусствоведение. – 2011. – № 1. – С. 125–128.

136. Островская Т. А. Дискурс элиты : когнитивный, прагматический, и семиотический аспекты : автореф. дисс. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Островская Татьяна Александровна. – Майкоп, 2016. – 49 с.

137. Откупщикова М. И. Синтаксис связного текста / М. И. Откупщикова. – Л. : Ленинградский университет, 1982. – 103 с.

138. Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке, Семантика нарратива) / Е. В. Падучева. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 464 с.

139. Петрова Н. В. Эволюция понятия прецедентный текст / Н. В. Петрова // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2010. – Вып. 2(10). – С. 181.

140. Попова Е. Ю. Прецедентные феномены в современном художественном дискурсе (на материале романов В. Пелевина «Generation “П”» и «Числа») : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Попова Евгения Юрьевна. – Саратов, 2012. – 22 с.

141. Потебня А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня. – М. : Лабиринт, 1999. – 300 с.

142. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки / В. Я. Пропп. – М. : Лабиринт, 2001. – 192 с.

143. Привалова И. В. Построение типологии национально-маркированных языковых единиц / И. В. Привалова // Вопросы психолингвистики. – 2003. – № 1. – С. 95–101.

144. Привалова И. В. Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации) / И. В. Привалова. – М. : Гнозис, 2005. – 472 с.

145. Привалова И. В. Языковое сознание: этнокультурная маркированность (теоретико-экспериментальное исследование) : дисс. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Ирина Владимировна Привалова. – М., 2006. – 486 с.

146. Привалова И. В. Прецедентные высказывания как одна из лингвокультурных трудностей при переводе англоязычных текстов / И. В. Привалова // Язык и мир изучаемого языка. – 2012. – № 3. – С. 63-73.

147. Привалова И. В. Психолингвистика и современная коммуникативистика / И. В. Привалова // Проблемы информационного общества и прикладная психолингвистика: Материалы X международного конгресса Международного общества по прикладной психолингвистике. Институт языкознания РАН, Российский университет дружбы народов, Московский институт лингвистики. – 2013. – С. 64 – 65.

148. Проскурина А. А. Прецедентные тексты в англоязычном юмористическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Проскурина Анна Александровна. – Самара, 2004. – 203 с.

149. Прохоров Ю. Е. Коммуникативное пространство языковой личности в национально-культурном аспекте / Ю. Е. Прохоров // Язык, сознание, коммуникация. – 1999. – Вып. 8. – С. 52–63.

150. Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев / Ю. Е. Прохоров. – 5-е изд. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 224 с.

151. Пугина Е. И. Применение критического дискурс-анализа в исследованиях новых религиозных движений / Е. И. Пугина // Вестник Нижегородского

университета им. Н. И. Лобачевского. Серия *Социальные науки*. – 2011. – № 4 (24). – С. 48–52.

152. Путрова М. Д. Паремии в межкультурном диалоге / М. Д. Путрова // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации: Материалы докладов VIII Международной конференции «Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации» (25-26 февраля 2016 года). – 2016. – С. 168 – 172.

153. Распаева Г. Д. Прецедентные феномены с мегасферой-источником «христианская религия» в произведения Л.Н. Толстого и их переводах на английский язык : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Распаева Гульжан Джамбуловна. – Челябинск, 2013. – 225 с.

154. Реброва И. В. Литературно-критический дискурс русской эмиграции первой волны : берлинская газета «Руль» начала 20-х годов XX столетия / И.В. Реброва. – Saarbrücken : LAP Lambert Academic Publishing, 2013. – 232 с.

155. Реферовская Е. А. Коммуникативная структура текста в лексико-грамматическом аспекте / Е. А. Реферовская. – 2-е изд., испр. – М. : Эдиториал УРСС, 2007. – 168 с.

156. Рогозина Л. Э. О людической функции прецедентного имени (на материале французского языка) / Л. Э. Рогозина // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков : Материалы международной научно-практической Интернет-конференции (1–30 ноября 2009 г.) / отв. ред. Ю. Н. Тамберг. – 2010. – С. 72–79.

157. Родионова Т. В., Привалова И. В. Ассоциативный эксперимент как один из приемов исследования языкового сознания медиков / Т. В. Родионова, И. В. Привалова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2015. – Т. 15. – № 2. – С. 13-17.

158. Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь. / И. С. Брилева, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных. – Вып. 1. – М. : Гнозис, 2004. – 318 с.

159. Рядовая Н. С. Сопоставительный анализ аргументативных стратегий политического дискурса в кризисной ситуации : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Рядовая Наталья Сергеевна. – Омск, 2013. – 165 с.

160. Сакс Х., Щеглофф Э. А., Джефферсон Г. Простейшая семантика организации очередности в разговоре / Х. Сакс, Э. А. Щеглофф, Г. Джефферсон // Социологическое обозрение. – 2015. – Т. 14. – № 1. – С. 142–202.

161. Сарна А. Я. Дискурс-анализ. Гуманитарная энциклопедия [Электронный ресурс] / А. Я. Сарна. – 2015. – Режим доступа : http://gtmarket.ru/concepts/7232.

162. Сдобнова А. П. Прецедентные феномены в ассоциативном словаре школьников / А. П. Сдобнова // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты. – 2004. – С. 227–239.

163. Сдобнова А. П. Нулевые ассоциативные реакции как показатель степени освоенности слова / А. П. Сдобнова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2015. – Т. 15. – № 3. – С. 17 – 23.

164. Седов К. Ф. Дискурс и личность : эволюция коммуникативной компетенции / К. Ф. Седов. – М. : Лабиринт, 2004. – 320 с.

165. Селезнева Л. В. Исследование дискурса в современной лингвистике : опыт, направления, проблемы / Л. В. Селезнева // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. – 2011. – № 4. – Т. 8. – С. 119–124.

166. Сергеева А. С. Жанрово-тематическая структура дискурсивного поля организации : дис. ... канд. псих. наук : 19.00.03 / Сергеева Анастасия Сергеевна. – СПб., 2012. – 310 с.

167. Серио П. Как читают тексты во Франции. Вступительная статья / П. Серио // Квадратура смысла : французская школа анализа дискурса : сб. статей. – М. : ОАО ИГ «Прогресс», 1999. – С. 12–53.

168. Серио П. Анализ дискурса во Французской школе / П. Серио // Семиотика : антология (сб. науч. ст.). – М., Екатеринбург : Академический проект, 2001. – С. 549–562.

169. Сёрль Дж. Р. Что такое речевой акт ? / Дж. Р. Сёрль // Новое в зарубежной лингвистике. – 1986. – Вып. 17. – С. 151–169.

170. Сидоренко К. П. Интертекстовые связи пушкинского слова : монография / К. П. Сидоренко. – СПб : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1999. – 253 с.

171. Сиротинина О. Б. Языковая личность и факторы, влияющие на ее становление / О. Б. Сиротинина // Термин и слово. Межвузов. сб., посвящ. 80-летию проф. Б. Н. Головина. – 1997. – С. 7–12.

172. Скворцова Е. В. Прецедентный характер имен собственных в малоформатных текстах (на материале названий американских фильмов начала XXI века) / Е. В. Скворцова // Материалы докладов Медународной он-лайн конференции «Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации», 25–27 февраля 2009 г.). – 2009. – С. 148–153.

173. Слышкин Г. Г. Парольный потенциал прецедентных текстов / Г. Г. Слышкин // Языковая личность : аспекты лингвистики и линволидактики : Сб. науч. тр. – 1999. – С. 26–31.

174. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты прецедентных феноменов в сознании и дискурсе : монография / Г. Г. Слышкин. – М. : Academia, 2000. – 139 с.

175. Смулаковская Р. Л. Своеобразие использования прецедентных феноменов в газетном дискурсе / Р. Л. Смулаковская // Лингвистика : бюллетень Уральского лингвистического общества. – 2004. – Т. 12. – С. 111–120.

176. Смыкунова Н. В. Прецедентные феномены в речевом общении русской языковой личности и процессе обучения русскому языку как иностранному : дис. ... канд. филол. наук : 13.00.02 / Смыкунова Наталья Валерьевна. – М., 2003. – 228 с.

177. Сорокин Ю. А., Гудков Д. Б., Красных В. В., Вольская Н. П. Феномен прецедентности и прецедентный феномены / Ю. А. Сорокин, Д. Б. Гудков, В.

В. Красных, Н. П. Вольская // Язык, сознание, коммуникация. – 1998. – Вып. 4. – С. 5–33.

178. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 1999. – 360 с.

179. Сумбатова Н. Р. Типологическое и диахроническое исследование морфосинтаксиса : дисс. ... д-ра филол. наук : 10.02.20 / Сумбатова Нина Романовна. – М., 2013. – 520 с.

180. Супрун А. Е. Текстовые реминисценции как языковое явление / А. Е. Супрун // Вопросы языкознания. – 1995. – № 6. – С. 17–29.

181. Сусов И. П. Прагматика дискурса и этнолингвистические проблемы / И. П. Сусова // Прагматика этноспецифического дискурса. Материалы симпозиума. – 1990. – С. 2–5.

182. Сычева О. Н. Методы исследования новой коммуникативной ситуации в России / О. Н. Сычева // Вестник Иркутского государсвтенного университета. – 2010. – № 2. – С. 229–235.

183. Тупикова С. Е. Когнитивные механизмы оценивания коммуникации (на материале англоязычного публицистического дискурса) / С. Е. Тупикова // Когнитивные исследования языка. – 2015. – № 22. – С. 295-298.

184. Тураева З. Я. Лингвистика текста / З. Я. Тураева. – М. : Просвещение, 1986. – 127 с.

185. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов. – М. : Наука, 1977. – 574 с.

186. Тырыгина В. А. Гендерные стратегии в устном нарративном дискурсе / В. А. Тырыгина // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2011. – № 8. – С. 84–90.

187. Ульянова Е. С. Реализация суперструктуры немецкоязычного энциклопедического дискурса : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Ульянова Екатерина Сергеевна. – М., 2004. – 200 с.

188. Федорова Л. Ю. Прецедентные феномены культуры в сознании современной студенческой молодежи: опыт социокультурного анализа : дис. ...

канд. социол. наук : 22.00.06 / Федорова Лариса Юрьевна. – Ростов-на-Дону, 2008. – 211 с.

189. Филлипс Л., Йоргенсен М. В. Дискурс анализ : теория и метод / Л. Филлипс, М. В. Йоргенсен // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. – 2006. – № 4. – С. 151–160.

190. Филлипс Н., Харди С. Что такое дискурс-анализ ? [Электронный ресурс] / Филлипс Н., С. Харди. – 2009. – Режим доступа : http://discourseanalysis.org/ada1/st4.shtml.

191. Формановская Н. И. Речевое общение : коммуникативно-прагматический подход : монография / Н. И. Формановская. – М. : Русский язык, 2002. – 216 с.

192. Чернышова Е. В., Селифонова Е. Д. Прецедентные феномены в романе Чака Паланика «Бойцовский клуб» и их толкование в русских переводах / Е. В. Чернышова, Е. Д. Селифонова // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. – 2015. – № 55. – С. 73–78.

193. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса : проблемы речевого воздействия / В. Е. Чернявская. – М. : Флинта, 2006. – 136 с.

194. Чикилева Л. С. Риторический дискурс : когнитивно-прагматический и структурно-стилистический аспекты : монография / Л. С. Чикилева. – М. : Флинта : Наука, 2005. – 315 с.

195. Чистова С. С. Сопоставительное исследование прецедентных феноменов в российской и американской рекламе бытовой техники и транспортных средств : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Чистова Софья Сергеевна. – Екатеринбург, 2009. – 25 с.

196. Чупров В. И., Зубок Ю. А. Социология молодежи : учебник. – М. : Норма, 2011. – 336 с.

197. Шаховский В. И. Интекст как языковой ключ культурного года (на материале писем А. Минкина Президенту) / В. И. Шаховский // Язык, сознание, коммуникация. – 2008. – Вып. 36. – С. 4–15.

198. Шведова Н. Ю. Русский язык. Избранные работы / Н. Ю. Шведова. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – 64 с.

199. Шумская Э. Н. Прецедентные феномены со сферой-источником «литература» в русскоязычном политическом дискурсе Казахстана / Э. Н. Шумская // Лингвокультурология. – 2010. – № 4. – С. 239–248.

200. Щибря О. Ю. Прецедентный текст как уникальная единица концептосферы текста / О. Ю. Щибря // Культурная жизнь Юга России. – 2011. – № 3. – С. 56–58.

201. Щукина К. А. Прецедентные феномены в Пирожках и Порошках – новых жанрах современной Интернет-поэзии / К. А. Щукина // Мир русского слова. – 2015. – № 4. – С. 49–54.

202. Щурина Ю. В. Интернет-мемы как феномен Интернет-коммуникации / Ю. В. Щурина // Лингвистика дискурса. – 2012. – № 3. – 160–172.

203. Якобсон Р. Язык и бессознательное / Р. Якобсон. – М. : Гнозис, 1996. – 248 с.

204. Яценко И. И. О времена! О тексты! (Доступны ли интертекстуальные связи русскоязычного художественного текста иностранному читателю?) / И. И. Яценко // Язык, сознание, коммуникация. – 1997. – Вып. 1. – С. 65–73.

205. Allen D. Conversational Analysis: The Sociology of Talk / D. Allen. – The Hague, Mouton, 1974. – 284 p.

206. Austin J. L. How to Do Things with Words / J. L. Austin. – Claredon, Oxford, 1962. – 167 p.

207. Ben-Porat Z. The Poetics of Literary Allusions / Z. Ben-Porat. // PTL 1. – 1978. – P. 105–128.

208. Benwell B., Stockoe E. Discourse and Identity / B. Benwell, E. Stockoe. – Edinburgh, Edinburgh University Press, 2006. – 314 p.

209. Brazil D. C. Discourse Intonation / D. C. Brazil. – Birmingham, English Language Research, 1975. – 234 p.

210. Brown G., Yule G. Discourse Analysis / G. Brown, G. Yule. – Cambridge, Cambridge University Press, 1983. – 288 pp.

211. Burton D. Towards an analysis of casual conversation / D. Burton. – London, Routledge and Kegan Paul, 1980. – 259 p.

212. Buyssens E. De l'abstrait et du concret dans les faits linguistiques: la parole, le discours, la langue. / E. Buyssens // Acta Linguistica. – № 3. – 1943. – P. 17–23.

213. Cambridge Advanced Learner’s Dictionary. – 2013. – 1852 p.

214. Chafe W. Discourse structure and human knowledge / W. Chafe // Language Comprehension and the Acquisition of Knowledge. – 1972. – P. 41–69.

215. Eco U. Sémiotique et philosophie du langage / U. Eco. – Paris, Presses universitaires de France, 1988. – 285 p.

216. Fairclough N. Textual analysis for social research / N. Fairclough. – New York : Routledge, 2003. – 270 p.

217. Fowler R. Language in the news : discourse and ideology in press / R. Fowler. – London, New York : Routledge, 1991. – 254 p.

218. Harris Z. Discourse analysis / Z. Harris // Language. – 1952. – V. 28. – № 1. – P. 1–30.

219. Hatim B. Intertextual intrusions: towards a framework for harnessing the power of the absent text in translation / B. Hatim // Translating Sensitive Texts: Linguistic Aspects. – 1997. – P. 29–45.

220. Kress G. Ideological structures in discourse / Kress G. // Handbook of discourse analysis. – 1985. – V. 4. – P. 27–42.

221. R. Leppihalme Culture Bumps: An Empirical Approach to the Translation of Allusions / Leppihalme R. – Clevedon, Multilingual Matters, 1997. – 241 p.

222. Levinson S. C. Pragmatics / S. C. Levinson. – Cambridge, Cambridge University Press, 2000. – 419 p.

223. Mann W., Matthiessen M., Thompson S. A. Rhetorical structure theory and text analysis / W. Mann, M. Metthiessen, S. A. Thompson // Discourse Description. – 1992. – P. 39–78.

224. Murray B. L. Qualitative research interviews : Therapeutic benefits for the participants / B. L. Murray // Journal of Psychiatric and Mental Health Nursing. – 2003. – № 10. – P. 231–238.

225. Pecheux M. Analyse automatique du discours / M. Pecheux. – Paris : Dunod, 1969. – 112 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Примеры прецедентных феноменов с наиболее высокой частотностью в электронных базах

Английский язык	Русский язык
Литература	
Romeo – 446 000 000 Tom Sawyer – 23 700 000 The Scarlet Letter – 8 360 000 Scrooge – 7 970 000 Avada kedavra – 818 000	Буратино – 3 000 000 Незнайка – 1 930 000 Раскольников – 1 080 000 Служить бы рад, прислуживаться тошно – 540 000
Живопись	
Mona Lisa – 21 600 000 Andy Warhol – 20 500 000	Малевич – 3 000 000 Мона Лиза – 1 120 000
Греческие мифы	
Trojan Horse – 5 440 000 Achilles' heel – 3 200 000	Троянский конь – 2 000 000 Ахиллес – 1 000 000
Библия	
Adam and Eve – 47 300 000 Jonah – 37 900 000 The Great Flood – 14 000 000 Turn the other cheek – 5 580 000	Адам и Ева – 12 000 000 Иона – 5 000 000 Всемирный потоп – 2 000 000 Подставить другую щеку – 1 500 000
Музыка	
Eminem – 94 900 000 To come in like a wrecking ball – 4 710 000 Yesterday, all my troubles seemed so far away – 525 000	Тимати – 3 000 000 Забери душу назад, неважно это рай или ад – 1 000 000 Надежда мой компас земной – 864 000
Кино	
James Bond – 149 000 000 The Hunger Games – 55 500 000	Штирлиц – 4 000 000 Духless – 2 000 000
Телевидение	
Jon Stewart – 51 100 000 The Oscars – 48 700 000	КВН – 8 000 000 Владимир Познер – 2 000 000

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Примеры текстов виртуального дискурса, содержащие упоминания о прецедентных феноменах

....Oh, perfect. A member of the Dream Team. How typical of the irony gods, and how typical of Hermione Granger to be up studying at six. "Granger, all alone with a book? How terribly pathetic - and yet somehow unsurprising." She shot him an **Avada Kedavra look** through her dark hair. "Malfoy, where are Crabbe and Goyle? Doesn't the brain cell you share shut down if you're apart for too long?"...

Источник: Maya, фэн-фикшен

'Crazy love' for Iraq's real life 'Romeo and Juliet'

22 November 2012 Last updated at 20:39 GMT

They may look like **an unlikely Romeo and Juliet**, but Zahra and Hassan have risked their lives to be together.

The Shi'a and Sunni Muslims fell in love during the height of Iraq's sectarian war and went on to defy their families' wishes by getting married.

"We are unshakable, nothing can drive us apart," Zahra told the BBC's Rami Ruhayem.

Источник: BBC, газетная статья

Help on Achievement - For Five Days **I Turned the Other Cheek**

Has anyone figured out how to do this? This seems incredibly hard (at least for me) to NOT kill anything for much needed gold to survive the initial blood moon. Any tips?

Источник: Lionel, 23 года, заметка на форуме

*Дать сдачи или "**подставить другую щеку**"?, будущий мужчина*

И еще меня волнует вот это:

КАК правильно учить ребенка реагировать на издевки со стороны сверстников (хотя...он уже в таком возрасте, что сам делает выбор, но поддержка со стороны родителей нужна, а родители сами не определились, как же нужно поступить в данной ситуации). Дело в том, что на этой неделе старший сын приходит из школы расстроенный. Вчера даже плакал. От обиды. Он дружил с этими мальчишками, одноклассниками, приглашал их к себе на день рождения, а они... стали задирать его. То толкнут, то бабой обзовут, то вытолкнут из линейки на физ-ре. Он - мальчик очень мягкий. Толкаться и обзываться не в его привычках, не в его характере. Но он очень обижается. А это еще больше раздражает (по себе знаю). Я учу его перевести все в шутку или отойти совсем в сторону. Муж учит ударить "так, чтобы мало не казалось- тогда они отстанут". Допускаю мысль, что муж прав (опустим, что это не по-христиански). Так как сейчас пацаны выясняют , пробуют кто сильнее, кто лидер, а кто в шестерках...Но даже дать сдачи (не говоря о том, чтобы задеть первым) Никита не сможет. И дело здесь, возможно, еще и в страхе. Он боится, что ему будет больно драться. Мои постоянные напоминания, объяснения, что ему нужно отжиматься, подтягиваться, качать мышцы то есть, чтобы суметь дать отпор, на него действуют очень кратковременно. Ленимся мы(((ЧТо делать?

Источник: Мама_Чоли (Tuesday, 03·04·2012, 17:25), комментарий на форуме

«Раскольников из Нурлата» *был в шаге от пожизненного*

За убийство всех членов семьи мужчина проведет вне воли почти 20 лет

Сегодня в Верховном суде Татарстана зампред суда Максим Беляев вынес приговор 28-летнему жителю Нурлата Антону Фадееву. Тройное убийство, которое он совершил в сентябре прошлого года, шокировало весь город — он убил своих родителей и младшего брата. Если бы в деле не было смягчающих обстоятельств, Фадеева могла постичь судьба Фарруха Ташбаева и Сергея Марушкова, осужденных пожизненно. Как выяснила газета «БИЗНЕС Online», изучив детали громкого уголовного дела, гибели Фадеевых можно было избежать, а осужденный не раз привлекался к административной ответственности и уже подвергался уголовному преследованию.

Источник: газета «БИЗНЕС Online»

ПРИЛОЖЕНИЕ В

Примеры мини-контекстов употребления прецедентных феноменов, полученные в ходе лингвистического эксперимента

Английский язык	Русский язык
Библия	
"You really shouldn't do that"...You can't judge me, you don't know me **from Adam**.	Они были глупы как **Адам и Ева**
It’s a shame **God** didn't let the dinosaurs on **the ark**.	Что за **всемирный потоп** у нас в ванной?
Музыка	
Don't just stand there and watch me burn – **I need you to save me from** this bad situation.	**Не сходи с ума, не жалей ни о чем**
Look, if taking off my clothes and **coming in like a wrecking ball** were going to change things, believe me, I'd do it.	Кому уважение толпы, а кому - дуэт с **Виа Грой**
Литература	
Reports of my graduation **were highly exaggerated**.	Ну что ты его боишься, как **Буратино** огня?
I might as well have been wearing **the letter "A"** on my chest.	Знавала я как-то такую вот **старушку-процентщицу**. Да на таких ни **топоров**, ни **студентов** не напасешься.
Кино	
They wouldn't let me photocopy the manuscript, so I channeled my inner **007** to **sneak** it **out** of the archive and bring it back without anyone noticing.	**Я вас не призываю в свой мир. Оставайтесь в своём**. **Только меня туда тащить не надо.**
"I hate going to concerts and sporting events that have huge audio systems making announcements as I walk up from the parking lot. It feels like I'm in **'The Hunger Games'** and I immediately wait for a cannon to go off."	**А Вас, Штирлиц, я попрошу остаться**
Телевидение	
He seized upon it with all the glee of **Jon Stewart** seizing upon the latest Republican misdeed.	Что ты говоришь? В СССР секса нет? Может еще и **во Франции родился**?
No one gives you **an Oscar** for managing to shower and brush your teeth every day.	- Так как, говоришь, назывался этот фильм? - Не помню ... **Помню только последние три буквы?**

ПРИЛОЖЕНИЕ Г

Пример дискурс-анализа прецедентного феномена согласно разработанной модели

А. – *Я бедный и несчастный студент, прямо как* ***Раскольников****.*

Б. – *Надеюсь, у тебя нет знакомой* ***старухи-процентщицы****.*

1. Этнографический протокол:

а. тип интеракции – дружеская беседа;

б. автор мини-контекста: женщина, 18 лет, 2 курс обучения в университете, специальность – филология, гражданство РФ;

в. речевой жанр – жалоба;

г. форма и тональность общения: устная форма общения, диалог, тональность ироническая, стиль неформальный.

2. В интеракции актуализируется прецедентный текст. Актуализация происходит через прецедентные имена. Прецедентные имена выступают символами прецедентного текста.

3. Признаки прецедентного феномена, проявившиеся в контексте: референциальность, аксиологическая маркированность, эталонность, семиотический способ существования, широкая распространенность и известность, имплицитность значения, метафоричность.

4. Вариативные признаки концепта прецедентного имени выражены лексически с помощью слов «бедный» и «несчастный», во второй реплике раскрывается также та часть сюжета прецедентного текста, в которой упомянутый герой совершил преступление, таким образом выражается ядерный признак: Раскольников – убийца.

5. Прецедентный феномен первого уровня: знакомый большинству представителей лингвокультурного сообщества.

6. В первой реплике прецедентный феномен выполняет функцию номинации, являясь частью сравнительного оборота. Вторая реплика выполняет людическую функцию с целью выражения иронии в отношении первого говорящего, применившего, возможно, не совсем уместное сравнение.

ПРИЛОЖЕНИЕ Д

Примеры текстов двуязычного корпуса, подготовленного автором

Тип текста: художественная литература, короткий рассказ
Автор: Douglas W. Milliken
A Rich Man's Knees [...] Afterward, I decided I would keep John company through the night, so we rode out into the desert and built a fire and made a simple sort of camp. Neither one of us wanted to be in anything like a house right yet. There was sage and saguaro and about a million stars up above, and at first it was fun riding and gathering wood and drinking the last of our whiskey, but after a while I wasn't sure if it was the best place for us to be. The desert that night made me feel old **the way Halston Smith looks old**. Stooped and vulnerable, hands twisted and spent. I don't know what it was John felt out there, saying nothing while the fire crackled and snapped. Neither of us slept. That night we saw a fox that was mostly black but for silver veins tracing its sides, then we saw four pronghorn rush past us in the dark. But John insisted they were unicorns. I didn't know what to make of that. His eyes were shining like silver dollars in the firelight. I waited for him to blink. Then he did. I wanted more than anything to not be spooked out there with my friend. But I was. The moon rose and fell and the fire died but we remained, and in the morning we rode to his brother's empty house, tired-eyed and silent, to pour water from the well across the kitchen's worn floorboards, to wash his sister-in-law's blood gelled still and thick and forgotten in the grains her own bare feet once polished to a sheen. [...]

Тип текста: блог
Автор: HAZEL CILLS (дата создания: 12/08/2011)
Ever since I was young, I have been Jewish. I went to a Jewish preschool, was the star of my Hebrew-school classes, and had a kickass Bat Mitzvah. But I don't actually believe in God. Science is, technically, my religion. And yet, I LOVE CHRISTMAS. How does this make sense? Why would an atheist Jew love Jesus's birthday so much?! As a Jew (I think I'm gonna start every sentence in the rest of this piece that way—don't worry, I won't…probably), I didn't grow up with Santa Claus or a Christmas tree. But one day my mom, who was raised Christian and converted to

Judaism before marrying my Jewish dad, was like, “I want some Christmas up in here!” and the tree came into our living room, along with the music and the movies and the cookies, OH MY! Christmas was this intoxicating holiday and unlike anything I had personally experienced (as a Jew). Judaism has its fun and joyous holidays (Passover! Hannukah!), but during those holidays I was never being constantly overwhelmed with LIGHTS and MUSIC and PEPPERMINT-FLAVORED TREATS! I embraced this new holiday. Once I started celebrating Christmas, you’d have thought I’d been doing it since the day I was born.

Some people might be offended regarding how I, AS A JEW, became so in love with this most un-Jewish of holidays. Yes, I am a sucker for decorative treats and the colors green and red. Not to mention the fact that Christmas music is so goddamn catchy! How could anyone not sing along to all of the infectious pop songs on the radio during the holiday season? I am attracted to the consumerist side of Christmas as well as the twinkling lights and the overall spirit of whimsy. All of this, of course, has literally nothing to do with Jesus Christ. Isn’t Christmas about Jesus?

Well, not to me. Excuse me if I’m about to **go** totally **Hallmark** on all of you, but to me Christmas is a holiday of giving and love. Woah, that sounded super cheesy, but it’s true! The Christmases I’ve had were magical for the reasons listed above (mmm, peppermints), but they were also special because I was surrounded by my family. I spent those holidays with my five Christian-raised cousins who flew across the country to drink hot cocoa and open presents with me. We go sledding and ice-skating and get stuck in my ice-covered driveway for 30 minutes or so! Doesn’t that sound great? Trust me, it’s great. Christmas is a sort of homecoming for my relatives and I bet many other people, no matter what religion or nonreligion they are, would say the same.

Тип текста: интервью

Автор: Miley Cyrus (23 года)

[...] With the ‘Wrecking Ball’ video or ‘Can’t Stop’, there are parts of it that of course are for a mature audience, but there’s something kind of immature about it because the party’s so ridiculous, it always has to have a balance and a ying yang to it. That’s the same as ‘Wrecking Ball’. It has to be sexy and strong and that’s what I feel like with fashion, I feel like Marc does that so well. There’s definitely something amazing about being so lady like yet being so punk and that’s more of what I am even if I’m wearing things that aren’t. I like having this punk feel about it even if it’s **like Louboutin**. You’ve got to find the right designers that know how to mix. When I was in Paris working with Kenzo, that’s something that they do really well there too. Like fashion and everything else, it doesn’t need to be so serious. People take it too seriously, it’s supposed to be self expression and how you want people to see you. I read that 80% of what people think about you is made off the first ten seconds they meet you and you look at someone and you say “are they competent, are they this, are they that?” And for me if that’s what people are looking at for the first 30 seconds they see me they’re going to think they know who I am so I want you to take in everything and I want everything to be representing who I am. [...]

Тип текста: газетная статья
Автор: студент, пишущий для университетской газеты
«Дельте» предстоял матч с одним из лидеров чемпионата – питерским «Кристаллом». И как **триста спартанцев под предводительством царя Леонидаса храбро сражались с армией Ксеркса**, так и саратовские футболисты во главе с Леонидом Городновым самоотверженно боролись с соперником. На протяжении всей игры хозяева на равных играли с именитыми противниками. И порой даже превосходили их. Первые моменты были как раз у «Дельты». Сначала Андрей Панкратов в падении пробил в перекладину, а затем Жил Пауло не сумел реализовать выход один на один. Однако счёт открыли игроки «Кристалла» - Бруно Шавьер распечатал ворота Белогрудова. Ответ саратовцев не заставил себя долго ждать. Игор Матеуш прекрасно пробил с дальнего штрафного в нижний угол. Затем у «Дельты» было три превосходных момента для того, чтобы выйти вперёд. Но Андрей Панкратов дважды промахнулся из хороших позиций, а удар Жила Пауло отразил Иван Островский. Как итог – боевая ничья после первого периода. Начало второй трети также осталось за саратовской командой. Снова не попал в створ из убойной позиции Панкратов, и снова после удара Жила спас свою команду Островский. Тут-то и сработало футбольное правило «не забиваешь ты – забивают тебе». Кирилл Романов пробил через себя с близкого расстояния и вывел «Кристалл» вперёд. Вскоре после этого Фернандо со штрафного увеличил разрыв до двух мячей. Счёт мог стать 4:1, но Руслан Аманов на ленточке своих ворот отобрал мяч у соперника.

Тип текста: публицистика, авторская колонка
Автор: Тимур Асеев (дата создания: 30 ноября 2014)
Политика. Культура *Американские киностудии выпускают фильмы, в которых прослеживается пропаганда цветных революций.* Последнее время американские киностудии стали выпускать массу фантастических блокбастеров, в которых главной сюжетной линией является противостояние государства и общества или государства и личности. К одной из таких кинолент можно отнести «Голодные игры: Сойка-пересмешница. Часть 1», премьера которой недавно состоялась в России. Фильм рассказывает о борьбе угнетенного общества с антидемократическим режимом в государстве будущего. Тоталитарная власть поддерживает строжайшие законы, извращенная, пресытившаяся элита паразитирует на рабочем классе, людям промывают мозги пропагандой, любое проявление инакомыслия жестоко карается – вплоть до смертной казни. Однако находятся те, кто поднимает голову, и решают, что лучше смерть, чем рабство. Разгорается гражданская война. Правитель-тиран гасит революцию напалмом, но благородные повстанцы, среди которых и главные герои, сражаются за свободу до последнего… И подобные фильмы стали появляться все чаще.

В «Дивергенте», вышедшем в 2014-м году, общество поделено на фракции (касты) земледельцев, воинов, ученых, управленцев и др., член каждой из них должен выполнять отведенную строго ему функцию. В юном возрасте человеку дается возможность раз и навсегда выбрать фракцию, к которой он примкнет, выбор должен быть основан на результатах некоего теста. На первый взгляд общество идеально, прямо платоновский коммунизм, но некоторых подростков не устраивает предопределенность судьбы и они начинают противодействовать системе; тем более, что власть хочет вживить всем гражданам микрочипы и управлять ими, как послушным стадом.

Фильм «Посвященный» почти копия «Дивергента». В городах на каждой улице, в каждом доме за каждым движением следят камеры видеонаблюдения, а микрофоны записывают каждое слово. Нет запрета на вторжение в частную жизнь, есть запрет на любую ложь. По утрам людям делают инъекции, лишающие эмоций. Другими препаратами умерщвляют новорожденных детей, не отвечающих стандартам. Членов социума, естественно, не посвящают в подробности, они знают только то, что их общество идеально. И как уже не трудно догадаться, находятся люди, которые сбрасывают пелену с глаз и начинают борьбу за свободу.

Интересно, что в основу названных кинолент положены литературные произведения в жанре так называемой подростковой антиутопии, который чрезвычайно популярен сегодня. Любовные истории утонченных вампиров уже не так привлекают юношей и девушек, теперь их интересуют мятежные подростки, такие как Сойка-пересмешница. Думаю, немалую роль в популяризации жанра играет как раз западная киноиндустрия.

Отдельная тема – фильм «Облачный атлас», который я бы назвал манифестом западных ценностей. Не буду вдаваться в детали, скажу только, что там пропагандируются толерантность, гомосексуализм и вооруженное сопротивление власти. И не удивительно, учитывая, что один из режиссеров фильма – трансгендер, давно сменивший (или сменившая?!) имя Ларри на Лана…

Список можно продолжить, но и без того ясно, что у Голливуда появился новый шаблон – мятежная фантастика. Извечный конфликт добра и зла, присутствующий почти в каждом произведении литературы и искусства, хитро подменяется конфликтом государства и общества или государства и личности, где государство всегда выступает на стороне зла. Кстати, корни этого феномена уходят в прошлое, вспомнить хотя бы «Звездные войны» с плохой Империей и хорошими сепаратистами.

Внимательный зритель в подобных фильмах может подметить одну деталь – полицейский или миротворец (сотрудник органов принуждения), который противостоит революционерам, обязательно будет носить шлем с наглухо тонированным забралом. Надо полагать, лицо скрывается специально, по указке режиссера, чтобы зрителю было не жалко этих людей, когда их будут убивать «добрые» революционеры. Мне почему-то за черными стеклами таких фантастических солдат иногда кажутся лица ребят из киевского «Беркута»…

Только в голливудских фильмах все просто и ясно, там мир можно

разделить на черное и белое; в реальной жизни революция и гражданская война это далеко не борьба со злом, а инструмент свержения неугодных режимов, разработанный политтехнологами англосаксонского и еврейского происхождения. Выступления народных масс это вовсе не спонтанные явления, вызванные лишь действиями властей, всегда есть третья сторона, подстрекающая, она находится в тени и в конечном счете получает все выгоды. Народ же и государство оказываются ввергнутыми во мрак и хаос, мы в этом убедились на примере арабской весны и убеждаемся на примере Украины.

Тип текста: художественная литература, короткий рассказ

Автор: Александр Крохмаль

Черный Нефилин

[...]

– Кто вы? – вновь прокричал я. – Кто вы такие?

– Мы? – усмехнулась первая копия дедушки. – Я только один здесь.

После этих слов, все три копии дедушки разом испарились. Исчезли и превратились в белый пар, который стремительно рассеялся по всей гостиной. Передо мной теперь не лежал дедушка. Это существо приняло облик одного из хулиганов моей школы. Я уже не помню его имени, но я помню, что ему было лет шестнадцать, и у него были светлые волосы.

– Кто ты? – по-прежнему задавал вопросы я.

– Я – Лорд Кошмар, – уже серьёзно проговорил фантом. – Я – то, чего ты боишься, то, чего ты страшишься больше всего на свете. Баянган Гхелап, лорд Семи Миров и Шести сот Шестидесяти Шести Великих Кошмаров.

– Невозможно! – резко ответил я существу.

– Возможно, – проговорил фантом. – Очень даже возможно! И знаешь ли, никакой там **якобы Тёмный Властелин из мира Теней** не создавал меня. Признаться, его вообще не существует. Я появился из ваших человеческих страхов и негативных мыслей. Как и многие писатели, ты боишься. Ты боишься многого, ведь все люди боятся. Ты не исключение. Ты сам принимал участие в моём создании благодаря своим страхам. И я обрёл свободу. В твоём мире я слаб, но здесь моё могущество безгранично. [...]